

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО»
ИНСТИТУТ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ, МЕДИАТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА**

МедиаВектор

Выпуск 18

Научный журнал

**Новосибирск
Симферополь
2025**

УДК 130.2; 070; 008
ББК 71; 76.0; 76.17

Рекомендовано ученым советом Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» от 26 ноября 2025 года (протокол № 7)

МедиаВектор. – Научный журнал. – Новосибирск-Симферополь: Изд. АНС «СибАК», 2025. – Вып. 18. – 115 с.

Главный редактор:

Савченко Любовь Васильевна, доктор филологических наук, профессор, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь)

Заместитель главного редактора:

Вовк Екатерина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь)

Редакционная коллегия:

Александрова Наталья Сергеевна, доктор педагогических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет» (г. Киров)

Андрющенко Ирина Александровна, кандидат культурологии, доцент, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь)

Ахунзянова Фарида Тагировна, кандидат культурологии, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Костромской государственный университет (г. Кострома)

Везетиу Екатерина Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте (г. Ялта)

Гладилина Ирина Петровна, доктор педагогических наук, профессор, Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова (г. Москва)

Демина Людмила Ивановна, доктор филологических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар)

Зайцев Александр Владимирович, доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Костромской государственный университет (г. Кострома)

Касьянова Людмила Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет (г. Астрахань)

Климкович Евгения Вячеславовна, кандидат педагогических наук, Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова (г. Москва)

Коханая Ольга Евгеньевна, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент, Московский гуманитарный университет (г. Москва)

Нехайчук Дмитрий Валерьевич, доктор экономических наук, доцент, Севастопольский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» (г. Севастополь)

Петрова Лиллия Геннадиевна, кандидат педагогических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород)

Платонова Айше Вадимовна, кандидат наук по социальным коммуникациям, доцент, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего

образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь)

Смеюха Виктория Вячеславовна, доктор филологических наук, доцент, Ростовский государственный университет путей сообщения (г. Ростов-на-Дону)

Степанов Валентин Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Международный университет бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)

Сурова Екатерина Эдуардовна, доктор философских наук, профессор, Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного (г. Санкт-Петербург)

Терещенко Елена Юрьевна, доктор культурологии, доцент, Мурманский арктический государственный университет (г. Мурманск)

Швецова Антонина Викторовна, доктор философских наук, профессор, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский университет культуры, искусств и туризма» (г. Симферополь)

Шилина Анжела Григорьевна, доктор филологических наук, доцент, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь)

Элькан Ольга Борисовна, доктор искусствоведения, кандидат культурологии, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А.Л. Штиглица» (г. Санкт-Петербург)

Яблоновская Наталья Всеволодовна, доктор филологических наук, профессор, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь)

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

Средства массовой информации: Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-61807 от 30.09.2022

Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU: Издание размещается на платформе eLIBRARY с индексацией в РИНЦ (договор с Научной электронной библиотекой Elibrary.ru № 171-03/2014)

ISSN: Журнал зарегистрирован в Международном Центре ISSN в Париже (идентификационный номер печатной версии: ISSN 2712-9039), действующий при поддержке ЮНЕСКО и Правительства Франции

Группы научных специальностей:

Научные специальности	Отрасли науки, по которым присуждаются ученые степени
5.8.7. Методология и технология профессионального образования	Педагогические науки
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика	Филологические науки
5.10.1. Теория и история культуры, искусства	Культурология Философия
5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства)	Культурология Искусствоведение

© Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (г. Симферополь), 2025 г.

© Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна, 2025 г.

Все права защищены.

ДИЗАЙН-КОД ПОСЕЛКА ЗУЯ. СТАНДАРТ ОФОРМЛЕНИЯ И РАЗМЕЩЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Айвезова Эльвина Арсеновна,
студентка 5 курса направления подготовки «Градостроительство»
Институт «Академия строительства и архитектуры»
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь);

Асанова Алие Зиновьевна,
студентка 5 курса направления подготовки «Градостроительство»
Институт «Академия строительства и архитектуры»
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь);

Сидорова Виктория Витальевна,
кандидат архитектуры, доцент
Институт «Академия строительства и архитектуры»
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь)

Аннотация. Развитие внутреннего туризма в Крыму и необходимость повышения привлекательности малых населенных пунктов обуславливают потребность в упорядочивании их визуальной среды. Посёлок городского типа Зуя, обладающий значительным природно-ландшафтным потенциалом, сталкивается с проблемой визуального хаоса, вызванного стихийным размещением информационных и рекламных конструкций. Предложено авторское решение сложившейся проблемы.

Ключевые слова: дизайн-код, вывеска, информационные конструкции, благоустройство, идентичность места.

Annotation. The development of domestic tourism in Crimea and the need to increase the attractiveness of small settlements have led to the need to streamline their visual environment. The urban-type settlement of Zuya, which has significant natural and landscape potential, faces the challenge of visual chaos caused by the spontaneous placement of information and advertising structures.

Key words: design code, signage, information structures, landscaping, place identity.

Постановка проблемы. Проект «Дизайн-код посёлка Зуя» Н/2025/П.5 выполняется командой Академии строительства и архитектуры (ППС и обучающихся) в рамках Приоритет 2030 в «КФУ им. В. И. Вернадского», НИОКТР 125102011811-5 «Научные подходы к разработке архитектурного образа и дизайн-кода населенного пункта».

В данной статье описаны основные стандарты оформления и размещения информационных конструкций для пос. Зуя.

Особую актуальность в современной градостроительной и социокультурной сфере приобретает тема разработки и внедрения дизайн-кодов для малых городов и поселков. В Республике Крым данная проблема стоит особенно остро, что обусловлено двумя ключевыми факторами: устойчивым ростом интереса к внутреннему туризму и потребностью комплексного развития малых населенных пунктов, многие из которых обладают значительным, но нереализованным потенциалом.

Визуальная среда таких поселений зачастую характеризуется стихийностью и хаотичностью. Отсутствие единых регулирующих правил приводит к накоплению визуального шума, создаваемого разнородными, зачастую низкосортными вывесками, рекламными конструкциями и неорганизованной системой навигации. Визуальная перегруженность среды не только негативно влияет на эстетическое

восприятие и комфортность проживания, но и приводит к потере идентичности места, скрывая его историко-культурное наследие за коммерческими элементами. Как следствие, снижается потенциал территории в формировании узнаваемого имиджа и повышении туристической привлекательности.

Целью исследования является разработка концепции дизайн-кода и стандартов для информационных конструкций поселка Зуя.

Изложение основного материала. Дизайн-код (или архитектурный код) населенного пункта – это нормативный правовой акт, являющийся приложением к правилам благоустройства. В дизайн-коде собраны ключевые правила и рекомендации по оформлению фасадов, размещению информационных конструкций, благоустройству и элементов озеленения городской среды.

В России практика внедрения дизайн-кодов из теоретической концепции за последнее десятилетие превратилась в действенный инструмент регулирования визуальной среды. Анализ отечественного опыта позволяет выявить успехи и типичные проблемы во внедрении дизайн-кода.

В Москве было впервые в России введено регулирование вывесок с применением единой системы требований к визуальному оформлению. Результатом стало снижение визуального шума и повышение упорядоченности городского пространства. Несмотря на первоначальное сопротивление бизнеса, в долгосрочной перспективе внедрение единого стандарта способствовало повышению воспринимаемой ценности брендов и созданию более конструктивной конкуренции. Данный опыт указывает на необходимость учета контекста и системного подхода к решению подобных вопросов.

Для поселка Зуя релевантен опыт малых городов (Суздаль, Выборг, Старая Русса), фокусирующихся на туризме и идентичности места. Здесь дизайн-код часто становится инструментом точечного вмешательства – регулирования центральных улиц и ключевых туристических маршрутов. Акцент делается на использовании натуральных материалов. Упорядоченная среда привлекает инвестиции и способствует увеличению туристического потока, тем самым повышая стоимость недвижимости и доходы местного бизнеса.

Также хорошим примером может послужить недавно внедренный дизайн-код города Алушка, в котором был сделан акцент на сохранении исторического наследия и поддержании идентичности городской среды. Так визуальная среда стала более аутентичной, город стал более привлекательным.

Опыт доказывает, что внедрение дизайн-кода представляет собой не только особенность крупных городов, но и эффективную стратегию развития населенных пунктов различного масштаба. Для поселка Зуя этот опыт обладает значительной методологической ценностью. Заимствуя лучшие практики (гибкость Москвы, уважение к истории и акцент на идентичности Алушки, экономическую реализуемость малых городов), можно разработать действенный и эффективный стандарт, который станет катализатором позитивных преобразований для комфортной среды.

Проведенный анализ территории поселка Зуя позволяет охарактеризовать его как поселение с выраженным природно-ландшафтным, а не архитектурно-историческим потенциалом. Ключевой особенностью, определившей концептуальную основу для формирования идентичности, стало его географическое положение на стыке двух типов ландшафтов – горного и степного Крыма. Данный контекст находит прямое отражение в мягких очертаниях окружающих холмов и одноименной реки Зуя, что задает естественную, плавную морфологию поселения. Недавнее открытие пещеры «Таврида» значительно усилило рекреационный и туристический потенциал района, поскольку пещера стала новой точкой притяжения для посетителей.

Анализ существующего колористического решения застройки поселка, проведенный в ходе натурных исследований, стал важной основой для разработки соответствующих стандартов. В результате анализа было выявлено преобладание приглушенных, естественных оттенков. Доминирующей является бежевая гамма, используемая в оформлении фасадов, а также насыщенный красный цвет черепицы, традиционно применяемой для кровельных покрытий. Значительную роль в формировании колористического облика играют различные оттенки коричневого цвета.

Совокупность указанных цветов создает теплую визуальную среду, гармонично интегрированную в окружающий природный ландшафт.

В качестве объекта исследования выбрана улица Шоссейная, выполняющая роль главной транспортной и функциональной артерии посёлка, концентрирующая основные общественные, коммерческие и административные функции. Методом визуального обследования и фотофиксации была проведена классификация существующих рекламных и информационных конструкций. Проведённый анализ позволил выявить ряд системных проблем, нарушающих целостность визуальной среды (см. Таблицу 1).

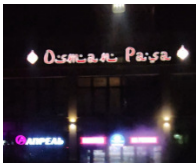
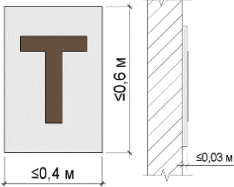

Таблица 1

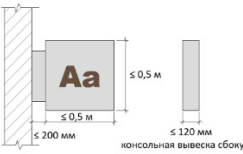
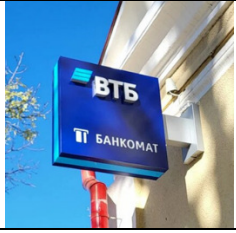
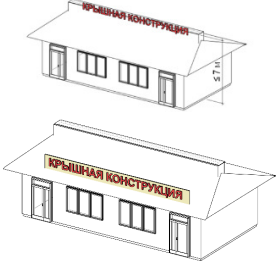

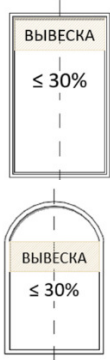

Проблемы поселка Зуя

№	Проблема	Описание	Иллюстрация
1	Стилевая и композиционная разрозненность	На фасадах зданий присутствуют конструкции, радикально различающиеся по стилю, размерам и дизайнерскому качеству, что создает эффект визуального шума.	
2	Нарушение масштаба и архитектурных пропорций	Многие вывески имеют несоразмерно крупные габариты по отношению к фасадам, визуально «перегружая» их и скрывая архитектурные элементы.	
3	Неконтролируемое размещение	Наблюдается бессистемное крепление конструкций на исторических и новых фасадах, зачастую без учёта композиционных осей, оконных и дверных проёмов, что наносит ущерб архитектурному облику зданий.	
4	Использование недолговечных и неэкологичных материалов	Широко распространено применение дешёвых материалов (ПВХ, пластик, ламинированная фанера), которые быстро теряют презентабельный вид и не соответствуют природно-ландшафтному контексту посёлка.	

Также в результате проведённого натурного обследования была разработана классификация информационных конструкций, используемых в поселке Зуя (см. Таблицу 2).

Типология рекламных конструкций

№	Наименование	Иллюстрация	Общие рекомендации	Существующие примеры в поселке Зуя
1	Вывески из отдельных букв и знаков		Наиболее предпочтительный тип. Буквы монтируются по отдельности на фасад.	
2	Плоские/объемные вывески с подложкой		Вывески на непрозрачной основе – второй по предпочтительности тип вывески. Предпочтительное использование объемных букв.	
3	Вывески с подсветкой		Умеренное применение световых коробов создаст комфортную вечернюю среду, сохранив узнаваемость объектов. Они должны ежедневно включаться с наступлением темного времени суток и выключаться не ранее времени отключения уличного освещения, но не позднее наступления светового дня [1].	
4	Таблички		Таблички должны стать элементами, обеспечивающими необходимую информацию	

5	Консольная вывеска		Ограниченное применение с соблюдением строгих параметров.	
6	Крышная вывеска		Крышные вывески можно использовать для торговых центров, высота фасада – более 7 м. Не допустимо использование конструкции на подложке.	
7	Витринная вывеска		При временном оформлении витрин и окон статичная информация размещается с внутренней стороны остекления в плоском исполнении. При этом площадь информации не должна превышать более 30% от общей площади остекления.	

Были сформулированы универсальные принципы, регламентирующие размещение и оформление информационных конструкций всех типов. Содержательное наполнение вывески ограничивается указанием профиля деятельности, наименования организации и ее визуальной идентичности (логотип, товарный знак).

Габариты конструкций не должны превышать 10 метров в длину и занимать более 70% площади фасада. При размещении на фризе высота вывески не может превышать 70% его высоты. Ключевым требованием является сохранение архитектурных элементов: вывеска монтируется без выступа за границы фасада и с обязательным отступом не менее 200 мм от оконных и дверных проемов, карнизов и парапетов.

Зональное размещение определяется этажностью и назначением здания. В многоэтажных строениях вывески размещаются над окнами того этажа, где расположена организация. На одноэтажных объектах и объектах индивидуальной жилой застройки допускается размещение в промежуточной зоне между верхней линией окон и карнизом. Размещение вывесок на уровне жилых этажей категорически запрещено. При монтаже в цокольной части необходимо соблюдать минимальный просвет в 600 мм от уровня земли.

Колористическое и материальное решение должно способствовать формированию единой визуальной среды. Рекомендовано использование сдержанной палитры с преимущественным применением однотонных подложек, недопустимо применение люминесцентных цветов. К допустимым материалам относятся современные долговечные материалы: композитные панели, металл, акрил и поликарбонат, обеспечивающие необходимые эксплуатационные характеристики и эстетическое восприятие. Отдельным требованием, установленным Федеральным законом от 24.06.2025 № 168-ФЗ, является обязательное применение русского языка на всех типах информационных конструкций [2].

В области шрифтового оформления установлены следующие принципы. Рекомендуется использование не более двух гармонично сочетающихся шрифтов, соответствующих стилистике организации и обеспечивающих хорошую читаемость. Исключение составляют компании с официально зарегистрированными фирменными шрифтами. При выборе шрифтового решения приоритет отдается гротескам (рубленным шрифтам) благодаря их универсальности, высокой читабельности с различных дистанций и нейтральности, что делает их подходящими для большинства типов коммерческих объектов. Использование антиквенных шрифтов (шрифтов с засечками) допускается для вывесок на зданиях, выполненных в классическом стиле.

Помимо фасадных конструкций, визуальную среду поселка Зуя формируют отдельно стоящие объекты, основными типами которых являются стационарные информационные стенды и переносные штендеры (см. рис. 1).

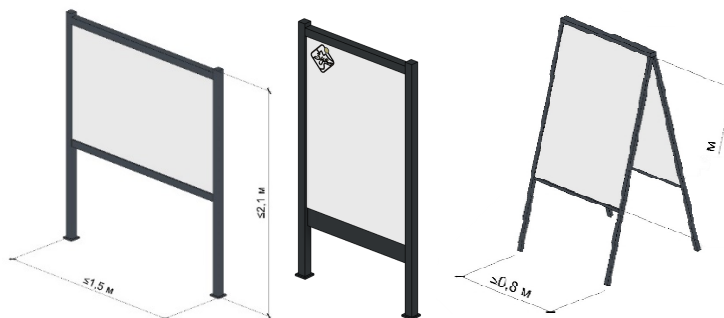

Рисунок 1. Информационные стенды и штендер

Анализ стендов и штендеров, выявил системные нарушения: большинство конструкций выполнено с использованием недопустимых цветов и недолговечных материалов, отличается устаревшим дизайном, недостаточное обслуживание информационных стендов, выражающееся в несвоевременном удалении устаревшей информации, что приводит к формированию визуального беспорядка.

В целях упорядочивания среды устанавливаются общие ограничения на размещение. Запрещается размещение рекламы на дорожных знаках, ограждениях, над проезжей частью, на природных объектах (деревьях, скалах), а также установка конструкций, загромождающих фасады зданий, окна и витрины [3].

Требования к информационным стендам предусматривают четкое зонирование: основное информационное поле для актуальных объявлений и блок с данными владельца. Для обеспечения сохранности и долговечности рекомендуется оснащать стенды защитным экраном и надежным фундаментом (заглубляемым или не заглубляемым). Допускается использование внешней подсветки при условии скрытой прокладки кабеля.

Регламентация штендеров направлена на обеспечение беспрепятственного пешеходного движения и визуального порядка. Ключевые параметры включают:

1. Привязка к заведению: расстояние от входа – не более 5 метров.
2. Размещение: установка на тротуарах шириной не менее 3 метров на расстоянии до 0,5 м от фасада.
3. Количественные ограничения: не более одного штендера на вход с регламентацией очередности для совместно используемых входов.
4. Временной режим: установка разрешена только в часы работы организации.
5. Эстетические требования: дизайн должен отражать профиль деятельности, гармонизировать с другими малыми архитектурными формами и избегать ярких, кричащих цветов, создающих визуальный шум.

Данные нормативы призваны интегрировать отдельно стоящие конструкции в единую систему визуальной коммуникации посёлка, обеспечивая их функциональность, безопасность и эстетическое соответствие общей концепции дизайн-кода.

Выводы. Учитывая выявленные проблемы визуальной среды и разработанные рекомендации, можно сделать вывод, что внедрение дизайн-кода в поселке Зуя является необходимым условием для его устойчивого развития. Ключевые проблемы – стилевая

разрозненность, нарушение масштаба, использование недолговечных материалов и хаотичное размещение конструкций – требуют системного решения.

Разработанные стандарты размещения и оформления вывесок, информационных стендов и штендеров создают комплексный инструмент для преобразования визуального пространства посёлка. Предложенные меры, включая регламентацию параметров, материалов, колористики и типографики, направлены на формирование гармоничной, эстетически целостной и функциональной среды.

До конца 2025 года планируется завершить работу над Проектом «Дизайн-код пос. Зуя»: провести общественные слушания в пос. Зуя, утвердить и принять к исполнению дизайн-код Администрацией Зуйского сельского поселения.

Реализация дизайн-кода позволит не только упорядочить визуальную коммуникацию, но и раскрыть потенциал Зуи, усиливая её уникальность, повышая туристическую привлекательность и улучшая качество жизни населения. Данный подход обеспечит основу для последовательного развития посёлка, сохраняя его идентичность и создавая комфортное пространство для жителей и гостей.

Список литературы:

1. Зуйский сельский совет. Решение от 18.04.2018 № 455 «Об утверждении Правил благоустройства территории муниципального образования Зуйское сельское поселение Белогорского района Республики Крым» // Правительство Республики Крым. – URL: <https://zuyskoe.rk.gov.ru/documents/0021b1a3-8b9c-4c8b-a947-6324d31eafd6> (дата обращения: 11.12.2025)

2. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 168-ФЗ: [принят Государственной Думой 17.06.2025, одобрен Советом Федерации 18.06.2025] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW (дата обращения: 11.11.2025)

3. Российская Федерация. Законы. О рекламе: Федеральный закон № 38-ФЗ: [принят Государственной Думой 22.02.2006, одобрен Советом Федерации 03.03.2006] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW (дата обращения: 11.11.2025)

УДК 004.7+2

ГИБРИДНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ: СОЧЕТАНИЕ ОНЛАЙН И ОФЛАЙН В ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Алимханова Асель Азаматовна,

докторант 2 курса специальности «Религиоведение»

Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы);

Байтенова Нагима Жаулыбаевна,

доктор философских наук, профессор

Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы)

Аннотация. Статья анализирует гибридные религиозные практики в цифровую эпоху. Она подробно рассматривает пересечение онлайн и офлайн форм веры. Исследование опирается на концепции медиации, digital religion и lived religion. Особое внимание уделено визуальной религиозности в современных социальных сетях. Анализ показывает влияние алгоритмов и платформенной архитектуры на верующих. Казахстанский Instagram представлен как пространство повседневной религиозности. Женские аккаунты демонстрируют новые способы конструирования субъективности.

Ключевые слова: цифровые религии, гибридизация, медиа, социальные сети, религиозные практики.

Annotation. The article examines hybrid religious practices in the digital age, offering a detailed analysis of the intersections between online and offline forms of faith. The study draws on the concepts of mediation, digital religion, and lived religion. Particular attention is paid to visual religiosity in contemporary social media. The analysis highlights the influence of algorithms and

platform architecture on believers. Kazakhstani Instagram is presented as a space of everyday religiosity, where women's accounts demonstrate new ways of constructing subjectivity.

Key words: digital religions, hybridization, media, social networks, religious practices.

Постановка проблемы. Цифровые технологии заняли устойчивое место в повседневной жизни, трансформируя коммуникацию, социальные связи и формы участия в религиозных практиках. В ходе этой трансформации возникает феномен гибридности, когда цифровые (онлайн) и физические (офлайн) формы религиозной деятельности не противопоставляются, а дополняют и усиливают друг друга. Верующие сегодня, это не просто верующие, которые выполняют обряды в реальной жизни, они совмещают это с ежедневными цифровыми практиками, такими как, просмотр проповедей, использование различных приложений для молитв или поглощение и публикация религиозного контента в социальных медиа.

Актуальность нашей темы обусловлена необходимостью осмысления роли современных медиа в перестраивании религиозной повседневности и создании новых практик воплощения веры, в частности сочетание офлайн и онлайн религиозности. Объектом исследования являются религиозные практики в цифровой эпохе, а предмет – процесс гибридизации, который связывает онлайн и офлайн уровни религиозной активности.

Цель исследования заключается в исследовании механизмов формирующих гибридные религиозные практики и их влияние на религиозную субъективность.

Методологическая основа статьи: нетнография [1], визуальный анализ медиа-контента и теоретические подходы Х. Кэмпбелл, Г. Бант, Хиршkind и Аммерман.

Изложение основного материала. В социальных науках гибридность (hybridity) описывается как совмещение элементов различных сред в единую структуру повседневности. Адриана де Соуза e Сильва в своей статье: «From Cyber to Hybrid: Mobile Technologies as Interfaces of Hybrid Spaces» дает такое определение гибридному пространству, гибридное пространство это место, где физическое и цифровое взаимодействуют и образуют новые формы социальной активности [2]. Применительно к нашей теме, гибридность дает возможность рассматривать цифровые практики не как замену традиционных, а как их продолжение и расширение.

Теория медиации Хьярварда [3] подчеркивает, что медиа получают роль самостоятельного агента религиозного опыта. Цифровая среда перестает быть простым инструментом коммуникации, она превращается в пространство в котором религиозные значения создаются, транслируются и интерпретируются. Также Хьярвард вводит понятие «банальная религия» («banal religion»), это когда медиа-тексты становятся источником религиозного смысла вне традиционной институции.

Digital Religion: современный концептуальный подход.

В современном религиоведении Digital Religion относительно новое направление, актуальность, которого растет с каждым днем. Ключевые исследования в данной сфере, в частности Х. Кэмпбелл [4], подчеркивает, что цифровые технологии формируют новые формы религиозной субъективности. Также она пишет, о «религиозной сети» (networked religion), где субъект больше не привязан к институции или к конкретному пространству. Цифровые платформы дают возможность формировать фрагментированную, мобильную и интерактивную религиозную идентичность. Данная религиозная идентичность складывается из широкой доступности религиозного контента, такие как учения, практики, ритуалы в режиме 24/7; децентрализация авторитета, где каждый пользователь сам выбирает, кому доверять традиционному представителю религии. имаму-блоггеру, тиктокеру католику или локальному наставнику; новые формы участия, такие, как лайки, цифровые пожертвования, группы поддержки и общины вокруг религиозных лидеров в социальных сетях [5].

В результате религиозная субъективность становится рефлексивной и медиационно обусловленной: человек конструирует свою веру через практики публиковать, комментировать, репостить и наблюдать за другими. Кэмпбелл подчеркивает, что именно цифровая архитектура платформ начинает играть роль среды, в которой «собирается» религиозный опыт.

Гари Бант [6], делает фокус на том, что интернет создает уникальное религиозное пространство, которое позволяет пользователям формировать свои собственные практики, выходящие за пределы институциональных структур.

Чарльз Хиршкинд [7], считает, что медиированные аудио и видео материалы создают новые формы религиозного аффекта. Также он исследует, как медиа не просто распространяют религиозное знание, а создают режимы чувствования: что человек ощущает, как реагирует, что считает благочестивым.

Lived Religion и повседневные практики.

Н. Аммерман [8] рассматривает религию как набор повседневных практик, встроенных в ритм жизни верующих. К примеру: человек каждый день, выходя из дома, кладёт в карман небольшую символическую вещь, которая для него связана с ощущением смысла и защищенности. Он делает это автоматически, как часть утреннего ритуала: проверить телефон, ключи, воду и этот небольшой предмет.

Он не воспринимает этот жест как «ритуал» или «религиозное действие». Это просто часть его обычного дня, встроенная в привычный порядок. Но именно такие незаметные повторяющиеся практики Аммерман и описывает как проявления *lived religion*: религиозность, которая живёт не в громких обрядовых моментах, а в маленьких, будничных жестах.

Дж. Холлоуэй и С. Валинс [9] считают, что телесность это элемент религиозного действия. В цифровом пространстве телесность не исчезает, она преобразуется и создает новые формы телесного участия посредством экрана, звука и визуальных образов.

В этой части статьи мы переходим непосредственно к формам гибридных религиозных практик. Одной из самых популярных форм гибридности является трансляция богослужений. Во время пандемии COVID-19 она приобрела массовый характер, однако и после ее окончания многие религиозные общины продолжают совмещать офлайн и онлайн присутствие. Такая гибридность создает новую форму «удаленной религиозности», которую подкрепляют молитвы в Zoom, трансляции пятничных хутб, трансляции проповедей и др.

Наряду с этим, офлайн практики дополняются цифровыми сервисами. На сегодняшний день данная практика распространена повсеместно. Использование приложений для молитв, цифровые четки, календари религиозных событий, напоминание о времени молитвы и др. Согласно, Н. Коулдри [10], такие элементы, становятся частью «медиированной повседневности».

Социальные сети как «третий слой» религиозной активности. Одни из самых популярных социальных сетей в мире Instagram* и TikTok становятся пространствами для визуальной демонстрации религиозности. Например, сторисы с молитвой, публикации в дни праздников, ролики с наставлениями и др. Несомненно, эти практики не заменяют ритуалы, но они усиливают ощущение принадлежности к сообществу.

Ниже нами проведено исследование механизмов гибридизации.

Первое, алгоритмизация религиозного опыта. Алгоритмы платформ незаметно подстраивают под пользователя его собственную реальность: религиозный контент начинает появляться в ленте не потому, что человек его сознательно искал, а потому что система так решила. Так возникает алгоритмическая религиозность. Как отмечает Т. Гиллспи [11], рекомендации становятся соавтором того, что человек считает значимым, благочестивым или достойным внимания. К примеру, пользователь один раз посмотрел видео о духовных практиках перед сном. Алгоритм решил, что это «интерес» и через пару дней лента уже заполнена мотивационными наставлениями, проповедями и религиозными ритуалами. В итоге человек начинает взаимодействовать именно с тем типом религиозности, который навязывает система, а не тот, который он бы выбрал сам. Механизм действия аналогичен механизму таргетированной рекламы.

Перенос аффекта и цифровая телесность. Цифровые ритуалы в большинстве своем способны вызывать различные эмоциональные и телесные реакции, такие как, сопереживание, вдохновение, чувства связи и общности. Во время прослушивания онлайн-проповедей, человек воспроизводит привычные телесные жесты, складывает

* Компания Meta Platforms Inc. (владелец Instagram) признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории России.

руки, встает, повторяет и т.д. Это является подтверждением того, что цифровая среда не устраняет телесность, а напротив перевоплощает ее.

Влияние на религиозную идентичность. Цифровые маркеры, такие как, хэштеги, визуальные коды, стилистика контента создают новую религиозную идентичность, сетевую, рефлексивную, визуально выраженную. Она в свою очередь может совпадать с офлайн идентичностью, а может и не совпадать.

Эмпирический блог: примеры гибридных практик.

Instagram как пространство визуальной репрезентации религиозности. Публикации религиозных цитат, сторис молитв, фото из мечетей создают визуальный нарратив «житейской религиозности». Пользователи документируют свою веру в моментах посредством изображений, постов и видео. Наряду с этим можно подчеркнуть несколько аспектов гибридизации в Instagram*. Так как данная социальная сеть изначально визуально ориентирована религиозные практики здесь приобретают эстетизированную форму. Чаще всего пользователи выкладывают эстетичные фотографии поклонений, различные посты оформленные в едином стиле, это в свою очередь усиливает индивидуальный нарратив, где вера становится не только практикой, но и частью визуального образа личности.

Повседневные религиозные практики фиксируются как элементы цифрового дневника. Пользователь демонстрирует не только сам факт молитвы или цитирования священного текста, но и свою эмоциональную реакцию: чувство умиротворения, благодарности, духовной поддержки. Публикации становятся микро-ритуалами, встроенными в ритуализацию цифровой культуры.

Instagram оказывается площадкой, где религиозность перестает ассоциироваться только с формальными ритуалами и религиозными институтами. Она вплетается в бытовые практики, на примере Ислама, утренний кофе после намаза, дорога к мечети, чтение ду'а перед началом рабочего дня. Это формирует новый тип религиозного нарратива – не институциональный, а личный, рутинный, визуально репрезентированный.

Гибридность медиальных форм. Фотография сочетается с текстом, аудио, сторис-форматом, что создаёт многослойное представление о религиозности. Ускоренность потребления контента усиливает фрагментарность восприятия, из-за чего религиозный опыт представляется как серия коротких, эмоционально насыщенных визуальных фрагментов.

В Казахском сегменте Instagram* особенно заметны женские аккаунты, в которых офлайн-практики религиозности соединяются с тщательно оформленным онлайн-контентом. Такие профили формируют особый тип цифровой репрезентации веры, основанный на гибридности повседневного опыта и визуальной символики. Женщины нередко выступают здесь как неклассические медиаторы религиозного знания, совмещая роли советчика, рассказчицы и визуального куратора собственного духовного образа.

Влияние гибридных практик на религиозную повседневность. Цифровая среда позволяет индивиду выбирать удобные формы религиозности: смотреть проповедь ночью, посещать онлайн-уроки, участвовать в обсуждениях. Онлайн-сообщества создают ощущение включенности в «умму», даже если человек физически один. Появляется сетевое религиозное братство и сестринство.

Гибридность наряду с позитивными примерами, также приносит риски. Чаще всего фильтры рекомендаций могут сужать спектр религиозного контента, что в свою очередь усиливает радикальные или упрощенные интерпретации.

Выводы. Гибридные религиозные практики становятся одним из ключевых признаков современной религиозной повседневности. Цифровая среда не вытесняет традиционные формы участия, а переплетает их, создавая новые способы переживания и выражения веры. Вера сегодня одновременно живёт в мечети, дома, в дороге, в смартфоне и в ленте социальных медиа. Это не разрыв, а непрерывность, просто расширенная новыми технологиями.

Онлайн- и офлайн-измерения религиозности больше не противопоставляются. Они образуют общий ритм, офлайн-ритуалы сопровождаются цифровыми инструментами, которые помогают организовать время молитвы, следить за праздниками или находить религиозные сообщества.

В этой взаимосвязи формируется новая религиозная субъективность: более рефлексивная, медиационно обусловленная, визуально выраженная и включённая в логику алгоритмов. Пользователь становится не только участником ритуалов, но и куратором собственного религиозного опыта, который он документирует, интерпретирует и делит с другими. Особенно ярко это проявляется в казахстанском Instagram*, где женские аккаунты превращаются в площадки визуального сторителлинга веры, бытовой духовности и мягкого религиозного наставничества.

Гибридные практики расширяют религиозную вовлечённость, но вместе с тем формируют и новые вызовы. Алгоритмическая селекция контента может сужать горизонты интерпретации, усиливать эмоциональные всплески или смещать акценты в сторону поверхностных форм религиозности. Тем не менее сама динамика гибридизации показывает: религия в цифровую эпоху не исчезает и не ослабляется, а ищет новые пути присутствия в жизни верующих.

В результате можно утверждать, что цифровые технологии стали частью религиозной повседневности так же естественно, как календарь молитв или семейные традиции. Они создают среду, в которой вера проживается, переосмысливается и визуально оформляется по-новому. Гибридная религиозность – это не временное явление, а устойчивая форма религиозной жизни XXI века, в которой человеческий опыт, технологии и духовные практики существуют не рядом, а вместе.

Список литературы:

1. Kozinets, R. Netnography: The Essential Guide to Qualitative Social Media Research / R. Kozinets. – London: SAGE Publications, 2015. – 304 p.
2. de Souza e Silva, A. From Cyber to Hybrid: Mobile Technologies as Interfaces of Hybrid Spaces / A. de Souza e Silva // Space and Culture. – 2006. – Vol. 9, no. 3. – P. 261-278
3. Hjarvard, S. The Mediatization of Culture and Society / S. Hjarvard. – London: Routledge, 2013. – 176 p.
4. Campbell, H. When Religion Meets New Media / H. Campbell. – New York: Routledge, 2010. – 232 p.
5. Campbell, H. Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds / H. Campbell. – New York: Routledge, 2013. – 288 p.
6. Bunt, G. Hashtag Islam: How Cyber-Islamic Environments Are Transforming Religious Authority / G. Bunt. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2018. – 344 p.
7. Hirschkind, C. The Ethical Soundscape: Cassette Sermons and Islamic Counterpublics / C. Hirschkind. – New York: Columbia University Press, 2006. – 288 p.
8. Ammerman, N. Sacred Stories, Spiritual Tribes: Finding Religion in Everyday Life / N. Ammerman. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 256 p.
9. Holloway, J., Valins, S. Placing Religion and Spirituality in Geography / J. Holloway, S. Valins // Social & Cultural Geography. – 2002. – Vol. 3, no. 1. – P. 5-9
10. Couldry, N. Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice / N. Couldry. – Cambridge: Polity Press, 2012. – 240 p.
11. Gillespie, T. The Relevance of Algorithms / T. Gillespie, P. Boczkowski, K. Foot // Media Technologies: Essays on Communication, Materiality, and Society. – Cambridge: MIT Press, 2014. – P. 167-193

* Компания Meta Platforms Inc. (владелец Instagram) признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории России.

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ИНТЕРАКТИВНЫЕ СЛОИ: ОПЫТ «СБОРКИ» МНОГОСЛОЙНОЙ КАРТЫ

Андрющенко Ирина Александровна,

кандидат культурологии, доцент
Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь);

Кравченко Иван Васильевич,

старший преподаватель
Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь)

Аннотация. В статье рассматривается опыт конструирования предметно-тематического слоя интерактивной карты санаторно-курортных ландшафтов Южного берега Крыма по технологии Deep Mapping. На примере слоя «Курортная повседневность / Культурные практики» описан процесс «сборки», анализа и возможности синтеза текстовых и визуальных материалов, касающихся отдельных объектов курортной сфера Большой Ялты и Алушты. Раскрываются особенности формата «глубоких» карт, методологические проблемы, возникающие в процессе разработки карт, а также возможные пути их решения.

Ключевые слова: Deep Mapping, архитектурный ландшафт, санаторно-курортная архитектура советского периода, глубокая карта, культурные практики, культура повседневности.

Annotation. The article discusses the experience of constructing a subject-thematic layer of an interactive map of resort landscapes of the Southern Coast of Crimea using Deep Mapping technology. Using the "Resort Everyday Life/Cultural Practices" layer as an example, it describes the process of "assembling," analyzing, and synthesizing textual and visual materials related to specific resort sites in Yalta and Alushta. The article explores the specifics of the "deep" map format, the methodological challenges that arise during map development, and potential solutions.

Key words: Deep Mapping, architectural landscape, Soviet-era resort architecture, deep map, cultural practices, everyday culture.

Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 24-28-20502

«Создание прототипа цифрового каталога санаторно-курортных архитектурных объектов советского периода по технологии Deep Mapping»

Постановка проблемы. Данная статья подготовлена в рамках реализации научного проекта, связанного с разработкой прототипа цифрового каталога санаторно-курортных архитектурных объектов советского периода по технологии Deep Mapping. Наиболее близким к сути явления вариант перевода названия технологии – глубокое картирование, цель которой – пересмотр плоскостных традиционных карт и создание объемного, «глубокого» представления о пространстве [2].

В качестве объектов в нашем исследовании выступают фрагменты культурного ландшафта Южного берега Крыма, доминантами которых является санаторно-курортная архитектура советского периода [1; 3]. Первый объект – уникальный по своим решениям Пансионат «Дружба» (ныне корпус санатория «Курпаты»), проект которого решал сложные архитектурные и инженерные задачи и показал, что эффективные инженерные решения и технически грамотное проектирование позволяет не только преодолеть и почти критический уклон, и повышенную сейсмическую опасность, и характерные для

ЮБК оползни, но и создать эстетически привлекательное сооружение, ставшее одной из архитектурных доминант Южного берега Крыма.

Второй объект – гостиничный комплекс «Ялта-Интурист» можно назвать одним из самых гармоничных архитектурных проектов крымской санаторно-курортной архитектуры советского периода, удачным примером синтеза искусств, который сделал внутренний декор здания неповторимым.

Третий объект – санаторий «Киев» в Профессорском уголке построен в 80-е годы (бывшая база отдыха «Москва», открытая в 60-е годы) и в архитектурном смысле представляет собой типичный для советской санаторно-курортной архитектуры 60-80-х годов. Нормативность отличает комплекс от элитарного «Интуриста» или экспериментальной «Дружбы». История объекта отражает смену государственных приоритетов в курортном строительстве: последовательный переход от камерной рекреации к индустрии массового оздоровления.

Образ пространства в логике Deep Mapping складывается из разнородных нарративов, каждый из которых так или иначе репрезентирует фрагмент культурного ландшафта, опираясь на присущие описываемому пространству смысловые и визуальные доминанты. Карта становится объемной только тогда, когда каждый слой наполнен текстами, образами, индивидуальными и коллективными коммеморациями.

Важным этапом разработки прототипа веб-картографического сервиса с применением Deep Mapping-картографирования является проектирование тематических слоев глубокой карты, посредством которых будет раскрываться специфика формата. Нами выделены базовые слои (далеко не исчерпывающий список): архитектурный, архивный, фотографический, художественный, слой курортной повседневности / культурных практик. Цель данной работы – на примере курортной повседневности показать методику работы с источниками, а также обосновать роль указанного слоя в формировании объемного образа курортного ландшафта.

Проблематизация повседневности является одним из магистральных направлений современного гуманитарного научного знания, и Deep Mapping-формат позволяет не только привести свидетельства того, как выстраивался обыденный порядок существования в пределах курортной зоны, но и осуществить пространственную привязку этих практик к местности.

Изложение основного материала. В структуре «глубокой карты» слой курортной повседневности занимает особое место и по сути представляет собой совокупность насыщенных описаний повседневности советской эпохи. В отличие от архивного слоя, здесь делается акцент на воспроизведении номенклатуры бытовых повседневных активностей, присущих образу жизни отдыхающего советской эпохи, включая скрытые, «недокументированные» практики, официально находящиеся вне правил распорядка работы курортного объекта, но при этом являющиеся частью традиционного отдыха [5].

Опыт анализа путеводителей по Крыму, научно-популярной литературы, прессы советского и постсоветского периода показал, что кажущаяся избыточность источников не гарантирует наличие и полноту информации об отдельных объектах, особенно в привязке к конкретным периодам советского курортного строительства. В ходе исследования был проанализирован большой массив разнородных текстов об объектах советской санаторно-курортной инфраструктуры Крыма с различной степенью детализации (по архитектурным доминантам – объектом выбирались указанные выше санатории, пансионаты и т.д.; по периодам развития курортной инфраструктуры – послевоенный период, 60-70-е годы, 80-е – 90-е годы; по формам репрезентации материала – фотоальбомы, путеводители, буклеты, другие типы научно-популярной литературы, материалы советской прессы).

Слой курортной повседневности выделен нами как обязательный и, возможно, один из самых интересных содержательных элементов многослойной карты [4]. Курортная повседневность как совокупность социальных, культурных практик, ритуалов и взаимодействий, которые происходят в условиях курортной среды, включает в себя не только отдых и развлечения, но и повседневные аспекты жизни людей, находящихся на отдыхе (например, питание, курортные экскурсионные маршруты и обязательные

«оздоровительные маршруты»; индивидуальные и коллективные практики коммуникации; практики освоения пространства и др.).

Курортная повседневность обладает рядом характеристик, которыми и определяется ее специфика:

Временная структура. Может быть описана по нескольким позициям:

– пребывание на курорте (отдых, оздоровление) ограничено во времени, может быть краткосрочным или длительным, но всегда имеет некоторый конечный период, в течение которого рутинные практики замещаются практиками курортной повседневности;

– «особое» течение времени на курорте, которое отмечали многие исследователи курортной повседневности. В значительной степени отмечалось теми, кто предпочитал «организованный» отдых (санаторий, дом отдыха, пансионат и т.д.). Например, время пролетает быстро – от зарядки и процедур до вечернего киносеанса или танцевального вечера дня не замечаешь». И обратный пример, когда время «тянется» из-за однообразия отдыха.

Социальная динамика. В курортной среде происходило смешение различных социальных групп, что создавало уникальный опыт взаимодействия в разнородной среде. Курорт становился местом пересечения людей разных поколений, профессий, социального статуса, уровня культуры, места постоянного проживания и т.д. В гораздо меньшей степени по сравнению с современным периодом отдых разделялся по экономическим показателям: уровень обслуживания, качество предоставляемых услуг, питания и оздоровления. Однако абсолютно однородными эти условия назвать нельзя: статусные, ведомственные и прочие отличия все же имели место (например, отдых творческой интеллигенции или военнослужащих отличался, например, от отдыха студентов). Здесь же отметим и опыт взаимодействия людей из различных регионов СССР, в котором происходило смешение культурных практик и традиций.

Культурные практики. Курортная повседневность включает в себя практики потребления, питания, взаимодействия со средой, практики коммуникации; также курортная повседневность включает специфические ритуалы, такие как пляжный отдых, участие в экскурсиях, культурные мероприятия и т.д.

Из всех трех характеристик наиболее сложной по структуре и разнообразию проявления являются культурные практики, которые можно разделить на документированные и не документированные. Например, практики оздоровления относятся к документированным. Письменные свидетельства, отражающие эти практики, весьма разнообразны: санаторно-курортные карты и книжки отдыхающих; документы, четко зафиксировавшие содержание оздоровительных практик (медицинская документация; архивные документы, содержащие перечни лечебного оборудования, количество назначений, особенности проведения отдельных процедур; комплексы рекомендованных упражнений для утренней зарядки; комплексы лечебной физкультуры); отдельный блок представляют собой научная и научно-популярная литература по курортологии, которая активно развивалась в Крыму.

Практики питания на курорте можно отнести одновременно к документированным и не документированным. Так, советская система питания в оздоровительных и санаторно-курортных учреждениях жестко регулировалась Приказами Минздрава СССР, ГОСТом, а также медицинскими рекомендациями, которые легли в основу так называемых «лечебных» столов в зависимости от группы заболеваний. Например, в 80-е годы XX века питание в санаториях, домах отдыха, санаториях-профилакториях регулировалось несколькими основными документами:

– СанПиН 42-125-4437-87 «Устройство, содержание, и организация режима детских санаториев». В документе, утверждённом Главным государственным санитарным врачом СССР 23 ноября 1987 года, были изложены, в том числе, правила организации питания. В частности, говорилось о необходимости составлять перспективные недельные и 10-дневные меню по периодам года (зимне-осенний, весенне-летний). Также устанавливалось, что питание должно быть 5-разовым, с дополнительным вторым завтраком или ужином в зависимости от профиля больных и местных условий.

– «Методические рекомендации по организации диетического питания в детских санаториях различного профиля (кроме туберкулёза)», утверждённые Минздравом СССР 29 января 1986 года. В документе были представлены рекомендуемые величины потребления пищевых ингредиентов и энергии.

– «Рекомендации по организации рационального и диетического питания в санаториях-профилакториях профсоюзов», утверждённые Минздравом СССР 24 июля 1980 года и ВЦСПС 27 ноября 1980 года. В документе были изложены, в частности, режим питания, калорийность и химический состав рациона, требования к меню, принципы приготовления диетических блюд и правила приёма минеральных вод.

Практики питания отражены в таких материалах, как ежедневные меню санаториев, планы закупок и поставок продуктов питания, кухонного оборудования, посуды для приготовления и сервировки, фотоматериалы санаториев, прессы, любительские фотоматериалы, книги жалоб и предложений, личные воспоминания.

Отметим, что информация, которая включается в насыщенные описания, может быть повторена в разных слоях: например, культурные практики повседневности и фотографический слой; фотографический и архивный слой; архитектурный и архивный и т.д. Так, в Государственном архиве Республики Крым (ГАРК) была собрана информация, которая может быть использована для изучения динамики досуговых практик в советских санаторно-курортных учреждениях. Например, материалы «Пятилетнего плана восстановления и развития курорта 1946-1950 гг.» содержит запрос Курупра (Курортного управления) ЮБК в культоборудовании и физкультуринвентаре: «крокет, кегли, пин-понг, бильярды: бильярды большие с мраморными досками под сукном, бильярды средние, бильярды настольные; музыкальные инструменты: рояли, пианино, баяны, аккордеоны, гитара, балалайка, мандолины; ноты разные; географические карты; библиотека художественной литературы по 100 экземпляров; патефоны, кино-аппараты, киноустановки, репродукторы, фотоаппараты: «фотокор», дорожн. Лин.13/18, «Лейка»¹.

Выделим несколько практик, связанных с освоением пространства. Это «курортный променад», пляжный отдых, посещение экскурсий, прогулки по местам с видовыми характеристиками. Так, для любого морского курорта основной досуговой практикой в сезон являлся пляжный отдых (в ходе исследования мы собрали ряд документов, фотографий, свидетельств, архивных документов, касающихся организации и особенностей пляжного отдыха в Крыму).

Массив «пляжных» фото можно разделить на профессиональные и любительские фотографии. Значительное количество профессиональных фото доступны в фотоархивах онлайн, а также в материалах газет и путеводителей советского периода. Любительские фото преимущественно размещены в социальных сетях (ретро-порталы, индивидуальные профили людей старших поколений в социальных сетях), а также домашних фотоальбомах (слой личных воспоминаний).

Одной из самых распространенных досуговых практик советской курортной повседневности являлись экскурсионные программы. Ознакомление с достопримечательностями входило в обязательную программу организованного отдыха. Крым предоставлял самые широкие возможности для этого вида досуга, особенно на ЮБК, где сосредоточены памятники историко-культурного и природного наследия (дворцы и парки; литературные и краеведческие музеи; прогулочные видовые маршруты для ознакомления с природной средой). Курортная повседневность предполагала также экскурсии с дегустацией на винодельческие предприятия, которые пользовались огромной популярностью среди отдыхающих. Эту практику прервала только антиалкогольная кампания 80-х годов.

В отдельную группу можно выделить досуговые практики, проходившие на территории самих санаторно-курортных комплексов: танцевальные вечера и концерты; настольные, подвижные игры; киносеансы, спортивные соревнования и конкурсы и др. Материалы, которыми характеризуются эти культурные практики, относятся, скорее, к недокументированным, поскольку не регламентировались специальным образом. Однако и в этом слое в ходе работы мы нашли ряд источников, которые могут быть

¹ ГАРК. – Ф. Р-3868. – Оп. 1. – Д. 232. – Л. 29.

информативными для характеристики досуговых практик (планы и отчеты о культурно-досуговой деятельности санаториев, афиши и пригласительные билеты на мероприятия и киносеансов, план кинопоказов, книги жалоб и предложений, фотоматериалы о культурном досуге в прессе и др.).

Выводы. В ходе исследования мы выделили ряд функциональных различий в пользовательском опыте и характерных культурных практиках:

1) «Курпаты» – санаторий, ориентированной на лечение и оздоровление; культурные практики, пользовательский опыт связаны с «футуристическим», «новаторским» архитектурным обликом; опыт пребывания в санатории описывался отдыхающими как «пребывание в будущем» (отличающаяся от традиционной санаторно-курортной советской архитектуры); практики освоения пространства определялись близостью к морю, продуманной парковой зоной, размеренным «не городским» типом отдыха в слиянии с природой – морем и экзотической южнобережной растительностью;

2) «Ялта-Интурист» – гостиничный комплекс, предоставляющий услуги отдыха, оздоровления, но включенный в активные городские, деловые, публичные культурные практики; опыт «престижного» / «элитного» отдыха, о котором пользователи рассказывают, подчеркивая социальный статус; культурные практики тесно связаны с понятием «советский шик» – узнаваемый авторский стиль дизайна, арт-объекты, опыт новых эстетических впечатлений;

3) «Киев» – выросший из базы отдыха санаторий, который также сочетает в себе функции отдыха и оздоровления, предоставлял опыт типичного советского отдыха с характерными для него культурными практиками; практики освоения пространства также довольно типичны и вписаны в характерный для массового отдыха стиль: малые архитектурные формы, садово-парковая малая пластика, источники воды.

Перечисленными выше практиками слой повседневности далеко не исчерпан. Это один из самых «глубоких» и емких слоев, наполнение которого может зависеть также от степени включенности местного сообщества.

Еще раз подчеркнем одно из исходных положений, которые легли в основу теоретической модели глубокой карты: слои карты абсолютно проницаемы, не закрыты для образования новых связей между информационными, визуальными блоками. Напротив, чем более тесные связи образуют отдельные слои, тем более карта отвечает технологии Deep Mapping.

Список литературы:

1. Андрющенко, И.А. Критерии отбора объектов санаторно-курортного комплекса советского периода для создания прототипа интерактивной карты в формате Deep Mapping / И.А. Андрющенко, И.В. Кравченко, А.Н. Яковлев // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2024. – Т. 20, № 4. – С. 72-81. – EDN PPLLF1

2. Володин, А.Н. Понимание пространства через гуманитарные исследования: введение в концепцию глубоких карт / А.Н. Володин, И.В. Кравченко // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 75-78

3. Министерство курортов и туризма Республики Крым. Реестр субъектов и объектов туристской индустрии Республики Крым. Раздел: Санаторно-курортные организации (учреждения). – URL: https://mtur.rk.gov.ru/uploads/txteditor/mtur/attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpBtOQEB_2.pdf (дата обращения: 03.10.2025)

4. Орлов, И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления / И.Б. Орлов. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 317 с.

5. Попов, А.Д. Всесоюзная здравница: история туризма и курортного дела Крыма в 1920-1980-е годы / А.Д. Попов. – Симферополь: АнтикВА, 2019. – 271 с.

ИСЛАМСКИЙ ФИКХ: ПОНЯТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ КАК НАУКИ

Багаев Багдат Джомартбекович,

докторант 1 курса «Исламоведение»

Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы);

Балтымова Мира Рашидовна

кандидат филологических наук, доцент

Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы)

Аннотация. В данной статье всесторонне рассматриваются понятие исламского фикха и история его становления как науки. Фикх представляет собой науку, систематизирующую правовые и моральные нормы исламской религии. Его формирование началось с жизни и деятельности пророка Мухаммеда (мир ему), и продолжилось трудами сподвижников и табиinov. В статье рассматриваются этапы становления четырёх крупных мазхабов – ханафитского, маликитского, шафиитского и ханбалитского. Также изложены методологические основы науки усуль аль-фикх и развитие фикха в средние века. Обсуждается значение фикха и его способность отвечать на современные социально-экономические и технологические вызовы. Статья демонстрирует историческую значимость и актуальность исламского правоведения, подчёркивая его роль как духовной и правовой опоры мусульманского общества.

Ключевые слова: Фикх, шариат, исламское право, усуль аль-фикх, Коран, сунна иджма, кияс, мазхаб, исламская юриспруденция.

Annotation. This article provides a comprehensive analysis of the concept of Islamic fiqh and its historical development as a science. Fiqh is the discipline that systematizes the legal and moral norms of the Islamic religion. Its formation began with the life and teachings of the Prophet Muhammad (peace be upon him) and was further developed by the efforts of the Companions and the Tabi'un. The article examines the formation periods of the four major madhhabs – Hanafi, Maliki, Shafi'i, and Hanbali. It also explores the methodological foundations of the science of usul al-fiqh and the evolution of fiqh during the medieval period. Furthermore, the article discusses the relevance and adaptability of fiqh in the context of modern socio-economic and technological changes. It highlights the historical and contemporary significance of Islamic legal science, demonstrating that fiqh remains a spiritual and legal pillar of Muslim society.

Key words: Fiqh, sharia, islamic law, usul al-fiqh, Quran, sunnah, ijma, qiyas, madhhab, islamic jurisprudence.

Постановка проблемы. Ислам – как последняя божественная система, ниспосланная Аллахом, призван упорядочить все сферы жизни: от личной до общественной и государственной. Важной областью этой всеобъемлющей структуры ислама является наука фикха. Фикх объясняет шариатские нормы как в теоретическом, так и в практическом плане, обеспечивая повседневную жизнь мусульманского общества правовыми и нравственными правилами. Арабское слово «фикх» означает «глубокое понимание», «осмысленное постижение». В исламоведении этот термин употребляется в значении глубокого понимания шариатских постановлений и их правильного применения в жизненных ситуациях.

В первые годы ислама фикх ещё не выделялся как самостоятельная научная дисциплина. Он рассматривался в рамках шариата – как практические постановления, основанные на Коране и Сунне. Однако со временем, с расширением исламского государства, возникновением культурных особенностей разных народов и социальными изменениями появились новые правовые вопросы. В связи с этим фикх начал формироваться как наука. Развитие фикха как научной дисциплины стало одним из интеллектуальных достижений исламской цивилизации – плодом многовекового опыта и размышлений мусульманских учёных.

Фикх – это не просто совокупность правовых норм; он является духовно-этической системой, направляющей жизнь человека в соответствии с довольством

Аллаха. Его основой служат Коран, Сунна Пророка, иджтихад сподвижников, труды табиинов и учёных мазхабов. Особенность фикха – его динамичность и практичность. Он всегда стремится отвечать на изменения в обществе. Поэтому шариатские постановления формулировались в соответствии с условиями определённого исторического периода, а с появлением новых вопросов возникает необходимость нового иджтихада. Это свидетельствует о жизнеспособности исламской правовой системы и её способности адаптироваться к меняющимся обстоятельствам.

В истории ислама формирование и развитие фикха проходило несколько этапов: эпоха Пророка, период сподвижников, табиинов, формирование четырёх мазхабов и систематизация науки усуль аль-фикх. На каждом этапе фикх наполнялся новым содержанием. Изначально передававшийся в устной форме, со временем он был записан в книги и систематизирован в рамках правовых школ и мазхабов. Эти школы широко распространились в различных регионах исламского мира и обогащались благодаря взаимному диалогу и обмену мнениями.

Фикх, являясь опорой шариатской и правовой системы ислама, играл культурную и научную роль в развитии исламской цивилизации. Управление государством, судебная система, семейные отношения, экономическая и социальная политика в мусульманских странах основывались на фикхе. Поэтому фикх является фундаментом правовой культуры мусульманского общества.

Сегодня фикх также не утратил своей актуальности. Наоборот, в условиях глобализации, технологического прогресса, развития биоэтики, экологии, исламских финансов возрастает необходимость выработки решений и постановлений на основе фикха. В связи с этим на современную науку фикха возложены серьёзные задачи и ответственность. Цель данной статьи – всесторонне рассмотреть значение исламского фикха, историю его становления как науки, его содержание, структуру и роль в современности. Для достижения этой цели используются историко-источниковедческий, сравнительный и системный методы анализа. Это научное исследование предназначено для специалистов и студентов, изучающих исламоведение, религиоведение и право, а также для широкого круга читателей, желающих глубже понять взаимоотношения религии и общества.

Исламский фикх – важная научная дисциплина, объясняющая шариатские нормы и правовые постановления и направляющая их практическое применение. Существует ряд классических и современных трудов, посвящённых фикху. Литературу можно систематизировать по историческим периодам, содержательным направлениям и научным подходам.

Изложение основного материала. Книга «аль-Хидая» является одним из основных учебников по фикху в известном учебном заведении Хасеки академии в Турции, где повышают знания и квалификацию религиозных служащих. В данном учебном заведении по книге «аль-Хидая» преподавается раздел фикха, посвящённый му‘амалату – вопросам взаимоотношений между людьми.

Полное имя имама аль-Маргинани: Бурхануддин Абу аль-Хасан Али ибн Абу Бакр ибн Абдулжалил аль-Фаргани аль-Маргинани. Он родился 8-го числа месяца раджаб 511 года по хиджре в населённом пункте Маргинан (ныне территория Ферганы, Узбекистан) и умер 14-го числа месяца зуль-хиджа 593 года по хиджре, был похоронен в Самарканде. Имам аль-Маргинани учился у известных учёных своего времени, таких как Омар ан-Насафи, Хусамуддин Омар ибн АбдульАзиз. Он был не только факихом ханафитского мазхаба, но и мухаддисом, муфасссиром, а также учёным, овладевшим многими религиозными дисциплинами. Его труд «аль-Хидая», являясь основным трудом ханафитского мазхаба, включает также многие мнения шафиитского и маликиитского мазхабов и содержит их сравнительный анализ. Поэтому этот труд аль-Маргинани считается сравнительным исследованием по фикху и входит в число основных источников, изучаемых во многих фикх-центрах, библиотечных фондах и учебных заведениях исламского мира, включая индийско-пакистанскую традицию деобандийских школ.

«Аль-Хидая» является шархом (комментарием) книги имама аль-Маргинани «Бидаят аль-мубтади». Автор сам говорил, что написал эту книгу, взяв за основу «Мухтасар» имама аль-Кудури и «аль-Джами‘ ас-сагир» имама Мухаммада аш-Шейбани,

стремясь создать труд, который был бы по объёму между этими двумя книгами, но охватывал бы информацию обеих. Тематику и структуру «Бидаят аль-мубтади» он построил на основе книги «аль-Джами' ас-сагир» Мухаммада ибн аль-Хасана аш-Шейбани. Сначала имам аль-Маргинани написал к своему труду обширный комментарий объёмом в восемьдесят томов, назвав его «Кифая аль-мунтаха». Однако, учитывая, что столь обширный труд может утомить читателя, он сократил его и написал новый комментарий, который и назвал «аль-Хидая» [1, С. 141-142].

Для анализа исламского фикха и его терминологии на казахском языке можно рассмотреть несколько важных аспектов влияния указанных трудов и исследований на формирование и развитие фикха в казахоязычной среде:

1. Значение классических трудов. Классические труды по фикху, особенно те, что были написаны основателями ханафитского, маликиитского, шафиитского и ханбалитского мазхабов, сформировали теоретическую основу исламского права. В них объясняются ключевые термины и понятия, каждое из которых имеет специфическую юридическую нагрузку. Термины, встречающиеся, например, в таких трудах, как «аль-Фикһ аль-Акбар» (имама Абу Ханифы) и «ар-Рисала» (имама аш-Шафии), такие как «ахкам», «истихсан», «кияс», «иджма'», стали основой казахской исламско-правовой терминологии. При переводе на казахский язык особое внимание уделяется точности и правильной передаче содержания этих терминов.

2. Труды по усуль аль-фикху и теория фикха. В трудах, посвящённых науке «усуль аль-фикх», широко рассматриваются методы и принципы вынесения юридических постановлений. Труды таких учёных, как аль-Газали и аль-Джассас, демонстрируют способы извлечения правовых норм из Корана и хадисов. Перевод терминов и понятий, используемых в этих трудах, на казахский язык определяет точность и корректность понимания фикховой теории в казахской научной среде.

3. Современные исследования и труды на казахском языке. Современные труды по фикху, написанные такими учёными, как Юсуф аль-Кардави и Таха Джабир аль-Алвани, рассматривают новые вопросы современности с исламской точки зрения. В казахских изданиях, посвящённых вопросам экономики, биоэтики, экологии, международного права, особое внимание уделяется адаптации фикха к реалиям современности. Например, термины, встречающиеся в таких работах, как «Фикһ аз-Закят» или «Фикһ аль-Аулябият», требуют правильного объяснения и адаптации на казахском языке, особенно когда речь идёт о практическом применении фикха.

4. Труды казахских и тюркских исламоведов. Учебные пособия и научные работы, написанные учёными Казахстана и Средней Азии, такие как Хайрулла Ибрагим, Ризабек Батталулы и Шамшат Омирзакова («Исламское право», «Основы фикха», «История мазхабов»), играют важную роль в внедрении фикховых терминов в казахский язык и в адаптации исламско-правовой науки для казахоязычной аудитории.

5. Статьи и диссертационные исследования. Магистерские и докторские диссертации по фикху охватывают широкий спектр современных тем, включая соотношение фикха и светского права, межмазхабное согласие, социальные вопросы, роль ханафитского фикха в казахском обществе и др. Проведение таких исследований на казахском языке способствует правильному пониманию и применению фикха в казахском социуме [2, С. 58].

Понимание и содержание термина «фикх». Фикх – это особая область исламских наук, включающая в себя правовые и этические нормы. Его основная задача – уточнять шариатские предписания и показывать, как мусульманину вести повседневную жизнь в соответствии с довольством Аллаха. Арабское слово «фикх» происходит от корня «фа-ка-ха» (ف-ق-ح), который означает «глубоко понимать», «постигать», «доходить до сущности вещи». В исламской литературе этот термин первоначально использовался в значении понимания предписаний Корана и сунны и их применения в жизни. В истории ислама слово «фикх» широко употреблялось для обозначения знания и толкования религиозных предписаний (ахкам шарифа), основанных на Коране и хадисах. В ранний период фикх означал общее религиозное знание и понимание, но позднее этот термин стал выделяться как самостоятельная юридическая наука. Со временем фикх сформировался как правовая система, регулирующая практическую часть ислама – поклонения, сделки, брак, наследство, уголовные дела и другие сферы. Фикх – это не просто совокупность

правовых норм, но и философия жизнедеятельности, охватывающая весь образ жизни человека. Его цель – гармонизировать действия человека и его отношения с Аллахом, людьми и обществом на основе шариата. Поэтому фикх делит каждое действие человека на пять категорий: ваджиб (обязательное), мустахаб (желательное), мубах (разрешённое), макрух (неодобряемое), харам (запрещённое). Такая классификация позволяет оценивать каждый поступок мусульманина с точки зрения шариата. Фикх состоит из двух основных разделов: «ильми фикх» (теоретический фикх) и «амали фикх» (практический фикх). Первый охватывает теоретические основы и методологию вынесения правовых решений – здесь особое место занимает наука «усул аль-фикх» (основы фикха). Второй раздел включает конкретные предписания, решения по практическим вопросам повседневной жизни. Содержание фикха обширно и структурировано. Обычно оно включает следующие направления: поклонение (ибадат) – молитва, пост, закят, хадж; сделки (муамалат) – торговля, аренда, дарение, договоры; семейное право (мунакахат) – брак, развод, алименты, наследование; уголовное право (джинайят) – преступления и наказания, личные права; судебные нормы и доказательства (адилля) – судебная система, свидетельство, присяга, порядок наказаний; общественно-политические нормы (сияса шаргия) – власть, управление, налоги, общественный порядок [3, С. 101].

Такая структура показывает, что фикх охватывает все сферы жизни исламского общества. Благодаря этому фикх выступает как всесторонняя система, регулирующая не только духовную, но и социально-правовую жизнь мусульманина. В фикхе важную роль играют основные источники (адилля шаргия), которых четыре:

1. Коран – слово Аллаха и главный источник;
2. Сунна – слова и поступки Пророка;
3. Иджма – единогласное мнение мусульманских учёных;
4. Кыяс – вывод решения по аналогии.

Основываясь на этих доказательствах, учёные фикха выносят решения по каждому новому вопросу. Например, если в Коране нет указания на определённый вопрос, обращаются к сунне; если и там нет прямого предписания, применяют иджму и кыяс. Фикх – это не система, ограниченная прошлыми эпохами. Это наука, которая постоянно развивается и способна давать решения в соответствии с требованиями времени. Сегодня фикх активно применяется в таких сферах, как исламский банкинг, биоэтика, экологические вопросы, технологические нововведения. Таким образом, фикх – важнейшая научная область, определяющая правовую, этическую и социальную структуру исламской цивилизации и направляющая все аспекты жизни мусульманина. Его понимание и содержание служат основой для правильного осмысления шариатских предписаний и построения справедливого общества [4, С. 67].

Историческое становление исламского фикха. Исламский фикх как наука, регулирующая религиозную и правовую жизнь мусульманского сообщества, прошёл несколько важных исторических этапов развития. Эти этапы охватывают период жизни и деятельности Пророка Мухаммеда (с.а.с.), расширение исламского государства, появление мазхабов и развитие науки усул аль-фикх.

Период Пророка. Основы фикха были заложены во времена Пророка Мухаммеда (с.а.с.). В этот период аятами Корана и хадисами Пророка определялись главные источники исламской правовой системы. Тогда были введены многие новые правовые нормы, соответствующие жизни нового общества. Пророк своими решениями регулировал социальные и общественные вопросы и утверждал законы, которые позднее стали основными правовыми источниками фикха. Однако при жизни Пророка фикх ещё не был оформлен как наука, потому что все предписания передавались непосредственно, а сам Пророк находился среди людей и лично выносил решения, поэтому не было необходимости в их толковании.

Период сподвижников. После смерти Пророка (с.а.с.) наступил период сподвижников – важный и сложный этап в истории ислама. Появились новые вопросы и ситуации, для решения которых требовались системные методы понимания и применения исламского права. Сподвижники (спутники Пророка) на основе Корана и хадисов выносили решения и создавали новые правовые нормы. Они советовались друг с другом и приходили к общим решениям, благодаря чему исламская правовая практика начала

развиваться. Хотя фикх в этот период ещё не достиг научного уровня, основы правовых норм были заложены.

Период табиinov и формирование первых школ фикха. В период последователей сподвижников – табиinov – фикх начал приобретать свои первые системные формы. Табиин – это поколение, получившее знания от сподвижников, изучавших и формулировавших исламские законы. В этот период начали записываться первые книги по фикху и возникли школы, посвящённые изучению правовых вопросов. Табиин анализировали шариатские предписания и выносили решения по новым вопросам, и таким образом исламская правовая система расширялась и углублялась [5, С. 29-30].

Формирование мазхабов. В VII-VIII веках расширение географического пространства исламского мира и культурное разнообразие различных регионов привели к появлению новых правовых школ. В этот период сформировались четыре основных мазхаба: ханафитский, маликитский, шафиитский и ханбалитский. Каждый мазхаб предложил собственную правовую методологию и подходы, но все они основывались на Коране и сунне. Между мазхабами существовали различия в учении и вынесении решений, что способствовало всестороннему развитию исламской правовой науки. Система мазхабов демонстрировала гибкость и многообразие исламского права.

Развитие усул аль-фикха. Большое влияние на совершенствование фикха оказало развитие усул аль-фикха – науки, изучающей методологические основы и принципы фикха. Эта область систематизировала правовые доказательства и методы вынесения решений. Усул аль-фикх стал теоретической базой исламской правовой науки. Благодаря ему появилась возможность изучать новые вопросы и принимать решения, соответствующие шариату. Развитие этой науки заложило основу для прогресса правовых и религиозных знаний в исламе. Историческое становление исламского фикха – длительный и сложный процесс. От первых этапов ислама до наших дней фикх развивался и превратился в полноценную правовую науку. Этот процесс тесно связан с социальными, политическими и культурными изменениями в жизни исламского общества. Формирование и развитие фикха сыграли и продолжают играть важную роль в регулировании жизни мусульманских народов [6, С. 209].

Фикх как наука – основные этапы. Развитие исламского фикха проходит через несколько исторических этапов. На каждом этапе фикх приобретал новое содержание и характер, существенно влияя на формирование исламской правовой системы. В этом разделе подробно рассматриваются основные этапы развития исламского фикха. Первый этап: период Пророка и сподвижников. Этот период считается временем закладки основ фикха. В жизни и деятельности Пророка Мухаммеда (с.а.с.) сформировались основные принципы исламской правовой системы. Коран и хадисы Пророка – главные источники этого периода. Пророк напрямую выносил решения и решал множество правовых вопросов в обществе. Сподвижники собирали, сохраняли эти предписания и учились применять их в конкретных ситуациях.

Период табиinov. После смерти Пророка поколение табиinov – наследников знаний сподвижников – укрепило основы науки фикха. Они систематизировали вопросы исламского права и написали первые труды по фикху. Благодаря их вкладу исламская правовая наука развивалась методологически и приобретала чёткие правила.

Период формирования мазхабов. В VIII-IX веках в исламском мире возникли четыре крупных правовых школы – ханафитская, маликитская, шафиитская и ханбалитская. Каждая школа имела собственные правовые выводы, методы использования доказательств и практику. Несмотря на различия в решениях и правовых взглядах, все мазхабы способствовали всестороннему развитию исламской правовой системы.

Развитие усул аль-фикха. Теоретической основой науки фикха является усул аль-фикх, формировавшийся в период систематизации правовых доказательств, методов и принципов. Развитие этой науки повысило способность фикха уточнять положения и выносить решения по новым вопросам. Усул аль-фикх стал важным этапом в правовых дискуссиях учёных и развитии правовой системы [7, С. 190].

Развитие фикха в Средние века. В Средние века исламская правовая наука расцветала. В этот период жили и работали многие выдающиеся учёные и специалисты по фикху, углубляя и расширяя исламскую правовую систему. Особенно активно

правовая наука развивалась в таких регионах, как Мавераннахр, Иран, Египет, Ирак и Андалусия. В это время были написаны многочисленные книги по фикху, и исламская правовая наука приобрела системный характер.

Современный этап и актуальный фикх. В современном мире исламский фикх отвечает на новые вопросы в условиях глобализации, технологического прогресса и социальных изменений. Принципы и решения фикха широко применяются в исламском банкинге, биоэтике, правовых реформах, международных отношениях. На этом этапе фикх сочетает традицию прошлого и требования современности, сохраняя жизнеспособность исламской правовой системы. Основные этапы исламского фикха отражают исторические основы его становления и развития как науки. На каждом этапе фикх решал актуальные вопросы и играл важную роль в регулировании правовой жизни мусульманского общества, демонстрируя богатство исламской правовой культуры и её актуальность в современном обществе [8, С. 61].

Структура науки фикха и основные вопросы. Наука фикха – это систематическое изучение и толкование правовых норм ислама. Её структура и содержание охватывают все сферы духовной и социальной жизни мусульманского общества. В этом разделе рассматриваются основные структурные элементы и ключевые вопросы науки фикха. Наука фикха делится на два основных раздела:

1. Илми фикх – теоретический раздел, изучающий основы фикха, методологию и шариатские доказательства. Здесь особое место занимает наука усул аль-фикх, определяющая методологию фикха, принципы и подходы, используемые для вынесения правовых решений.

2. Амали фикх – практический раздел, включающий шариатские решения, относящиеся к конкретным жизненным ситуациям. В этом разделе рассматриваются сферы поклонения, сделки, вопросы брака, уголовного права и другие области исламского права [9, С. 24].

Основные вопросы науки фикха. Наука фикха охватывает многоаспектные и разнообразные вопросы:

1. Вопросы поклонения – способы служения Аллаху (молитва, пост, закят, хадж и др.), определяющие духовную жизнь человека.

2. Вопросы сделок – торговля, аренда, кредитование, обязательства, договоры, экономические и правовые отношения между людьми.

3. Семейное право – брак, развод, наследование, алименты и нормы, регулирующие институт семьи.

4. Уголовное право – нормы, регулирующие преступления и наказания, в том числе худауд, незаконные действия и вопросы общественного порядка.

5. Общественное и государственное управление – власть, налоги, общественный порядок, судебная система.

Сложные вопросы фикха и его обновление. В современный период науку фикха легла большая ответственность за решение новых вопросов. Глобализация, технологические достижения, биоэтика, права человека, экология и развитие исламских финансов – всё это порождает новые правовые и моральные вопросы. Учёные фикха ищут согласованные ответы на эти изменения и формируют новые понимания и решения на основе шариата. Структура науки фикха демонстрирует её всестороннее и глубокое исследование. Через связь теории и практики фикх обеспечивает жизнеспособность ислама. Основные вопросы фикха охватывают личную и общественную жизнь мусульманина, дополняя его правовую систему и обеспечивая порядок и справедливость в обществе.

Значение и применение фикха в современности. Исламский фикх – это не только наука, развивавшаяся на протяжении веков, но и сегодня актуальная и значимая правовая и моральная система. Социально-экономические, технологические и культурные изменения современности требуют развития науки фикха в новых направлениях.

Современные социальные и правовые изменения. Процесс глобализации, стремительное развитие информационных технологий, формирование многонациональных обществ – всё это принесло мусульманскому миру новые вызовы и возможности. Эти обстоятельства показали учёным фикха необходимость пересмотра исламской правовой системы с учётом требований современности.

Например, в сфере исламских финансов важной задачей стало организационное обеспечение банковских услуг и финансовых операций в соответствии с шариатом. Современные методы и принципы фикха эффективно применяются в этой области [10, С. 40].

Вопросы технологий и биоэтики. Достижения науки и технологий в медицине, генетике, информационных технологиях породили новые вопросы. Например, донорская кровь, генная инженерия, искусственное оплодотворение, эвтаназия, конфиденциальность данных – все эти вопросы требуют ответа с точки зрения шариата, что стимулирует развитие науки фикха.

Биоэтика повышает значение фикха в решении подобных сложных проблем. Учёные фикха определяют этику применения новых технологий и вопросы защиты здоровья и жизни человека в соответствии с шариатом.

Социальная справедливость и права человека. Фикх в настоящее время также является важным инструментом обеспечения социальной справедливости и защиты прав человека в мусульманских обществах. Он предлагает религиозно обоснованные правовые нормы для борьбы с бедностью, развития образования, защиты прав женщин и детей, а также для поддержания мира и согласия [11, С. 32].

Роль фикха в исламских государствах. В исламских государствах фикх рассматривается как основа правовой системы и включён в конституции некоторых стран. Решения фикха широко применяются в судебной практике и системе государственного управления. Это важно для развития исламской правовой культуры и стабильности общества.

Современный фикх – это сочетание исторической преемственности и инноваций. Он играет важную роль в решении правовых, моральных и социальных вопросов мусульманского общества. Несмотря на технологические и социальные изменения, фикх адаптируется и развивается, сохраняя основные принципы ислама.

Проблема перевода терминов фикха на казахский язык. Исламский фикх – это самостоятельная научная система с историческим развитием и глубокой смысловой структурой. Многие его термины формировались на арабском языке на протяжении веков. Поэтому перевод этих терминов на другие языки, включая казахский, вызывает ряд языковых, религиозных и научных трудностей. В этом разделе мы рассмотрим эти вопросы.

Выводы. Исламский фикх – это наука, которая формирует основу религиозной, социальной и правовой жизни мусульманского общества. Его формирование и развитие – это долгий и сложный процесс, начавшийся с эпохи Пророка Мухаммеда (с.а.с.), продолжившийся через период сахабов, табиinov и трудов великих исламских учёных. Создание мазхабов и развитие усуль аль-фикха вывели фикх на полноценный научный уровень. Современные требования и социально-экономические изменения требуют от фикха гибкости и способности решать новые задачи. Роль фикха возрастает в таких областях, как технологии, биоэтика, исламские финансы и права человека.

Таким образом, фикх сохраняет универсальные законы ислама и отвечает на потребности современного общества. Исламский фикх – это развивающаяся наука, которая не теряет своей значимости, регулирует образ жизни и ценности мусульманского общества. Он представляет собой правовую и моральную систему, лежащую в основе исламской цивилизации. Его глубокий смысл охватывает не только религиозные нормы, но и социальную справедливость, правопорядок, общественные отношения и принципы морали.

Наука фикх – это теория и практика понимания божественных постановлений, их применения в жизни и справедливого управления обществом в соответствии с законами шариата. В статье подробно рассмотрены лингвистические и терминологические аспекты фикха, его место в шариате, содержание и структура, методология и система доказательств. Также освещены ключевые этапы развития науки фикх – эпоха Пророка, период сахабов и табиinov, формирование мазхабов, развитие усуль аль-фикха и «золотой век» исламской цивилизации в средние века, что демонстрирует устойчивое и сложное формирование исламской правовой системы.

Несмотря на универсальные основы фикха, он адаптировался к социальным, политическим и экономическим особенностям каждой эпохи и постоянно развивался. Это

показывает, что фикх – живая наука, сохраняющая опыт прошлого и одновременно способная отвечать на требования современности. Сегодня фикх применяется не только в религиозной сфере, но и в глобальных областях – финансах, биоэтике, экологии, праве и международных отношениях. В казахском обществе основы и термины исламского фикха постепенно закрепились, адаптировались к историко-культурным условиям и развивались на стыке религиозного знания и традиций.

Это демонстрирует гибкость исламской правовой системы и её межкультурные возможности. Расширение знаний о фикхе среди молодёжи и специалистов, повышение его академического, практического и правового значения – современная необходимость. Ведь поколение, правильно понимающее постановления шариата и нормы фикха, создаёт духовно богатое и справедливое общество.

В заключение, исламский фикх – это наука с широким охватом, отражающая глубокий смысл шариата и правовую структуру, регулирующая все сферы жизни общества и способная развиваться вместе со временем. Его место в жизни человека и общества – устойчивое и значимое. Будущее этой науки заключается в понимании и способности обновлять её в соответствии с требованиями времени.

Список литературы:

1. Мухитдинов, Р.С. Труды по фикху, преподаваемые в учебных заведениях Деобанд / Р.С. Мухитдинов, Е. Алпысбаев, Б. Абдилхаим, С. Окан // Адам әлемі. – 2023. – № 3 (97). – С. 141-142
2. Аль-Газзали. Михадж аль-фальсафа / Аль-Газзали. – Казань: Ислам діні және философиясы, 2010. – С. 58.
3. Абу Ханифа. Основы фикха / Абу Ханифа. – Бейрут: Аль-Мактуб аль-Ислами, 2005. – С. 101.
4. Малик ибн Ана. Аль-Муватта / Малик ибн Ана. – Дамаск: Дар аль-Фикр, 2012. – С. 67.
5. Имам аш-Шафиғи. Ар-Рисала / Имам аш-Шафиғи. – Каир: Издательство Аль-Азхар, 2008. – С. 29-30
6. Ханбали. Аль-Мухтасар аль-Фикхи / Ханбали. – Багдад: Дар аль-Хикма, 2015. – С. 209.
7. Садык аль-Каради. История исламской правовой системы / Садык аль-Каради. – Алматы: Жаратылыс, 2017. – С. 190.
8. Мухаммед Али аль-Шаркави. Методы усуль аль-фикха / Мухаммед Али аль-Шаркави. – Куала-Лумпур: Исламская библиотека, 2011. – С. 61.
9. Абдулла аль-Фарух. Проблемы фикха современности / Абдулла аль-Фарух. – Стамбул: Дар аль-Хада, 2019. – С. 24.
10. Калиев, Т. Ислам и право / Т. Калиев. – Нур-Султан: КАЗУУ, 2020. – С. 40.
11. Ғалымжан, Нуртазин. Исламский фикх и казахский язык / Н. Ғалымжан. – Алматы: Казахский университет, 2018. – С. 32.

СВЕТСКОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ: БАЛАНС МЕЖДУ НЕЙТРАЛЬНОСТЬЮ И ПРАВАМИ УЧАЩИХСЯ

Байтенова Нагима Жаулыбаевна,
доктор философских наук, профессор
Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы);
Абдуллин Алимжан,
докторант «Религиоведение»
Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы);
Байгараев Жасулан Абдимуталипович,
докторант «Религиоведение»
Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы)

Аннотация. Данная статья анализирует запрет религиозной атрибутики в школах Казахстана через призму светскости образования. Она посвящена анализу правовых и социальных оснований запрета на ношение религиозной одежды в школах Казахстана. Цель нашей работы заключается в том, чтобы показать, что данный запрет не только поддерживает светский характер образовательной среды, но и одновременно защищает учащихся от косвенного давления, связанного как с религиозной идентичностью, так и с демонстрацией материального превосходства. Также, мы хотим показать, что законодательство Казахстана полностью соответствует международным практикам светскости в образовании. Используя сравнительно-правовой и социологический методы, мы доказываем, что единые стандарты школьной одежды снижают социальную напряжённость и способствуют инклюзивности образовательной среды, а также показываем соответствие казахстанской политики в этой области современным международным практикам.

Ключевые слова: светское образование, религиозная атрибутика, социальное равенство, школьная политика в Республике Казахстан, светскость в Казахстане.

Annotation. This article analyzes the ban on religious symbols in schools in Kazakhstan through the lens of secular education. It focuses on examining the legal and social grounds for the prohibition of religious clothing in Kazakhstani schools. The aim of our work is to demonstrate that this ban not only upholds the secular nature of the educational environment but also protects students from indirect pressure related to both religious identity and displays of material superiority. We also aim to show that Kazakhstan's legislation fully aligns with international practices regarding secularism in education. Using comparative legal and sociological methods, we argue that uniform school dress codes reduce social tension and promote inclusivity in the educational environment, while also illustrating that Kazakhstan's policy in this area is consistent with contemporary international practices.

Key words: secular education, religious symbols, social equality, school policy in the Republic of Kazakhstan, secularism in Kazakhstan.

Постановка проблемы. Исторически сложилось, что Казахстан является многонациональным государством, где проживают представители более ста этносов следствием чего явилась его многоконфессиональность. В стране зарегистрировано 3999 религиозных субъектов, представляющих 18 конфессий [1]. Республика Казахстан уже в 1-й статье Конституции законодательно закрепляет один из фундаментальных принципов государственной политики – принцип светскости [2], который подразумевает нейтралитет государства в вопросах религии, то есть отсутствие официальной религии и невмешательство религиозных институтов в государственные дела. Во-вторых, равенство всех конфессий перед законом при запрете на использование образовательных учреждений для религиозной пропаганды. И в-третьих, защиту прав граждан – свободу совести сочетает с предотвращением дискриминации на религиозной почве, особенно в школах. И этот принцип положил основу обеспечения равенства и справедливости между представителями различных конфессий многонационального Казахстана, основой равенства всех религиозных групп. Однако запрет на религиозную одежду в школах

вызвал споры: некоторые усмотрели в нём ущемление прав, другие-защиту светскости. В 2016 году Министерство образования и науки Республики Казахстан ввело запрет на ношение религиозной одежды в школах, поясняя, что он введен для сохранения внутреннего распорядка учебного заведения в соответствии с принципами светскости. Это вызвало общественную дискуссию о допустимых границах данного принципа. Так как, приверженцы соблюдения норм шариата посчитали данный приказ ущемлением своих конституционных прав и свобод. Тогда как, сторонники запрета подчёркивали, что школа-нейтральное пространство, где дети должны чувствовать себя равными вне зависимости от вероисповедания и видели в единой форме инструмент социального равенства, предотвращающий демонстрацию материального или религиозного статуса. Этот вопрос, на сегодняшний день, является одним из самых обсуждаемых в обществе. Следует отметить, что дискуссии продолжаются и по сей день и не теряют своей актуальности.

Мы предполагаем, что запрет религиозной атрибутики в школах Казахстана не нарушает права учащихся, а, напротив, создаёт нейтральную среду, снижая риски дискриминации. Наша работа включает краткий анализ законодательства Казахстана в области запрета на религиозные атрибуты, сравнительный подход к международному опыту и социологические данные о влиянии внешних атрибутов на образовательный процесс. Результаты работы подтверждают, что единые стандарты школьной одежды не только защищают учащихся от дискриминации, но и способствуют снижению социальной напряженности в обществе, а также формированию инклюзивной среды в смешанных ученических коллективах.

Целью данной работы является попытка доказать, что данное ограничение обосновано не только необходимостью сохранения принципов светскости в образовании, но и защитой самих учащихся, соблюдающих нормы какой-либо религии или нет, от дискриминации на основе материального или религиозного статуса. Во-вторых, мы аргументируем, что данный запрет полностью соответствует международным принципам светскости. В своей работе мы исследуем как унификация внешнего вида учащихся минимизирует риски социального расслоения и религиозного давления, создавая комфортную, нейтральную среду для получения образования.

Гипотеза: Единые стандарты школьной одежды минимизируют социальное расслоение и религиозную напряжённость, не нарушая прав учащихся.

Исследование основано на методах сравнительно-правового анализа законодательств в области регулирования отношений государства и религий в Республике Казахстан и некоторых зарубежных стран. Статистическом анализе данных социологических исследований, проведенных фондом имени Фридриха Эберта в Казахстане в 2020 году [3]. Контент-анализе публикаций в СМИ по рассматриваемому вопросу. Оценке опыта РК в области регулирования вопросов религии и сравнении с международным опытом. А также, на обзоре данных некоторых теоретических работ.

Изложение основного материала.

Светскость как основа нейтральности и инклюзивности образовательной среды.

Закрепленный в основном Законе принцип светскости более детально регулирует Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» от 11.11.2011 г. [4], который запрещает проведение религиозных обрядов, церемоний и миссионерской деятельности на территории государственных органов и организаций образования, за исключением духовных образовательных учреждений. Об этом говорит ст. 7, главы 3 данного Закона. И уже, в соответствии с этими законодательными актами Закон «Об образовании РК» провозглашает, что Уполномоченный орган в области образования выполняет функцию разработки и утверждения типовых правил внутреннего распорядка и осуществления регулятивных, реализационных и контрольно-надзорных функций в пределах своей компетенции [5]. Это согласуется с принципами ЮНЕСКО, подчеркивающими, что школа должна быть зоной свободной от идеологического давления. С 2009 года ЮНЕСКО активно участвует в глобальных образовательных инициативах, примером могут служить такие публикации, как «Образование в области прав человека в школах Европы, Центральной Азии и Северной Америки: сборник передовой практики», где подчеркивается важность секуляризма как основы для формирования инклюзивной образовательной среды [6]. Среда, в которой уважаются

различные религиозные убеждения и в то же время сохраняется нейтральная, нерелигиозная позиция государства в образовании. Запрет религиозной атрибутики предотвращает формирование иерархий в коллективе учащихся на основе конфессиональной принадлежности, а также может оказать положительное комплексное воздействие на социальную сплоченность учеников делая идентичными их общественные ценности. И только светскость может послужить основой формирования нейтральной и инклюзивной образовательной среды. Опыт Франции показывает, что жёсткий запрет религиозной символики в школах способствует интеграции религиозной части населения в образовательную среду. В Казахстане, где также важен принцип светскости вследствие его поликонфессиональности, подобные меры могут дать схожий эффект. Мнение о том, что такое ограничение может усугубить разногласия между учащимися и нарушить их индивидуальные права, не имеют под собой веских оснований. Социологические исследования показали, что более у чем 80% казахстанцев никогда не нарушались права по причине их религиозной принадлежности, и они не испытывали негативного или же несправедливого отношения к себе [3]. Эти же исследования показали высокую степень толерантности в казахстанском обществе к представителям другой религии. Ношение единой школьной формы создает чувство единства и помогает в сплочении учащихся, дисциплинирует учащихся, настраивает на учебный лад, считают в одном из ведущих образовательных центров страны-НИИШ. В соседней России опросы показывают, что от 40% до 70% родителей выступают за введение единой формы в школах, хотя, следует отметить сами учащиеся в большинстве своем выступали против, мотивируя это ограничением свободы самовыражения [7]. Единые стандарты школьной одежды способствуют нивелированию различия в материальном положении семей, что создает атмосферу равенства в школьном коллективе. Внедрение общих стандартов школьной одежды может значительно сократить видимые различия в семейном доходе считает Анджела Волмсл [8]. В ее статье обсуждается, как школьная форма в Великобритании способствует созданию уважительной учебной среды и облегчает финансовое бремя родителей. Школьная форма доступна по цене, универсальна и учитывает культурные особенности, что способствует развитию дисциплины и уважения среди учащихся независимо от их социально-экономического происхождения. По данным опроса, проведенного организацией «Выбор родителей», 77% родителей считают, что школьная форма помогает минимизировать признаки социального неравенства, так как дети из семей с разным уровнем дохода выглядят одинаково [9]. Это ограждает детей от возможного буллинга со стороны сверстников на почве имущественного неравенства. Вместе с тем, правила, предписывающие носить учащимся школьную одежду, запрещают и ношение дорогих аксессуаров. Подобные меры соответствуют концепции «школы как социального лифта», где успехи зависят от способностей, а не от внешних атрибутов.

Обзор международного опыта.

Показателен пример Франции, где запрещены явные религиозные символы в школах. Их опыт продемонстрировал, что подобные меры способствовали интеграции мусульманских женщин из среды мигрантов в образовательную систему страны, что способствовало повышению их образовательного уровня и сокращению неравенства с местным населением [10]. Запрет на использование показных религиозных символов во Франции был введен в 1994 году и ужесточен в 2004, которое имело уже менее заметные последствия в силу того, что в течении 10 лет запрет уже действовал. Так же это способствовало адаптации мусульманок в общество в целом и увеличению количества смешанных браков. Опасения по поводу возможного отсева учениц, носящих религиозные вуали не были подтверждены. Если Франция запретила ношение в госучреждениях не только хиджаба, но и демонстрацию любой иной религиозной символики (это касается и христианских крестов, и других символов) в соответствии с реализацией принципов лаицизма, то в США разрешено все, что не нарушает свободы и права остальных граждан. Эти различия обусловлены тем, что Великая французская революция, давшая миру Французскую Республику, была во многом и борьбой против засилия церковного клерикализма. А, в Америке этнические и религиозные группы традиционно расселены изолированными общинами, имеющими свои школы, магазины и другие социальные объекты, что позволяет им демонстрировать символы без ущерба для остальных групп. Германия применяет смешанный подход к демонстрации религиозной

атрибутики в зависимости от отношения каждой федеральной земли к вопросу. Англия же ведет менее строгую политику в этом отношении, что сходно с ситуацией в Испании. Более пристально мы должны рассмотреть ситуацию с Турцией, так как исторически мы близки и имеем много общего. Культурное и генетическое родство заставляет нас ситуацию с отношениями между государством и религией в этой стране невольно примерять к себе. Вопрос ношения головного платка мусульманскими женщинами оказался в центре конфликта между светской правящей элитой и консервативными религиозными группами уже с момента образования Турецкой Республики. Традиционно светские власти пытались запретить хиджаб воспринимая его как угрозу секуляризму, в то время как духовенство и более консервативная часть населения страны воспринимает женские платки и ношение бород мужчинами как символ ислама и сохранения традиционных ценностей [11]. Словом, эти атрибуты ислама превратились в политические символы. Положение в Турции нужно рассматривать с учетом того, что здесь долгое время существовал исламский халифат во времена Османской империи и на неё равнялись многие мусульмане во всем мире, но в 1923 году образовалась современная Турецкая Республика, когда к власти приходит Мустафа Кемаль с прогрессивными взглядами на дальнейшее обустройство государства, и страна, отказавшись от Ислама и религиозности встала на рельсы радикальной вестернизации. Лидирующая на сегодняшний день Партия справедливости и развития (ПСР), которая появилась на политической арене в 2002 году, пересмотрела роль платка в общественной жизни, отменив запрет на ношение в 2013 году. Глава партии – действующий Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган, открыто демонстрирует свою религиозность, что тоже оказывает определенное влияние на религиозные настроения граждан страны. Отмена запрета на хиджабы в 2013 году привела к росту межконфессиональных конфликтов на религиозной почве, особенно в условиях, когда культурная и религиозная идентичность тесно переплетены. Это изменение привело к усилению напряженности между сторонниками светскости и приверженцами исламской культуры. Свидетельством чему стали различные инциденты и политические меры, отражающие основные социальные разногласия и сложную взаимосвязь между секуляризмом и религиозной идентичностью. Это шаг имел серьезные социальные, политические и экономические последствия. Следует отметить, что в Турции в отличие от Франции именно отмена запрета смогла смягчить социальное напряжение, связанное с отказом консервативных семей в посещении образовательных учреждений их дочерьми. И это способствовало повышению образовательного уровня женщин и более активному включению их в общественные отношения.

В Казахстане же, противники запрета аргументируют свою позицию ущемлением прав верующих, тем, что запрет нарушает свободу вероисповедания, особенно мусульманок, для которых хиджаб это религиозная обязанность. Также они опасаются того, что дети из религиозных семей могут чувствовать себя изгоями, что противоречит принципу инклюзивности, и требуют доказательств, что хиджабы провоцируют конфликты или мешают обучению. Но, запрет атрибутики в школах никоим образом не запрещает саму религию. Во-вторых, для государства право на образование приоритетнее, а религиозные практики допустимы вне школы. В-третьих, мы должны помнить об опыте Франции и Турции, где именно нейтральность среды снизила напряжённость в обществе. И наконец, баланс между правами личности и общественными интересами должен оставаться ключевым принципом светского государства.

Еще одним из важнейших аспектов является вопрос безопасности детей в школах. На сегодня школы Казахстана оснащаются турникетами с системой Face ID и системами видеонаблюдения, что позволяет отслеживать перемещение детей в реальном времени и обеспечивает их безопасность. В случае санкционирования ношения платков, и особенно вуалей, система может не распознать ребенка, что сделает бессмысленным применение этих систем.

Выводы. Этот небольшой анализ примеров применения запрета религиозной атрибутики в образовательных учреждениях подтверждает, что нейтральность среды является ключом к предотвращению напряженности в обществе, оказывает положительный эффект на повышение образовательного уровня женщин. Также, является условием создания инклюзивной образовательной среды для представителей

различных конфессий, профилактики буллинга в ученических коллективах. И наконец, это послужит минимизации социального неравенства, улучшению психологического климата в классах и снижению количеств жалоб на религиозную дискриминацию в школах. Запрет религиозной атрибутики в школах Казахстана оправдан необходимостью защиты всех учащихся, а не ограничением прав части из них. Нейтральная среда минимизирует риски как религиозного, так и материального давления, что соответствует целям инклюзивного образования. Мы хотели бы рекомендовать дополнить политику образовательными программами, разъясняющими значение светскости и равенства в образовании для учителей и родителей. Проводить более активную разъяснительную работу среди родителей и религиозных деятелей, а также в средствах массовой информации с целью просвещения населения в принципах светскости. Для укрепления светскости следует усилить диалог с религиозными организациями и с общественностью в целом. Необходимо провести мониторинг влияния единой формы на психологический климат в школах.

Обзор существующих способов взаимодействия государства и религии показал, что не существует идеальной формы отношений. Что какой-бы формы не придерживалось наше государство, в любом случае мы будем иметь как критиков, так и сторонников. Также, мы хотели бы напомнить, тем нашим согражданам, которые убеждены в том, что человеческая мораль напрямую связана с религиозностью, и что государство ограничивая демонстрацию религиозных атрибутов препятствует воспитанию подрастающего поколения в духе моральности, что эта позиция не выдерживает никакой критики. В пример мы можем напомнить о скандальных случаях педофилии в католичестве, что серьезно поколебало авторитет церкви на западе. Великий ученый востока Абу Насир аль-Фараби уделял особое внимание образованию, науке и воспитанию в развитии человека. Он писал: «Образование без воспитания - злейший враг человечества», но в то же время, и религиозность без должного просвещения представляет огромную опасность для развития общества.

Список литературы:

1. Официальный сайт Правительства Казахстана: сайт. – URL: <https://www.gov.kz> (дата обращения: 11.05.2025)
2. Республика Казахстан. Конституция Республики Казахстан (принята 30 августа 1995 года). – Ст. 1.
3. Ценности казахстанского общества в социологическом измерении / Фонд имени Фридриха Эберта. – Алматы: ТОО «DELUXE Printery», 2020. – 95 с.
4. Республика Казахстан. Законы. О религиозной деятельности и религиозных объединениях: Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 г. № 483-IV.
5. Республика Казахстан. Законы. Об образовании: Закон Республики Казахстан от 27 июля 2007 г. № 319-III. – Ст. 5.
6. Образование в области прав человека в школах Европы, Центральной Азии и Северной Америки / ОБСЕ. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/5/d/102230.pdf> (дата обращения: 11.05.2025)
7. Рубан, А.А. Изучение имиджевых характеристик школьной формы в образовательной среде / А.А. Рубан, Л.Ю. Фалько, И.Л. Ключко // Journal of Clothing Science. – 2023. – Т. 8, № 3. – С. 1-10
8. Walmsley, A. What the United Kingdom Can Teach the United States about School Uniforms: Wearing School Uniforms Can Create a More Respectful Atmosphere for Learning and Ease the Burden on Parents / A. Walmsley // Phi Delta Kappan. – 2011. – Vol. 92, Iss. 6. – P. 63-66
9. Школьная форма – не просто элемент гардероба. – URL: https://aif.ru/event/info/shkolnaya_forma_ne_prosto_element_garderoba (дата обращения: 11.05.2025)
10. Pinotti, P. Discussing of: Religious symbols in schools / P. Pinotti // Economic Policy. – 2023. – Vol. 38, № 113. – P. 101-102
11. Akboğa, S. Türkiye Siyasi ve Toplumsal Hayatında Başörtüsünün Değişen Anlamları / S. Akboğa // Liberal Düşünce Dergisi. – 2020. – № 98. – P. 83-101
12. Bilim.expert: сайт. – URL: <https://www.bilim.expert/post/2020/06/04> (дата обращения: 11.05.2025)

РОЛЬ СВЯЩЕННЫХ ТЕКСТОВ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ

Борбасова Карлыгаш Молдагалиевна,

доктор философских наук, профессор
Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы);

Алишер Алуа Бахытжанқызы,

магистрант 1 курса направления подготовки «Исламоведение»
Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы)

Аннотация. В данной статье рассматривается роль священных текстов, таких как Коран и Библия, в формировании культуры межконфессиональной толерантности в Казахстане. В исследовании сравниваются общие гуманистические принципы в исламской и христианской традициях и анализируется их влияние на укрепление мира и взаимного уважения в обществе. В качестве примера рассматривается опыт Казахстана в развитии межконфессионального диалога, включая организацию съездов лидеров мировых и традиционных религий. В статье выявляется образовательное, культурное и социальное значение священных текстов и обосновывается их вклад в духовную гармонию. Также показана роль религиозной и культурной гармонии в поддержании межконфессиональной стабильности и предлагаются пути укрепления идеи толерантности. В исследовании проведен научный анализ на основе конкретных ситуаций в современном казахстанском обществе и официальных документов. Результаты статьи показывают, что священные тексты являются важным духовным ресурсом в формировании культуры мирного сосуществования в многоконфессиональном обществе.

Ключевые слова: толерантность, Коран, Библия, межконфессиональный диалог, духовная гармония.

Annotation. This article examines the role of sacred texts, such as the Quran and the Bible, in fostering a culture of interfaith tolerance in Kazakhstan. The study compares common humanistic principles in the Islamic and Christian traditions and analyzes their impact on strengthening peace and mutual respect in society. Kazakhstan's experience in developing interfaith dialogue, including organizing congresses of leaders of world and traditional religions, is examined as an example. The article identifies the educational, cultural, and social significance of sacred texts and substantiates their contribution to spiritual harmony. It also demonstrates the role of religious and cultural harmony in maintaining interfaith stability and suggests ways to strengthen the idea of tolerance. The study provides a scientific analysis based on specific situations in modern Kazakhstani society and official documents. The results of the article demonstrate that sacred texts are an important spiritual resource in fostering a culture of peaceful coexistence in a multi-faith society.

Key words: tolerance, Quran, Bible, interfaith dialogue, spiritual harmony.

Постановка проблемы. Казахстан – многоконфессиональное государство, где мирно сосуществуют более ста этносов и представители нескольких основных религий [1]. За многовековую историю нашего народа на бескрайних просторах Великой степи, где пересекались различные цивилизации и религиозные традиции, соединяя Запад и Восток, формировалась культура взаимопонимания. Как отметил Глава государства Касым-Жомарт Токаев, религиозная толерантность и уважение к иным верованиям были присущи всем великим империям, жившим на казахской земле [2]. Сегодня одной из главных ценностей казахского общества является межэтническое и межконфессиональное согласие. Стабильность и единство внутри страны во многом основаны на толерантности представителей разных религий друг к другу. Поэтому с обретением независимости формирование культуры межрелигиозной толерантности в Казахстане стало важным направлением государственной политики.

В становлении этой культуры особую роль играют гуманистические принципы, заложенные в священных текстах различных религий. Священные тексты мировых

религий, таких как ислам, христианство, буддизм, а также других традиционных верований, распространённых в Казахстане, призывают к мирному сосуществованию с представителями других религий. Это духовное наследие, воспитывающее веру, прощение и милосердие, становится основой формирования культуры взаимопонимания и толерантности в многоконфессиональном обществе. В данной статье анализируется вклад священных текстов в формирование культуры межконфессиональной толерантности в Казахстане и рассматриваются примеры межконфессионального согласия в современном казахстанском обществе. В исследовании, основанном на проверенных научных трудах, официальных документах и авторитетных источниках, приводятся конкретные сведения и цитаты.

Изложение основного материала. Практически все мировые религиозные традиции имеют священные тексты, восхваляющие мир и толерантность. Например, в священной книге ислама, Коране, содержатся аяты, прямо указывающие на необходимость мирного сосуществования с представителями других религий и недопустимости принуждения: «Нет насилия в религии...» (сура «Аль-Бакара», аят 256). Также в суре «Али Имран» Корана Господь призывает умму к единству, говоря: «... Не разделяйтесь». В исламе пророк Мухаммад (мир ему) проповедовал единство и милосердие ко всему человечеству в своих хадисах, говоря: «Будьте с большинством! Остерегайтесь разделения». Эти принципы показывают, что межконфессиональная толерантность имеет религиозную основу в исламской традиции. Действительно, по мнению мусульманских учёных, мы видим, что основные источники ислама – Коран и Сунна – с самого начала были открыты для диалога и солидарности с представителями других религий. Поэтому, с точки зрения ислама, невозможно оставаться вне межконфессионального диалога, и вклад в мирный диалог считается благородным долгом каждого мусульманина.

В христианской традиции священные книги также повелевают нам относиться к другим с пониманием. В Евангелии Иисус говорил: «возлюби ближнего своего, как самого себя», подчёркивая необходимость относиться к другим с любовью и прощением. Кроме того, универсальный принцип «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой» стал общей моральной нормой не только для христианства, но и для всех мировых религий. В буддизме главной ценностью является непричинение вреда живым существам и достижение просветления через доброту. А в Торе иудаизма и других традиционных религиозных текстах много говорится о справедливости и ненарушении прав других. Например, заповедь Торы «Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы делали тебе» стала основой мудрости многих народов. Таким образом, гуманистическая гармония в священных текстах разных религий является основой культуры взаимопонимания и уважения. Межконфессиональное согласие в казахском обществе во многом основано на уважении и продвижении этих общих духовных ценностей.

Примечательно, что духовные учителя и святые всех религий призывают людей к добру и терпимости в своих текстах. Например, слова пророка Иисуса (Иисуса), имя которого часто упоминается в Коране, в Евангелии от Матфея, и заповеди пророка Мухаммеда в хадисах схожи по содержанию: и те, и другие поддерживают идею ответа добром на зло и установления мира с ближним. О таком взаимном согласии неоднократно говорится и в диалоге религиозных лидеров. На Съездах лидеров мировых и традиционных религий, которые проводятся в Астане с 2003 года, представители каждой религии стараются поддерживать друг друга, представляя учения своих священных текстов, призывающих к миру. Например, в заключительной декларации первого (I) съезда говорилось, что «пропаганда таких ценностей, как терпимость, истина, справедливость и любовь, должна быть целью любой религиозной проповеди; «различные религиозные убеждения и конфессии не должны приводить к взаимному подозрению и дискриминации, а, напротив, к взаимному уважению и гармонии, демонстрируя самобытность каждой религии и культуры» [3]. То есть мировые религиозные лидеры пришли к общему пониманию, что в своих проповедях они должны руководствоваться таким позитивным содержанием священных писаний. Вывод заключается в том, что священные тексты, проповедующие религиозную терпимость, являются прочной духовной опорой культуры мира в обществе.

За годы независимости Казахстан создал уникальную модель, не допускающую религиозной розни и гарантирующую мирное сосуществование различных конфессий. Государство гарантировало свободу совести каждому гражданину в своем законодательстве и закрепило принцип равноправия независимо от религиозных убеждений. Статья 22 Конституции 1995 года гласит, что «каждый имеет право на свободу вероисповедания», а в преамбуле Закона «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» 2011 года говорится: «Республика Казахстан утверждает себя как демократическое, светское государство, подтверждает право каждого на свободу совести и не допускает дискриминации по признаку религиозных убеждений [4]. Признаёт историческую роль ханафитского мазхаба и православного христианства в развитии духовной жизни и культуры народа, уважает другие религии, исповедуемые народом Казахстана, а также признаёт важность межконфессионального согласия и религиозной толерантности в обществе». Эта правовая база институционально обеспечила взаимную толерантность, предоставляя равные возможности для всех религий. Сегодня в нашей стране свободно действуют около 4000 религиозных объединений, принадлежащих к 18 конфессиям, что считается бесценным достоянием и одним из главных достижений Казахстана.

Казахстанская модель межконфессионального согласия основана на нескольких взаимосвязанных факторах. Во-первых, принцип светскости государства обеспечивает отделение религии от политики и беспристрастное отношение ко всем убеждениям. Во-вторых, политика межэтнического согласия в стране неразрывно связана с культурой межрелигиозных отношений. Традиция уважения к представителям других национальностей и религий, переданная казахскому народу исторически, получила новое воплощение в годы независимости. Такой уникальный институт, как Ассамблея народа Казахстана, стал механизмом гармонизации религиозного многообразия, не только укрепляя межэтническое согласие, но и... Признана на международном уровне. Недаром столицу называют мировым «центром мира и согласия» – Астана признана местом диалога различных конфликтующих сторон. Например, «Астанинский процесс» по урегулированию сирийского кризиса, проходивший с 2017 по 2023 год, укрепил репутацию Казахстана как миротворца. Аналогичным образом, Съезд лидеров мировых и традиционных религий – уникальный форум, регулярно проводимый с 2003 года по инициативе Казахстана, способствующий укреплению межконфессионального диалога [3]. Благодаря этим съездам наша страна объединяет представителей разных религий вокруг общих ценностей и вносит значительный вклад в глобальный диалог. Если в I Конгрессе 2003 года участвовало 17 делегаций, то на VII Конгресс 2022 года приехало около 90 делегаций из более чем 50 стран мира, среди которых – авторитетнейшие религиозные деятели, такие как Папа Римский, шейх Аль-Азхара и Патриарх Всея Руси. Эти данные свидетельствуют о признании казахстанской модели на международном уровне: принятые по итогам каждого конгресса декларации распространяются в качестве официальных документов ООН и служат примером для всего мира.

В целях сохранения культуры межконфессиональной толерантности в Казахстане также развёрнута образовательная и воспитательная работа. В школах для старшеклассников введён курс «Основы светскости и религиоведения», дающий объективную информацию о мировых религиях. В целях защиты молодёжи от влияния экстремистской идеологии реализуются программы, направленные на повышение религиозной грамотности. По мнению учёных и экспертов, для достижения устойчивого межконфессионального согласия каждому гражданину важно с пониманием относиться к другим религиям и осознанно принимать принцип «единства в многообразии». Этой же цели служит и учреждённый по инициативе Н. Назарбаева праздник 18 октября. На Первом Всемирном конгрессе духовного согласия, состоявшемся в Алматы в 1992 году, было принято решение объявить 18 октября Всемирным днём духовного согласия, и с тех пор эта дата стала доброй традицией в Казахстане [5]. Духовные мероприятия, проводимые ежегодно в октябре, объединяют инициативы представителей разных религий, такие как благотворительность, диалог и взаимоуважение, и способствуют укреплению дружбы между народами. Такой многогранный комплекс мероприятий

обеспечивает глубокое укоренение культуры межконфессиональной толерантности в общественном сознании Казахстана.

В Казахстане особое внимание уделяется изучению и популяризации священных текстов для укрепления межконфессионального согласия. Учёные страны работали над переводом священных писаний каждой религии на казахский и русский языки и обеспечением их доступности для широкой публики. В 2011 году был издан двухтомный сборник «Религии в Казахстане», составленный отечественными учёными-философами и религиоведами. В этом уникальном сборнике собраны отрывки из основных священных и вероучительных текстов мировых и традиционных религий, распространённых в Казахстане. Вышеупомянутая работа является одним из ценных проектов, который впервые в Казахстане позволил донести до читателя важные учения из первоисточников разных религий в одной книге. Читателю представлены избранные отрывки из исламского Корана и хадисов, христианской Библии, буддийских сутр и даже основных текстов иудаизма и других традиций, содержание которых сопровождается научными пояснениями. Подобная инициатива стала ярким проявлением стремления религиозных лидеров и учёных к углублению взаимопонимания на основе священных текстов. Публикация книги помогла разным слоям общества понять основы веры друг друга и обосновать принцип «единства в многообразии» на интеллектуальном уровне.

Священные тексты стали инструментом для общего разговора на площадках межрелигиозного диалога. Например, представители ислама, христианства, иудаизма и буддизма, выступая на Съездах лидеров мировых и традиционных религий, часто цитируют мудрые слова из своих религиозных текстов, призывающие к миру. С одной стороны, это способ продемонстрировать суть своей позиции, а с другой – открывает путь к взаимному сближению, прояснению общих ценностей в разных традициях. Так, в ходе VII Съезда Президент Казахстана К. Токаев заявил, что «нет иной гарантии, кроме доброй воли, диалога и совместных усилий» в преодолении современных глобальных вызовов, и подчеркнул, что «главным источником таких гуманистических идеалов являются традиционные религии» [7]. Это заявление в очередной раз доказывает, что религиозные тексты являются источником духовного руководства, способного направить человечество в нынешние непростые времена. Делегаты Съезда также выразили общую позицию в итоговой декларации о том, что «любая форма экстремизма, радикализма и терроризма не имеет ничего общего с истинной религией, и для их решения необходим совместный диалог и продвижение духовных ценностей». Это также свидетельствует о единодушном утверждении мировых лидеров о том, что истинное священное наследие различных религий учит человечество только миру и милосердию.

Духовное управление мусульман Казахстана также использует священные тексты для укрепления основ толерантности в обществе. Имамы проповедуют мир и толерантность в своих пятничных проповедях, опираясь на аяты Корана и хадисы. Например, платформа «Семь духовных столпов», принятая на Республиканском форуме имамов, призывает всех казахстанцев разделять общие идеалы, связывая такие ценности, как вера, патриотизм и единство, со священными принципами ислама. Православная и Католическая церкви также вносят свой вклад в продвижение мира и любви через свои религиозные тексты. В 2022 году, во время VII Съезда, Папа Римский Франциск прочитал отрывки о любви и прощении из Евангелия во время мессы в Астане, призвав народ Казахстана не сворачивать с пути мира и гуманизма. Аналогичным образом, руководители Русской православной церкви в Казахстане в своих традиционных обращениях подчеркивают заповеди уважения к ближнему и заботы о ближнем, взятые из евангельских текстов.

Религиозные деятели и интеллектуалы отмечают важность включения содержания священных текстов в воспитание молодёжи для укрепления межконфессионального согласия. Например, религиовед Наталья Сейтахметова считает, что для формирования у молодёжи основ толерантности необходимо усилить преподавание истории и культуры религий в образовательных программах [8]. По словам профессора, приобщение подрастающего поколения к ценностям различных религиозных традиций как части нашей культуры является залогом профилактики радикализма и укрепления духовного иммунитета общества. Ведь молодое поколение, глубоко понимающее своё религиозное наследие и уважающее другие верования, не поддастся

соблазнам каких-либо зарубежных экстремистских течений. В этой области развивается и позитивный опыт Казахстана: при мечетях и церквях организуются духовные уроки и культурные мероприятия для молодёжи, где разъясняются принципы толерантности, изложенные в священных книгах. Научная и образовательная литература, изданная при государственной поддержке, например, книги на казахском языке об основах различных религий, распространяется среди населения и размещается в библиотеках.

Одним словом, священные тексты служат идеологической основой культуры межконфессионального согласия в Казахстане. Благодаря изучению и разъяснению их содержания широкой публике, в обществе утверждается этический принцип «уважение к другим – это уважение к себе». Общая гуманистическая нить между писаниями разных религий переплетается с идеалами мира и единства нашего народа и стала важным фактором национального единства.

Выводы. Как показал опыт Казахстана, стабильность и процветание в многоконфессиональном обществе возможны только тогда, когда духовные ценности, пропагандируемые священными текстами, принимаются в качестве общего культурного наследия. Исламский Коран, христианская Библия и писания других традиционных религий призывают к таким качествам, как милосердие, справедливость и терпение. Когда государство твердо придерживается этих качеств в своей идеологии, а народ – в своем образе жизни, формируется культура межконфессиональной толерантности. Сегодня Казахстан предстаёт перед всем миром как территория мира и согласия: представители разных религий живут под одной крышей в дружбе и взаимном уважении. Мы отмечаем, что этот успех был достигнут не только благодаря взвешенной политике государства и мудрости нашего народа, но и духовной гармонии, берущей начало в священных текстах каждой религии. Во всех важных декларациях и программах, принятых в Казахстане, подчёркивается вклад религий в дело мира. Например, в Декларациях Съезда лидеров мировых и традиционных религий неоднократно провозглашалось, что «для установления мира во всём мире необходимы совместные усилия различных религий».

Казахстанская культура межконфессиональной толерантности в настоящее время изучается на международном уровне и получает положительные отзывы таких организаций, как ООН и ЮНЕСКО. Секрет успеха этой модели заключается в поддержке высоких идеалов, пропагандируемых священными текстами, на уровне всех слоёв общества. Государственное законодательство, система образования и государственные институты едины и нацелены на создание среды, где уважается свобода вероисповедания каждого и с пониманием относятся к другим религиям. В результате межконфессиональное согласие для народа Казахстана стало не просто явлением в политике или официальным лозунгом, а нормой повседневной жизни, внутренней культурой.

В целом, роль священных текстов в межкультурном диалоге огромна. Они не только сеют семена добра в сердца представителей разных религий, но и способствуют более глубокому пониманию традиций друг друга. Щедрость, гостеприимство и толерантность, издавна формировавшиеся на казахской земле, были обогащены учениями таких религий, как ислам и христианство, став нравственной опорой современного общества. В условиях, когда проблема межрелигиозных конфликтов и экстремизма обостряется в глобальном масштабе, культура толерантности, основанная на духовности священных текстов, предлагаемая Казахстаном, является одним из лучших способов достижения взаимопонимания. Главный принцип этой модели – уважение к священным ценностям каждой религии, стремление к общему согласию, а не разделению. Там, где такой принцип прочно укоренится, будет укрепляться внутреннее единство нации и укрепляться общая вера в будущее. Через этот добродетельный девиз оценивается и роль священных текстов в формировании культуры межконфессиональной толерантности в Казахстане. Ведь сила священного слова – словно маяк, сближающий людей, ведущий их к мирной жизни и ведущий человечество через любые испытания, не сбивая с пути.

Список литературы:

1. Конституция Республики Казахстан. – Алматы: Жеты Жаргы, 1995. – 52 с.
2. Токаев, К.Ж. Принял участие в VII съезде лидеров мировых и традиционных религий / К.Ж. Токаев. – Астана, 14 сентября 2022 г. – URL: <https://kyzylorda->

news.kz/sayasat/prezident-qasym-zhomart-toqaev-aelemdik-zhaene-daestuerli-dinder-koeshbasshylarynyng-vii-sezine-qatysty-165790 (дата обращения: 18.11.2025)

3. Казахстан – территория мира и согласия. – URL: <https://religions-congress.org/ru/news/novosti/2260> (дата обращения: 18.11.2025)

4. Закон Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях». – Астана, 11 октября 2011 г. – 15 с. – URL: <https://adilet.zan.kz/> (дата обращения: 18.11.2025)

5. 18 қазан – Рухани келісім күні. – URL: <https://egemen.kz/article/159910-18-qazan-rukhani-kelisim-kuni> (дата обращения: 18.11.2025)

6. Назарбаев, Н.А. Послание народу Казахстана / Н.А. Назарбаев. – Астана, 10 января 2018 г. – URL: <https://www.akorda.kz/> (дата обращения: 18.11.2025)

7. VII съезд лидеров мировых и традиционных религий. – Астана, 14 сентября 2022 г. – URL: <https://www.akorda.kz/> (дата обращения: 18.11.2025)

8. Сейтахметова, Н. Межрелигиозное согласие в Казахстане – фактор устойчивого развития / Н. Сейтахметова // Газета «Егемен Қазақстан». – 04.12.2024. – № 237. – С. 1-5

УДК 341.232.7

ИДЕИ НАЦИОНАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УЧЕНИИ ПРЕСВИТЕРИАН

Борбасова Карлыгаш Молдагалиевна,

доктор философских наук, профессор

Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы);

Султанбаева Эльмира Серикбайкызы,

докторант 2 курса направления подготовки «Религиоведение»

Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы)

Аннотация. В статье анализируются идеи национального и культурного взаимодействия в пресвитерианском учении, рассматриваемые через призму адаптации церкви Алматы к казахстанскому контексту. Актуальность темы обусловлена тем, что её изучение позволяет глубже понять религиозную и социальную деятельность пресвитерианских церквей и выработать рекомендации, способствующие укреплению религиозного согласия и толерантности в обществе.

Ключевые слова: пресвитерианство, кальвинизм, богословие, религиозная идентичность, многоэтничность, межкультурный диалог, инкультурация, миссионерство, социальное служение, протестантизм.

Annotation. The article analyzes the ideas of national and cultural interaction within Presbyterian teaching, viewed through the lens of how the churches in Almaty adapt to the Kazakhstani context. The relevance of the topic lies in the fact that its examination provides a deeper understanding of the religious and social activities of Presbyterian churches and enables the development of recommendations aimed at strengthening religious harmony and tolerance in society.

Key words: presbyterianism, Calvinism, theology, religious identity, multiethnicity, intercultural dialogue, inculturation, missionary work, social ministry, Protestantism.

Постановка проблемы. Религиозное пространство Казахстана отличается этноконфессиональным многообразием, в котором активно взаимодействуют различные религиозные учения и национальные культуры. Пресвитерианство, как часть реформатской традиции, приобретает особую научную значимость в аспекте культурной адаптации. Несмотря на наличие отдельных исследований, вопросы национального и культурного взаимодействия в пресвитерианском контексте Казахстана остаются малоизученными.

Пресвитерианская традиция как часть реформатского христианства базируется на единых богословских принципах и упорядоченной богослужебной практике [5, С. 19-28]. Это ставит ряд задач сохранить богословскую целостность учения и порядок

богослужения, адаптируя их к местному культурному контексту. В казахстанском контексте основная проблема заключается в необходимости сохранения пресвитерианской богословской целостности при одновременной адаптации к многоэтничной и культурно разнообразной среде. Это требует не только перевода литургии и проповеди на родные языки, но и более глубокой инкультурации богослужебной практики, без утраты ключевых элементов вероучения.

Изложение основного материала. Пресвитерианство сформировалось в XVI веке в русле Реформации и связано с именами реформаторов Жана Кальвина и Джона Нокса [13, С. 342-357]. Вероучение пресвитериан основывается на положениях кальвинистской теологии: признаётся абсолютный суверенитет Бога во всех сферах, подчеркивается приоритет Священного Писания как высшего авторитета в делах веры, а спасение понимается как дар благодати, принимаемый через веру [7, С. 78]. Одной из центральных доктрин является учение о предопределении согласно Кальвину, Бог изначально предопределил одних людей ко спасению, а других к гибели (концепция двойного предопределения) [9, С. 384-386]. Хотя это учение носит богословский характер, оно имеет культурное последствие у пресвитериан развилась этика трудолюбия, дисциплины и скромности, что социолог Макс Вебер связывал с формированием «протестантской трудовой этики» в целом [6, С. 352].

Ключевым теоретическим основанием является концепция семиосферы Ю.М. Лотмана, согласно которой культура рассматривается как сложная знаковая система, функционирующая внутри более широкого семиотического пространства [10, С. 262]. Особая роль принадлежит «границам» семиосферы, где происходит активный смыслотворческий процесс: именно здесь различные культурные тексты вступают во взаимодействие, порождая новые значения. Таким образом, идеи культурного взаимодействия в лотмановской модели отражают механизмы диалога культур, обусловленные взаимопереводимостью и динамикой культурных кодов.

Опираясь на российский опыт взаимодействия с неправославными верующими, данный подход одновременно способствует признанию и укреплению светской интерпретации национальной идеи. По мнению исследователей, российские протестантские общины, в том числе пресвитерианские формулируют особое видение «национальной идеи». К ключевым идеям относятся и попытки сочетать западные демократические ценности с собственной национальной спецификой, и в то же время подчёркивать особую миссию христианского служения в обществе. Российский религиовед О. В. Куропаткина отмечает, что некоторые российские протестанты видят в себе роль «встройки России в «цивилизованный мир» путем обращения к западным ценностям демократии, прав и свобод личности» [8, С. 115].

Пресвитериане признают лишь два христианских таинства: крещение и евхаристию, и трактуют их преимущественно в символическом смысле, в отличие от католиков и православных. Это означает, что материальные элементы и обряды не наделяются у пресвитериан мистической силой сами по себе, а служат знаками духовных реальностей. Как отмечают исследователи, в кальвинистских (пресвитерианских) церквях исторически запрещалось использование икон, свечей, распятий и других атрибутов, характерных для традиционных церквей [2, С. 74-76]. Отказ от иконопочитания и пышного убранства храма был обусловлен стремлением к чистоте поклонения и к недопущению идолопоклонства. Это привело к тому, что пресвитерианские храмы обычно скромны в оформлении, богослужение концентрируется на проповеди, пении псалмов и молитве. Данный принцип равным образом применим в любой культурной среде и не навязывает верующим чуждых им визуально-обрядовых форм, что облегчает восприятие протестантского богослужения людьми разных национальностей.

Еще одной важной характеристикой пресвитерианства является особая система церковного управления. Сам термин «пресвитерианство» происходит от греч. «пресвитерос», что означает «старейшина». В контексте темы национального взаимодействия данный принцип означает, что пресвитерианская церковь часто приобретает форму «национальной церкви» там, где она становится доминирующей: так, в Шотландии пресвитерианство фактически стало национальной религией (Шотландская церковь), а в Южной Корее крупные пресвитерианские деноминации тесно переплелись с корейской национальной самобытностью [14, С. 153]. Пресвитериане традиционно

принимают Апостольский и Никейский символы веры, а также исторические вероисповедные тексты Реформации – например, Вестминстерское исповедание веры 1647 года, являющееся фундаментальным сводом доктринальных положений для пресвитерианских церквей во всем мире [15, С. 222]. В этих документах наряду с богословскими тезисами содержатся идеи, имеющие значение для социокультурного измерения – в частности, провозглашается равенство всех верующих перед Богом и обязанность каждого христианина самостоятельно изучать Писание. Акцент на личном чтении Библии и религиозном образовании привел к тому, что пресвитериане издавна уделяют особое внимание просвещению, развитию школ, университетов. В пресвитерианской традиции верующие поощряются к критическому мышлению и активному участию в жизни общества, что способствует формированию высокообразованной паствы [12, С. 808]. Таким образом, богословские установки пресвитерианства – как в части догматики, так и в части организации церкви – создают предпосылки для продуктивного взаимодействия с различными национальными культурами. Строгий монотеизм, этика труда, простота культа и самоуправление общин позволяют пресвитерианству укорениться в новом этнокультурном грунте, не разрушая его, а встраиваясь в него и даже стимулируя развитие, например, через просветительскую деятельность.

Важная особенность казахстанского пресвитерианства его этнический состав. Согласно данным Википедии, две трети казахстанских корейцев причисляют себя к протестантам [17], и именно среди них пресвитериане добились наибольшего успеха. Миссионеры-пресвитериане проводили проповеди одновременно с возрождением корейского языка и культурных традиций диаспоры. Таким образом, для части верующих пресвитерианство стало не только новой верой, но и способом вернуть утраченную связь с этническими корнями. Этот феномен можно рассматривать как проявление инкультурации сознательной интеграции элементов национальной культуры в жизнь церкви.

Богослужение в «Сионе» сочетает элементы корейской протестантской традиции и местные особенности. Переход казаха из мусульманской среды в христианство сложный культурный шаг, поэтому в «Сионе» таким людям оказывается особое внимание и поддержка, их стараются включить в жизнь церкви, не требуя отказа от национальной идентичности. Напротив, казахский язык и элементы казахской культуры, например, исполнение христианских гимнов в народном стиле домбры находят место в церковной практике. Подобная инкультурация помогает сгладить возможные напряжения и показать, что христианская вера «не чужда» казахской душе [16, С. 56].

Такая инициатива соответствует политике укрепления государственного языка и помогает верующим многоэтнической аудитории интегрироваться в общество. В целом, «Сион» позиционирует себя как церковь открытых дверей, где «любят Бога и любят людей» вне зависимости от этнического происхождения заявлено в ее миссии [20]. Она стала духовным домом, в котором люди разных национальностей объединены в единой христианской семье своеобразный микрокосм межнационального согласия.

Культурные и праздничные практики пресвитерианских общин в Алматы демонстрируют стремление к уважению и включению казахских традиций, что соответствует богословскому принципу адаптации христианской веры к местным культурным условиям.

Так, в пресвитерианской церкви «Вифлеем» ежегодно проводится 28 сентября День благодарения, приуроченный к празднику урожая, что отчасти коррелирует с традиционными казахскими представлениями о благодарности за плодородие земли, благословение природы и коллективное благополучие. Во время этого праздника прихожане приносят дары урожая, организуются совместные трапезы и выставки народного творчества, звучит домбра, исполняются песни на казахском языке, что способствует формированию атмосферы культурной сопричастности.

День благодарения» церкви «Вифлеем» – это протестантский праздник урожая в Казахстане, который по форме и содержанию отчасти перекликается с традиционным казахским «кырман той» праздником окончания жатвы [18]. Оба праздника посвящены благодарности за собранный урожай, однако первый проходит в рамках христианского богослужения, а второй укоренён в народных обычаях. В казахской традиции, после

завершения уборки зерна хозяева на место сбора урожая устраивали «кырман той» праздничное угощение с жертвенным угощением из скота для всего аула. В аналогичном духе протестантская община «Вифлеем» проводит свой День благодарения осенью, когда верующие приносят в церковь плоды земли овощи, фрукты, хлебные изделия как благодарственный дар Богу за жатву. Несмотря на различия в религиозной основе, оба этих праздника разделяют общие мотивы благодарности, совместной трапезы и уважения к плодам земледельческого труда.

Общественная трапеза и символика хлеба в казахской культуре традиции кырман той, и христианский «День благодарения» строятся вокруг совместной трапезы как выражения радости и единства общины. На «День благодарения» в церкви «Вифлеем» верующие складывают у алтаря выращенные урожаи овощи, фрукты, хлеб как знак признательности Богу. Таким образом, традиция гостеприимного застолья присутствует и там и там: казахский праздник благодарит Землю и духов за урожай, кормя людей мясом жертвенного животного, а церковный благодарит Бога, насыщая духовно на богослужении и продолжая общение за столом любви [1, С. 59].

В пресвитерианской церкви «Сион» практикуют специальные встречи поколений, приуроченные к национальным праздникам и юбилеям церкви. В перечисленных пресвитерианских церквях Алматы культурная адаптация проявляется в бережном включении казахской традиции в жизнь общины. Семейные дни, праздники родства и встречи с старейшинами показывают, как церковное служение обогащается национальной культурой. Эти мероприятия служат двойной цели: прославить Бога в каждом поколении и сохранить связь времён, чтобы молодое поколение знало «именами своих семи предков» и видело в этом часть Божьего промысла [19]. Отклики верующих подтверждают, что такой подход приносит обильные плоды: семьи чувствуют себя укрепленными, а церковь по-настоящему родной. Истории и опыты, прозвучавшие на этих встречах, помогают строить мост между верой и культурой, делая церковь местом, где национальные традиции находят новое звучание во Христе.

Выводы. Явление пресвитерианства в Казахстане привлекло внимание отечественных ученых сравнительно недавно. Тем не менее, уже имеются работы, затрагивающие как общую проблематику религии и культуры, так и конкретно протестантские движения. Рассмотрим вклад нескольких казахстанских исследователей, которые в своих трудах освещают аспекты, близкие к теме данной статьи.

Исследования одного из ведущих религиоведов Казахстана К.М. Борбасовой существенно помогают в понимании религиозной ситуации в стране. Ей принадлежит ряд публикаций о формировании религиозного сознания казахского народа и о новых религиозных движениях в стране [4, С. 170]. Эта работа, по сути, стала одним из первых академических исследований пресвитерианских общин в Казахстане. Авторы рассматривают предпосылки появления пресвитерианства в мировом масштабе, отмечают официальную регистрацию пресвитерианской церкви в Казахстане и миссионерскую деятельность общин. Таким образом, автор закладывает научную базу для дальнейшего изучения пресвитерианства, а также иллюстрирует методологию исследования взаимодействия религии и культуры в Казахстане.

Н.Ж. Байтенова указывает, что «в казахстанском обществе взаимопонимание и уважение между конфессиями приобрели доминирующее значение неизменные универсальные ценности межрелигиозная терпимость, толерантность и согласие, проявляющиеся в уважительном отношении к чужой культуре, обычаям и традициям» [3, С. 11]. Эти идеи находят отражение в государственной политике и перекликаются с практикой тех же пресвитерианских общин, стремящихся не конфликтовать, а мирно сосуществовать с традиционными религиями, уважая закон и культуру страны.

Таким образом, идея национального и культурного взаимодействия в пресвитерианском учении реализуется на практике в Казахстане довольно успешно. Пресвитерианство, пришедшее извне, адаптировалось, сохранив идентичность и открытость. Его общины стали точками пересечения культур: корейской, казахской, русской и западной. Подобный синтез обогащает всех участников верующие расширяют свой кругозор, а окружающее общество получает от церкви социально значимую отдачу. Временами раздаются дискуссии о роли «нетрадиционных» конфессий: одни считают их чуждыми, другие неотъемлемой частью современного казахстанского общества. Опыт

пресвитерианских церквей убеждает, что при правильном подходе религиозное разнообразие не угрожает культурному единству страны, а напротив, может укреплять его на новом уровне единства в многообразии, где духовные ценности становятся общими для разных народов.

В заключение подчеркнем: опыт пресвитериан Казахстана демонстрирует, что христианство в форме пресвитерианства может успешно интегрироваться в национальный контекст, сохраняя свою сущность и уважая культурную самобытность народов. В этом находим подтверждение словам апостола Павла: «для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» [11, С. 273] пресвитериане, приходя со своим учением ко всем народам, делают его понятным и близким каждому, кто готов слышать, не разделяя, а объединяя. Такой подход заслуживает дальнейшего поощрения и изучения во имя гармонии многонационального Казахстана.

Список литературы:

1. Ахантаева, А.Ж. Обряды и легенды казахского народа, связанные с земледелием / А.Ж. Ахантаева // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». – 2020. – № 1.
2. Барсов, Н.И. Пресвитерианство / Н.И. Барсов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. 25. – СПб.: Типография акционерного общества «Брокгауз-Ефрон», 1898. – С. 74-76
3. Байтенова, Н.Ж. Вестник КазНУ. Серия религиоведения / Н.Ж. Байтенова, А. Бужеева. – 2015. – № 2 (6). – С. 11.
4. Борбасова, Қ.М., Қазақ халқының діни санасының қалыптасуы мен даму ерекшеліктері / Қ.М. Борбасова, А.Б. Бужеева, Н.К. Альджанова // Вестник КазНУ. Серия философии, культурологии и политологии. – 2016. – № 4. – С. 170.
5. Борбасова, Қ.М. Пресвитерианские течения: история и современный период / Қ.М. Борбасова, А.Т. Сагнадина // Вестник КазНУ. Серия религиоведения. – 2019. – № 1. – С. 19-28
6. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – М.: АСТ, 2020. – 352 с.
7. Вестминстерское Исповедание Веры (1647-1648 гг.). – 78 с. – URL: https://www.presbiterien.org/rus/3/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%98%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%8%D0%B5_%D0%92%D0%B5%D1%80%D1%8B_1647-1648_%D0%B3%D0%B3.pdf (дата обращения: 25.11.2025)
8. Куропаткина, О.В. Национальная идея глазами неправославных верующих (католиков, протестантов, мусульман...) / О.В. Куропаткина // Вестник церковной истории. – 2011. – № 4. – С. 115. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-ideya-glazami-npravoslavnyh-veruyuschih> (дата обращения: 25.11.2025)
9. Кальвин, Ж. Наставления в христианской вере / Ж. Кальвин. – Пер. с лат., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Сысоева. – М.: Протестант, 1999. – Кн. III, гл. 21. – С. 384-386
10. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 262 с.
11. Лопухин, А.П. Толковая Библия. Новый Завет. Послания апостола Павла / А.П. Лопухин. – М.: Российское библейское общество, 2001. – 273 с. (комментарий к 1 Кор. 9:22)
12. Народы и религии мира: Энциклопедия / гл. ред. Тишков, В.А. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – Статья: «Пресвитерианство» (автор П.И. Пучков). – 808 с.
13. Православная энциклопедия. – Т. 29. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2012. – Ст. «Казахстан» (раздел «Протестантизм»). – С. 342-357
14. Пучков, П.И. Пресвитерианство // Народы и религии мира: Энциклопедия / П.И. Пучков. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 807.
15. Религиоведение: энциклопедический словарь. – 2 том. – Алматы: Қазақ университеті, 2018. – 222 с.

16. Соколовский, К.Г. «Традиционные» и «нетрадиционные» религии: вопросы позиционирования в системе государственно-конфессиональных отношений Республики Казахстан / К.Г. Соколовский // Вестник Пермского университета. Политология. – 2018. – № 1. – С. 56.

17. Протестантизм в Казахстане. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Протестантизм_в_Казахстане#:~:text=Наиболее%20широко%20протестанты%20представлены%20в,26%20и%20др (дата обращения: 25.11.2025)

18. Воскресное Богослужение 28.09.2025. – «Сила благодарности» Колоссянам 3:12-17 (День Благодарения). – URL: https://youtu.be/cnC6E2vZTg4?si=pu_INKTC8M93bAQs (дата обращения: 25.11.2025)

19. Жизнь Церкви «Сион». – URL: <https://zion-church.kz/category/zhizn-cerkvi/page/2/> (дата обращения: 25.11.2025)

20. Видения и миссии церкви «СИОН». – URL: <https://zion-church.kz/who-we-are/#:~:text=Кто%20мы%20%7C%20Церковь%20,на%20ЛЮБВИ%20К%20БОГУ> (дата обращения: 25.11.2025)

УДК 339.13

МОНИТОРИНГ РЫНКА МАРКЕТПЛЕЙСОВ В РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЛАТФОРМ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ МАЛОГО БИЗНЕСА

Вовк Екатерина Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент

Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь);

Дружинина Дарья Андреевна,

студентка 4 курса направления подготовки

«Реклама и связи с общественностью»

Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь)

Аннотация. В статье рассмотрены основные особенности работы и функционирования самых крупных маркетплейсов в России – Ozon и Wildberries. Выделены основные характеристики каждого маркетплейса, проведен сравнительный анализ обеих платформ России по следующим ключевым параметрам: ассортимент, скорость и качество логистики, удобство использования и интерфейс, существующие системы оплаты на платформе, возврат товаров покупателем и, самое главное, поддержка продавцов. Особый упор и основное внимание направлены на роль маркетплейсов в развитии малого бизнеса. Насколько легко малому бизнесу пересечь барьер для входа на рынок электронной коммерции. Также, рассмотрены преимущества маркетплейсов как эффективных инструментов начала предпринимательской деятельности и перспективы их развития в России.

Ключевые слова: маркетплейсы, электронная коммерция, малый бизнес, цифровая торговля, предпринимательская деятельность, онлайн-продажи.

Annotation. The article discusses the main features of the operation and functioning of the largest marketplaces in Russia – Ozon and Wildberries. The main characteristics of each marketplace are highlighted, and a comparative analysis of both Russian platforms is carried out according to the following key parameters: assortment, speed and quality of logistics, ease of use and interface, existing payment systems on the platform, return of goods by the buyer and, most importantly, seller support. Special emphasis and focus is on the role of marketplaces in the development of small businesses. How easy it is for a small business to cross the barrier to enter the e-commerce market. Also, the advantages of marketplaces as effective tools for

starting an entrepreneurial activity and the prospects for their development in Russia are considered.

Key words: marketplaces, e-commerce, small business, digital commerce, entrepreneurial activity, online sales.

Постановка проблемы. Развитие электронной коммерции стало одним из ключевых факторов трансформации мировой и российской торговой системы. В условиях роста конкуренции и изменений потребительского поведения маркетплейсы становятся основным каналом продаж для малого и среднего бизнеса, обеспечивая доступ к широкой аудитории без необходимости создания собственной инфраструктуры. Как и для любого канала продаж, перед началом продаж предпринимателю необходимо оценить степень рентабельности. На данном этапе возникает необходимость рассмотреть самые популярные маркетплейсы в России (Wildberries и Ozon) со всех сторон, провести не только экономический, но еще и полноценный маркетинговый анализ. Главная цель данного исследования – провести сравнительный анализ маркетплейсов Ozon и Wildberries, определить их сильные и слабые стороны, а также показать роль маркетплейсов в развитии малого бизнеса в России.

Изложение основного материала. Маркетплейсы в последние годы стали неотъемлемой частью цифровой экономики, обеспечивая эффективное взаимодействие между продавцами и покупателями [1]. В России данный сегмент развивался особенно динамично, и к 2025 году ключевыми игроками стали Ozon и Wildberries, которые обладают самыми крупными из существующих логистических сетей, ассортиментом и огромной базой пользовательской аудитории.

Для предпринимателей маркетплейсы представляют максимально простой и быстрый канал выхода на рынок, позволяющий минимизировать издержки, быстро тестировать товары и масштабировать существующий бизнес, а также создавать новые. Преимущества обусловлены несколькими факторами:

Во-первых, малым предприятиям не требуется открывать офлайн-магазин, арендовать помещение, нанимать персонал или приобретать дорогостоящее оборудование. Платформа предоставляет готовую инфраструктуру – от виртуальной витрины магазина до платежных инструментов.

Во-вторых, маркетплейсы бесплатно обеспечивают ежедневный доступ к многомиллионной базе покупателей, что невозможно при самостоятельном запуске интернет-магазина.

В-третьих, платформы предоставляют собственные встроенные инструменты продвижения, аналитики и рекламы, что позволяет продавцам корректировать стратегию на основе целей и необходимых данных.

В-четвертых, продавец получает полноценный кабинет с аналитикой, финансовыми отчётами и статистикой, что заметно упрощает процесс управления товарооборотом и позволяет быстро реагировать на спрос.

Благодаря этим преимуществам маркетплейсы становятся ключевым драйвером развития малого бизнеса в России.

1. Характеристика маркетплейсов Ozon и Wildberries.

1.1. Маркетплейс Ozon.

Основанный в 1998 году, Ozon прошёл путь от интернет-магазина книг до многофункциональной торговой платформы, на которой представлено более 10 млн товаров в десятках категорий.

Характеристика Ozon

Характеристика	Описание
Ассортимент и функциональность	Ozon предлагает разнообразные категории товаров: электронику, одежду, товары для дома, спорттовары, косметику, продукты питания, товары для животных и др. Также платформа активно продвигает собственные бренды и сервисы, включая OzonFresh, Ozon Travel, систему бронирования билетов и отелей.
Модель бизнеса	Платформа работает по гибридной модели: часть товаров продаётся от селлеров, а часть – непосредственно самим Ozon с своих собственных складов. Разработанная система обеспечивает высокую скорость доставки и контроль качества.
Логистика	Ozon обладает развитой сетью распределительных центров, собственным автопарком, сетями СТО, большим количеством пунктов выдачи и штатом курьеров для адресной курьерской доставкой. В крупных городах России доступна доставка товаров прямо в день заказа.
Технологии	Ozon постоянно совершенствуется, использует алгоритмы личной персонализации, инструменты анализа продаж, динамическое ценообразование и систему внутренней рекламы на основе ключевых запросов и раздела «похожее».
Пользовательский опыт и поддержка	Интерфейс платформы интуитивный, а программы лояльности формируют высокий уровень удовлетворённости клиентов. В 2023 году компания Ozon запустила собственный банк, это значительно упростило процесс финансовых операций как для клиентов, так и для самой компании.

1.2. Маркетплейс Wildberries.

Wildberries – крупнейший маркетплейс России, основанный в 2004 году, самый большой по трафику клиентов маркетплейс из ныне существующих в России. Площадка объединяет миллионы продавцов и покупателей, формируя масштабную цифровую экосистему. Имеют собственный аэропорт, сеть логистических сетей.

Характеристика Wildberries

Характеристика	Описание
Ассортимент и охват	Платформа предлагает широкий выбор товаров – от одежды до электроники, товаров для детей, дома и спорта. Wildberries активно расширяет географию, обеспечивая доставку в страны СНГ. Помимо России, представлены в странах: Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Армения, Киргизия.
Технологические решения	Платформа использует самые современные автоматизированные системы сортировки, интеллектуальные алгоритмы рекомендаций, которая подстраивается под ваши малейшие предпочтения, формирует интеллектуальную ленту и предложения. Только у этого маркетплейса собственная современная инфраструктура хранения на пунктах выдачи заказов.
Логистика и доставка	Одно из главных преимуществ – крупнейшая сеть пунктов выдачи заказов и складов. Wildberries обеспечивает быструю доставку, включая самовывоз, курьерскую доставку (не только в крупных городах, но и в самых малонаселенных

	районах), а также использование постаматов.
Условия для покупателей и продавцов	Покупателям предлагаются удобные способы оплаты, включая постоплату, что повышает доверие к площадке, а также помогает клиентам сделать как можно больше заказов, которые они, в большинстве случаев, забирают при получении. Продавцам же предлагаются широкие возможности аналитики, низкий порог входа и доступ к масштабной аудитории.
Поддержка предпринимателей	Wildberries активно внедряет инструменты для продвижения малого бизнеса: сниженные комиссии, автоматизированную поддержку, новые рекламные форматы и улучшенные сервисы обработки заказов.

4. Рассмотрев основные отличительные особенности двух самых развитых маркетплейсов в России, необходимо провести сравнительно-сопоставительный анализ. Для него будем использовать следующие характеристики: ассортимент и категории (широта каталога, допустимые категории товаров, особенности валидации и требование к сертификации); логистика и выполнение заказов (наличие собственных складов, пунктов выдачи, стоимость логистики для предпринимателя, скорость доставки и покрытие по регионам России); комиссия, тарифы, маржинальность (комиссия за продажу, стоимость хранения и обработки заказа маркетплейсом, дополнительные сборы с продавца, расчет с продавцом); интерфейс, удобство работы и отчетности (наличие личного кабинета с аналитикой, простота загрузки карточек товара, удобство редактирования, отслеживание статуса возвратов и заказа, наличие мобильного приложения для продавца).

Таблица 3

Сравнительно-сопоставительная таблица маркетплейсов Ozon и Wildberries

Характеристика	Что рассматривает?	Ozon	Wildberries
Ассортимент и категории	Широта каталога (количество категорий и подкатегорий), допустимые категории товаров, особенности валидации и требования к сертификации.	Широкий, более «структурированный» каталог товаров, сильны категории электроника, товары для дома, оригинальная одежда и обувь; для многих товаров требуется обязательная сертификация, соблюдение правил площадки.	Очень широкий ассортимент, множество подкатегорий, допускает большое число товарных групп; процесс сертификации проще, нет строгого контроля со стороны маркетплейса (есть возможность размещения без сложной документации для многих категорий).
Логистика и выполнение заказов	Наличие собственных складов, пунктов выдачи; стоимость логистики для предпринимателя; скорость доставки и покрытие по регионам России.	Инвестируют в строительство складов, а не в собственные склады; стараются делать доставку «в день» в многих регионах; тарифы не стандартизированные, а зависят от региона	Широкая сеть складов и пунктов выдачи, больше пунктов, чем в Ozon; часто можно бесплатно совершить отгрузку на популярные склады, предлагают также бесплатное хранение; быстрая доставка

		получателя, что может понести издержки продавцу; не выигрывает Wildberries.	даже в самые отдаленные регионы страны; есть свои требования к упаковке и маркировке товара для перевозки.
Комиссия, тарифы, маржинальность	Комиссия за продажу, стоимость хранения и обработки заказа маркетплейсом, дополнительные сборы с продавца, расчет с продавцом.	Комиссия выше, чем у Wildberries на многие категории товаров; логистические сборы и комиссии делают маржу ниже; но существует карта и банка от компании Ozon, которые снижают транзакционные расходы для партнеров (селлеров).	Представляют конкурентоспособные тарифы и программы для малого и среднего бизнеса, поддерживающие условия; льготы за большой объем; взимает плату за длительное хранение, возвраты, отдельные правила для обслуживания.
Интерфейс, удобство работы и отчетности	Наличие личного кабинета с аналитикой; простота загрузки карточек товара, удобство редактирования; отслеживание статуса заказов и возвратов; наличие мобильного приложения для продавцов.	Хорошо развит интерфейс, мощная аналитика, которая позволяет оценить ситуацию на рынке в целом, но нужна адаптация для мобильной версии, чтобы обеспечивать мобильность продавцов, быструю скорость принятия решений; работа с отчетами требует бухгалтерской подготовки, технических навыков.	Простая система выгрузки отчетов (ежедневных и еженедельных), в том числе для налоговых органов; множество официальных документов для предоставления отчетности; простая работа с интерфейсом, автоматические инструменты.
Маркетинговые и рекламные инструменты	Встроенная реклама и продвижение карточек; возможность участия в акциях; формирование витрин, рекомендаций, брендовых зон.	Возможность платного размещения, но его можно настроить только за количество просмотров; кросс-продажи используют для увеличения чека и среднего количества выкупов на одного продавца; персональные рекомендации.	Предлагает множество акций, специальных вкладок, подсвечивание цены, буст в позиции; рекламу можно настроить через отдельный раздел на сайте «Вб.Продвижение», что невероятно удобно; предлагаются все возможные варианты рекламы (поисковая, рекомендационная, в полках и похожих товарах), реклама у блогеров, контекстная реклама.

Выводы. Исследование двух крупнейших российских маркетплейсов – Wildberries и Ozon – показало, что, несмотря на существенные сходства в их функциональных возможностях, каждая платформа ориентирована на определённый тип продавцов и логическую модель развития бизнеса. Wildberries демонстрирует более простые условия входа на рынок, что делает его особенно привлекательным для малого бизнеса и начинающих предпринимателей. Платформа предоставляет широкий ассортимент категорий без жёстких требований к документам, удобную логистическую сеть, высокий покупательский трафик и достаточно прозрачную модель комиссий. Это создаёт благоприятные условия для тех, кто только начинает деятельность в электронной коммерции и стремится протестировать спрос, минимизировать стартовые расходы и быстро адаптироваться к запросам аудитории.

Ozon, в свою очередь, ориентирован на более структурированный и технологичный подход. Площадка обладает развитой аналитической системой, мощными инструментами интеграции, возможностями масштабирования и рекламной поддержкой. Однако такие преимущества требуют большей подготовленности со стороны продавца, наличия ресурсов для качественного брендинга, анализа рынка и эффективного управления ассортиментом. Несмотря на более строгие регламенты и высокие логистические тарифы, Ozon особенно выгоден для бизнеса, стремящегося выстраивать долгосрочную стратегию, продвигать бренд, управлять сложными товарными категориями и обеспечивать высокий уровень доверия покупателей.

Список литературы:

1. Александрова, Е.Н. Маркетинг как основа эффективной деятельности современных маркетплейсов / Е.Н. Александрова, А.А. Безносое // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 6. – С. 115-118
2. Варламова, Д.В. Оценка качества интернет-магазинов на примере Wildberries и Ozon / Д.В. Варламова, И.И. Барабанщикова, Ш.Б. Хакбердиева // Практический маркетинг. – 2021. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-kachestva-internet-magazinov-na-primere-wildberries-i-ozon> (дата обращения: 25.11.2025)
3. Гаврюшин, О.Ю. Изменения фирменной структуры онлайн продаж в России / О.Ю. Гаврюшин, С.И. Долгов, Ю.А. Савинов, Е.В. Тарановская // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniya-firmennoy-struktury-onlayn-prodazh-v-rossii> (дата обращения: 25.11.2025)
4. Головенчик, Г.Г. Сущность, классификация и особенности электронной коммерции / Г.Г. Головенчик // Наука и инновации. – 2020. – № 5 (207). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-klassifikatsiya-i-osobennosti-elektronnoy-kommertsii-1> (дата обращения: 25.11.2025)
5. Евстифеев, Ю.М. Текущее состояние и перспективы развития цифровой экономики в России / Ю.М. Евстифеев // Экономическое развитие России. – 2023. – № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekushee-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-tsifrovoy-ekonomiki-v-rossii> (дата обращения: 25.11.2025)

КУЛЬТУРНО-СОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ЭПОСАХ «МАНАС» И «МАХАБХАРАТА»

Зайыркулова Рима Женишовна,

аспирант

Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына (г. Бишкек)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы преподавания дисциплины «Манасоведение» иностранным студентам, обучающимся в высших учебных заведениях Кыргызской Республики, в том числе в медицинских вузах. Особое внимание уделяется тому, как через дисциплину «Манасоведение» масштабно познакомить студентов, обучающихся по медицинскому направлению, с эпосом «Манас», являющимся энциклопедией и сокровищницей кыргызского народа, а также интегрировать его в учебный процесс, сопоставляя с эпосом «Махабхарата» народа Индии. Кроме того, на примере конкретных тем предлагается выходить за рамки традиционных методов обучения, обращаясь к науке сравнительного исследования (компаративистике). Приводятся результаты.

Ключевые слова: иностранные студенты, лечение, эпос «Манас», эпос «Махабхарата», сравнение, различия, компаративистика.

Annotation. This article examines the issues related to teaching the discipline “Manastanuu” to foreign students studying in higher education institutions of the Kyrgyz Republic, particularly those enrolled in medical universities. It discusses how the discipline can introduce medical students to the “Manas” epic considered the encyclopedia and spiritual heritage of the Kyrgyz people in a comprehensive way, and how it can be integrated with medical education. The article also explores the possibility of teaching the material in an integrated format alongside the Indian epic “Mahabharata” Furthermore, based on specific thematic examples, it proposes moving beyond traditional approaches by applying methods of comparative studies. Conclusions are drawn at the end.

Key words: foreign students, treatment, “Manas” epic, “Mahabharata” epic, comparison, differences, comparative studies.

Постановка проблемы. Историческая память и духовная культура каждого народа широко отражаются в его эпическом наследии. Эпос – это не просто художественный текст, а комплексный источник, отражающий мировоззрение общества, ценности, сохранённые на протяжении веков, социально-общественное устройство и моральные нормы. Эпосы «Манас» и «Махабхарата» являются уникальными фольклорными произведениями, которые отражают мировоззрение и социальную модель великих цивилизаций. Изучение этих эпосов позволяет глубже понять исторический опыт народа, его мышление, духовное наследие и культурное разнообразие.

В условиях глобализации такой сравнительный анализ имеет особое значение для сохранения национальной идентичности и понимания взаимосвязей мировых культур. Статья предполагает проведение исследования с целью вызвать интерес у иностранных студентов, обучающихся по медицинскому направлению, к дисциплине «Манасоведение» и сопоставить её с другими медицинскими предметами. Поэтому тема данного исследования обладает высокой актуальностью как с научной, так и с практической точки зрения.

Эпос «Манас» Кыргызской Республики является устным эпосом и состоит из 500 553 стихотворных строк. Это крупнейший устный эпос кыргызского народа, признанный ЮНЕСКО и дошедший до наших дней. Эпос «Махабхарата» Индийской Республики изначально создавался устно, а затем был записан на бумаге. Он состоит примерно из восемнадцати книг (парв) и включает более 75 000 двустиший-шлок. По объёму он в несколько раз превышает «Илиаду» и «Одиссею» вместе взятые. Эпос «Махабхарата» можно назвать «энциклопедией» индийской культуры. Эпопеи «Махабхарата» и «Манас» являются энциклопедическими и масштабными произведениями. Знания и воспитание, которые можно извлечь из них, неисчерпаемы.

Для того чтобы вызвать интерес иностранных студентов к дисциплине «Манасоведение», было рассмотрено преподавание с сопоставлением эпосов двух народов.

Для достижения целей исследования были определены следующие задачи:

1. Определение и сравнение историко-культурного контекста двух эпосов.
2. Анализ социальной структуры, общественных отношений и героических идеалов, отражённых в эпосах «Манас» и «Махабхарата».
3. Выявление духовно-этических ценностей, представленных в эпосах, и демонстрация их места в культуре народа.
4. Сравнение социальных элементов, таких как образ женщины, семейные отношения и родо/кастовая структура.
5. Сравнительная оценка мифологического, философского и воспитательного содержания обоих эпосов.
6. Выявление общих и отличительных черт, отражающих мировоззрение двух народов.

Изложение основного материала. Эпос «Манас» является уникальным эпическим произведением, отражающим мировоззрение, духовное наследие, историческую память и социально-культурное устройство кыргызского народа. В содержании эпоса широко представлены кочевой образ жизни кыргызов, племенное и духовное единство, межэтнические отношения, обычаи, традиции, социальные взаимодействия и героические идеалы. «Манас» отражает не только исторические ценности кыргызского общества, но и социальные нормы того времени, этические принципы и модели семейных отношений. Эпос служит духовным кодом кыргызского народа и является одним из основных источников национальной идентичности.

В эпосе подробно описаны скотоводство кыргызов, пути кочевков, юрта, свадебные обряды, военные обычаи, оружие. Родословная Манаса, народные обряды, благословения, суеверия, почитание духов предков и другие элементы составляют важную часть эпоса. Эпос воспроизводится в стихотворной форме, богатой ритмом и образами. Образ Манаса символизирует героя, не щадящего своей жизни ради народа; образ Бакая – символ мудрости, а Каныкей характеризуется как образец разумности и женской добродетели. Семетей представлен как продолжатель рода. Социальная структура кыргызского общества по племенам и их взаимосвязи подробно описаны. Эпос передаёт идею объединения народа и сохранения единства как центральную концепцию.

Эпос «Махабхарата» является одним из крупнейших эпосов в мире, отражающим культуру, философию, социальное устройство и морально-этические принципы Древней Индии. Это произведение в широком масштабе охватывает мировоззрение индуистов, их религиозные верования (ведическую традицию), духовно-нравственные концепции и социальные отношения. Основная особенность эпоса заключается в том, что философские понятия дхарма (справедливость, моральный долг), карма (последствия действий) и судьба глубоко интегрированы в художественный сюжет и охватывают все слои общества – от царей до простых людей. «Махабхарата» сохраняет историческую память индийского общества, определяет его культурный код и служит духовной основой социальной структуры [1].

После изучения дисциплины «Манасоведение» местные и иностранные студенты должны уметь анализировать ключевые сюжеты эпической трилогии, оценивать ценность и уникальность эпоса «Манас» как мирового культурного наследия, анализировать этапы формирования эпоса и гипотезы о времени его создания, а также применять основные понятия и термины дисциплины. Однако эти требования не вызывают особого интереса у иностранных студентов, обучающихся по медицинскому направлению, так как они не могут соотнести материал с медициной. Так, в предыдущих устных опросах преподаватели, проводившие дисциплину «Манасоведение», отмечали, что у иностранных студентов отсутствовал интерес к предмету и они не видели связи с медициной.

Эпос «Махабхарата» Индийской Республики, хотя и не сопоставим по объёму с эпосом «Манас» Кыргызской Республики, является аналогичным по детализации. Мы пришли к выводу, что преподавание дисциплины «Манасоведение» иностранным гражданам и нашим местным студентам может быть эффективным при сравнительном изучении мировых эпосов, если ставить такие темы, как эпоха создания эпоса, его

рассказчики и герои, сопоставление народных идей и выявление различий, представление первоначальных медицинских сведений в эпосах, методы лечения, медицинские инструменты, а также сопоставление с современной медициной и выявление сходств и различий.

В процессе ознакомления иностранцев с дисциплиной «Манасоведение» был проведен научный опрос с целью анализа их знаний о эпосах «Манас» и «Махабхарата» и формулирования выводов [2].

Для того чтобы вызвать интерес иностранных студентов к предмету, рассмотрим и проанализируем эффективное преподавание эпосов «Манас» и «Махабхарата» с использованием компаративного (сравнительного) подхода. Компаративизм (от лат. *comparativus* – «сравнивать») подразумевает сопоставление и выявление сходств и различий, определение тенденций исторического развития, установление соответствий между аналогичными явлениями и т.д. Компаративизм используется в различных науках, в том числе в литературоведении, для сравнительного исторического анализа развития образов и сюжетов в литературе разных народов. На сегодняшний день сравнительные исследования эпоса «Манас» с другими эпосами практически не проводились.

Параллельный анализ и сравнительное преподавание двух эпосов повышает интерес студентов к дисциплине «Манасоведение» и является одним из наиболее эффективных методов. В формате обучения рекомендуется сравнивать сюжеты эпоса «Манас» с аналогичными мотивами эпоса «Махабхарата», сопоставлять персонажей – соответствующие образы, героический кодекс – понятия дхарма и карма, кочевую культуру с устоявшейся цивилизацией, мудрость Бакая в «Манасе» с философским руководством Кришны в «Махабхарате» и другие аналогичные темы, что способствует повышению интереса к дисциплине.

После того как были изучены взгляды иностранных студентов на данную дисциплину, мы разработали и провели занятия по сравнительному анализу эпической трилогии «Манас» Кыргызской Республики, включённой в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, и эпоса «Махабхарата» Республики Индия. Было подготовлено несколько вариантов сравнительного преподавания [3]. Рассмотрим один из уроков:

Тема: «Медицина в мире эпоса: медицинские представления и ценности в эпосах «Манас» и «Махабхарата».

Тип занятия: интегрированная, компаративная лекция + обсуждение.

Факультет: «Лечебное дело», 3 курс.

Продолжительность занятия: 80 минут.

Цели занятия:

Образовательная цель: Познакомить студентов с традиционной медициной, методами исцеления и морально-медицинскими ценностями, отражёнными в эпосах «Манас» и «Махабхарата». Сравнительно проанализировать медицинские образы, представленные в двух эпосах.

Развивающая цель: Развивать у студентов навыки сравнительного анализа. Связать морально-этические ценности, присутствующие в эпосах, с профессиональной деятельностью врача.

Воспитательная цель: Укрепить представления об этике в медицине, человеческом отношении и чувстве долга. Способствовать развитию межкультурного диалога.

Учебно-методическое обеспечение: Слайд-презентация. Фрагменты из эпоса «Манас» (советы Бакая, забота Каныкей). Фрагменты из «Махабхараты» (советы в «Бхагавад-Гите», образ Драупади). Видеофрагменты (короткие, 2-3 минуты). Интерактивная доска, ноутбук, иллюстрации, подготовленные тексты.

Таблица терминов: дхарма, исцеление, наставление, духовная болезнь, принятие решения в кризисной ситуации.

Ход занятия: 1. Организационная часть (5 минут).

Приветствие, обращение к ранее изученному материалу и др. Объявление темы. Вопрос студентам:

«Что вы представляете, когда слышите слово «эпос»? Какая связь может быть между медициной и эпическими произведениями?».

Введение (10 минут). Краткая презентация: Эпос можно рассматривать как формирование, становление и укрепление исторической памяти народа и его морального кодекса. В древних обществах медицина сочетала в себе магию, духовное воспитание и практические методы лечения. Кыргызский эпос «Манас» отражает народные лекарства, знахарство, духовную силу, мудрость и стремление к цели [9]. Индийский эпос «Махабхарата» символизирует Аюрведу, дхарму и умение принимать нравственные решения в сложных ситуациях. После краткой презентации демонстрируются фрагмент в исполнении С. Каралаева на английском языке (3 минуты). В основной части студенты читают заранее подготовленные тексты. На этот этап отводится 45 минут. Медицина в эпосе «Манас» (20 минут).

Темы текстов: культура исцеления, народные лекарства, природные растения, животные жиры, шаманские и духовные обряды, «врачебные функции» героев и др. Если обратиться к содержанию текстов:

Бакай – мудрый советчик, оказывающий психологическую помощь.

Каныкей – забота, лечение ран, духовная опора семьи.

Кошой – символ преодоления боевых ранений.

В медицинском аспекте: получение ран и их лечение, преодоление кризиса (стресс, травма), морально-психологическая реабилитация и др.

Второй группе студентов выдаются тексты по эпосу «Махабхарата»:

Медицина в эпосе «Махабхарата».

Темы текстов: элементы Аюрведы – природные лекарства, лечение с помощью питания; йога и медитация, баланс тела и духа; дхарма как моральный закон врача; советы Кришны Арджуне – клиническая этика; преодоление психологического кризиса (депрессия Арджуны).

Отражение ранений и моральных конфликтов, медицинские представления, связанные с битвой на Курукшетре и др. После ознакомления с текстами студентам предоставляется 10 минут для самостоятельного анализа. Проводится взаимная дискуссия. Затем студенты представляют свои выводы по прочитанным материалам.

По итогам выступлений проводится компаративный анализ. На основе заранее подготовленных портретных таблиц студенты делают итоговые сравнительные выводы. Поскольку это первое знакомство студентов с текстами, их знания будут поверхностными. Поэтому для закрепления и углубления материала они готовят презентации по прочитанным текстам.

Каждая группа подготавливает презентацию по тем текстам, которые они изучили и защитили. При подготовке презентаций студентам ставится задача использовать медицинские иллюстрации (врачи, советы, инструменты и др.). При сравнении эпосов, а также при сопоставлении тюркских и дальних зарубежных эпических произведений, в дисциплине «Манасоведение» раскрываются возможные формы и пути взаимного обогащения в процессе преподавания эпосов.

Если рассматривать для иностранных студентов в рамках дисциплины «Манасоведение» эпос «Манас» и эпос «Махабхарата» с использованием исторического метода, то анализ фактических данных, связанных с историческими условиями их возникновения, а также сопоставление различий прошлого, настоящего и будущего является чрезвычайно важным методом для понимания и исследования изучаемых эпосов. Применение статистического метода позволяет анализировать и интерпретировать эпохи возникновения эпосов на основе количественных показателей. Рассмотрение обстоятельств их появления, записи, устного исполнения и передачи из поколения в поколение – с учётом сходств и различий, выявляемых при сопоставлении вышеуказанных методов – даёт возможность увидеть общие черты и отличия эпох создания эпосов.

Социологический метод основан на оценке того, насколько эпосы отвечают потребностям развития студентов. Посредством эпических произведений определяется, в чём проявляются различия и взаимосвязи традиций и культур индийцев и кыргызов, насколько они соответствуют или не соответствуют современным обычаям, существуют ли между ними преемственность или противоречия. Анализируя и интерпретируя эти особенности, студенты получают возможность понять сходства и различия в социальном укладе жизни двух народов и глубже осмыслить их культуру.

Применение сравнительного метода позволяет выявлять общее и особенное, сходства и различия эпосов. Сравнительный метод охватывает универсальные и специфические проявления тенденций и закономерностей. Теоретическое, сравнительное и историческое сопоставление текстов эпосов даёт возможность использовать значительный объём фактического материала, содержащегося в эпосах, для качественного анализа. Для студентов анализ эпосов является одним из наиболее важных методов исследования и изучения.

С целью определения роли сравнительного анализа в современном школьном преподавании литературы проведён анализ характера сравнительных заданий. Хотя в ряде учебников такие задания разнообразны и интересны, они зачастую выполняют лишь вспомогательную функцию восприятия. Можно предположить, что полноценный сравнительный анализ пока не проводится и ещё не занял своё полное место в системе литературного анализа художественных произведений. Сравнение представляет собой метод познания, основанный на выявлении сходств и различий предметов и явлений, и является одним из наиболее распространённых приёмов познавательной деятельности. Глубокий смысл заключён в известной фразе «всё познаётся через сравнение». Этот метод позволяет объективно определить сходства и различия объектов и явлений, выявить закономерности и общие черты, характерные для двух или более объектов, повторяющиеся в различных явлениях. Сравнительный метод обеспечивает возможность всестороннего рассмотрения объектов, анализа их взаимосвязей и отношений, способствует выявлению значимых признаков сравниваемых объектов, определению проблемных ситуаций и явлений, а также достижению высокого уровня их обобщения.

С помощью сравнения выявляются качественные и количественные характеристики предметов, классифицируется и оценивается содержание бытия и познания. Метод сравнения открывает возможности для понимания множества текстовых связей. В процессе анализа художественного произведения сравнение выступает не только как умственная операция, но и как метод изучения художественного текста. Применение техники сравнения в практике преподавания литературы основывается на ряде психологических и педагогических условий. Следовательно, одна из важнейших задач обучения – максимальная активизация мыслительной деятельности человека.

В обучении, основанном на сравнении эпосов «Манас» и «Махабхарата», если рассматривать целевую направленность студентов при сравнительном обучении, основной целью является развитие у студентов способности к сравнительному анализу, выявление универсальных тем и культурных особенностей в эпических произведениях, а также раскрытие межкультурных ценностей и исторических связей.

При выборе материала мы остановились на следующих темах для «Манаса»: рождение героя, детство, подготовка к войне, единство народа и др. В сравнительном направлении для «Махабхараты» были выбраны темы: идеал героизма, братские отношения, борьба за справедливость, космологические представления и др. Выбранные фрагменты должны быть удобны для сравнения по тематике, образам и сюжетным функциям. На этапах сравнительного анализа:

1. Представление историко-культурного контекста.
 - «Манас» – мировоззрение кочевого кыргызского общества, социальное устройство, влияние ислама.
 - «Махабхарата» – кастовая система Древней Индии, индуизм, философские концепции.
2. Сравнение сюжетных мотивов.
 - Чудесное рождение героя.
 - Отправление в поход и прохождение испытаний.
 - Мотив защиты и объединения народа.
3. Сравнение системы персонажей.
 - Манас ↔ Арджуна (героизм, моральный выбор).
 - Каныкей ↔ Драупади (мудрость, семейные вопросы и политическая роль).
4. Сравнение идеологического и философского содержания.
 - В «Манасе» – коллективное единство, защита земли и народа.
 - В «Махабхарате» – дхарма (обязанность по справедливости), карма, духовное развитие и др.

4. Методические приёмы обучения.

– Текстовое сравнительное чтение – последовательное чтение фрагментов с выявлением сходств и различий.

– Составление сравнительной таблицы – по сюжету, персонажам, идее, стилистике.

– Дискуссия – выражение студентами собственного взгляда на героический идеал в каждом эпосе.

– Визуализация – карта сюжета, диаграмма взаимосвязей персонажей.

– Интердисциплинарный подход – объединение с историей, религиоведением, философией и лингвистикой.

5. Основные методические особенности.

– Сосредоточение на межкультурном понимании – студенты должны уметь соотносить ценности двух эпосов.

– Использование единых критериев сравнения – сюжет, образ, идея, стилистические приёмы.

– Интерактивное обучение – работа в группах, презентации, короткие сценические постановки.

– Соотнесение художественного текста с контекстом – при чтении фрагментов учитывать исторические и культурные условия.

– Использование количественных элементов – частота упоминания имён персонажей, пропорции сюжетных этапов (статистический метод).

Выводы. В результате студенты получают глубокое понимание содержания и формы обоих эпосов. Они способны проводить сравнительный анализ, различать межкультурные ценности, а также формулировать и аргументировать своё мнение устно и письменно. В высших медицинских учебных заведениях Кыргызской Республики гуманитарный цикл, в том числе дисциплина «Манасоведение», способствует расширению мировоззрения студентов и развитию межкультурной компетенции. Через сравнение эпосов «Манас» и «Махабхарата» студенты видят параллели между национальными и мировыми эпическими традициями, осознают универсальные темы героизма и анализируют социально-культурные ценности.

Список литературы:

1. Жирмунский, В.М. Тюркские героические эпосы / В.М. Жирмунский // Наука. – Ленинград, 1974. – С. 99-112

2. Фон Габен, А. Древнетюркская литература / А. фон Габен; пер. с нем. Д.Д. и Е.А. Васильевых // Зарубежная тюркология. – Вып. 1. – М., 1986. – С. 294-298

3. Жирмунский, В.М. Тюркский героический эпос: избранные труды / В.М. Жирмунский. – Ленинград: Наука, 1974. – С. 110-200

4. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Ленинград, 1986. – 507 с.

5. Мелетинский, Е.М. О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов / Е.М. Мелетинский. – Москва: РГГУ, 1994. – 136 с.

6. Ашым, Жакыпбек. «Теңири Манас»: роман / Жакыпбек Ашым. – Бишкек: Кыргызстан, 1995. – 45 б.

7. Кыргыз Совет Энциклопедиясы: 6 томдук / башкы редактор Б.Ө. Орузбаева. – Фрунзе: Кыргыз Совет Энциклопедиясынын башкы редакциясы, 1979. – Т. 4. – 159 б.

8. Гринцер, П.А. Древнеиндийский эпос / П.А. Гринцер. – Москва, 1974. – 123 с.

9. Кемелбаев, Н. «Махабхарата» / Н. Кемелбаев, К. Жусупов. – Бишкек, 1998. – 5-6 б.

10. Зайыркулова, Р.Ж. Медициналык окуу жайларында «Манас» эпосу менен «Махабхарата» эпосун салыштырып окутуу / Р.Ж. Зайыркулова // Издание Международного университета «Ала-Тоо». – Бишкек, 2022. – № 3. – С. 99-109

11. Ишекеев, Н.И. Проблемы сопоставления преподавания эпоса «Манас» и эпоса «Махабхарата» в дисциплине «Манастаануу» высших учебных заведениях / Н.И. Ишекеев, Р.Ж. Зайыркулова // Вестник Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына. – 2023. – № 1 (113). – С. 40-50

ПОНЯТИЕ ПОЗИТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ В КОРАНЕ И ЕГО СОЗВУЧИЕ С ПСИХОЛОГИЕЙ

Нурзат Муқан,

PhD, доцент

Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы);

Джуматаева Айгуль Нурлановна,

магистрант 1 курса направления подготовки «Исламоведение»

Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы)

Аннотация. В данной научной статье комплексно анализируется исламская трактовка понятия позитивного мышления, рассматриваются его теологические, психологические и духовные основы. В ходе исследования, на основе аятов Корана и хадисов Пророка Мухаммада (мир ему и благословение), системно излагаются основные исламские принципы, способствующие позитивному мышлению, такие как оптимизм, надежда, доверие (таваккуль), терпение и благодарность. Автор выявляет соответствие позитивного мышления современным научным концепциям в психологии и доказывает его связь с исламским учением. В статье рассматривается роль позитивного мышления в укреплении психоэмоционального здоровья человека, возможность достижения внутренней стабильности через веру в периоды стресса и тревоги. Кроме того, раскрывается значение жизненных испытаний в исламском мировоззрении и описывается их позитивное восприятие как средство духовного развития. Отмечается связь с моделями казахстанского духовно-нравственного воспитания, а также показывается важность позитивного мышления в контексте национальной культуры и исламских ценностей. Результаты исследования показывают, что позитивное мышление – это не только психологический метод в исламе, но и жизненная философия, направленная на веру и духовное развитие. Выводы, представленные автором, доказывают научную актуальность исламского подхода в повышении духовной и психологической устойчивости современного человека.

Ключевые слова: позитивное мышление, Коран, исламская психология, терпение, благодарность, риск, оптимизм, духовное здоровье.

Annotation. This research article comprehensively analyzes the Islamic interpretation of positive thinking, examining its theological, psychological, and spiritual foundations. Drawing on verses from the Quran and the hadiths of the Prophet Muhammad (peace and blessings be upon him), the article systematically outlines key Islamic principles that promote positive thinking, such as optimism, hope, trust (tawakkul), patience, and gratitude. The author identifies the correspondence between positive thinking and contemporary concepts in psychology and demonstrates its connection with Islamic teachings. The article proposes the role of a positive lifestyle in strengthening a person's psycho-emotional health and the possibility of achieving inner stability through faith during periods of stress and uncertainty. Furthermore, the significance of life's trials in the Islamic worldview is revealed, and their positive perception is described as a means of spiritual development. A connection with Kazakhstani models of spiritual and moral education is noted, and the direction of positive thinking in the 20th century, within national culture and Islamic values, is demonstrated. The study's results demonstrate that positive thinking is not only a psychological method in Islam but also a life philosophy aimed at faith and spiritual development. The author's findings demonstrate the scientific relevance of the Islamic crisis in enhancing the spiritual and psychological resilience of modern people.

Key words: positive thinking, Quran, Islamic psychology, patience, gratitude, risk, optimism, spiritual health.

Постановка проблемы. Позитивное мышление – это концепция, основанная на оценке ситуации человека с десяти точек зрения и сохранении надежды и уверенности. Позитивное мышление положительно влияет на общее благополучие человека. Мысли и позитивные новости способствуют достижению целей посредством улучшения качества

жизни и здоровья [1]. С исламской точки зрения также важно направлять разум человека к душевному спокойствию и духовной силе. Ислам сформировал позитивное отношение к жизни, проявляя терпение и благодарность в трудные времена [2].

В данной статье будут рассмотрены сущность концепции позитивного мышления, её основы в исламе, теологические аспекты теологии, доказательства из Корана и Сунны, а также теория позитивной психологии. Подробно рассматривается её актуальность. Цель исследования – показать важность позитивного мышления в контексте принципов позитивного мышления на глубоком языке и показать важность их для человеческой жизни.

Изложение основного материала. В исламском мировоззрении большое значение придаётся исправлению сердца и разума. В Коране Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха) призвал верующих творить добро и уповать на Аллаха. Например, хадис нашего Пророка: «Кто верует в Аллаха и в Последний день, пусть говорит благое или молчит» [12]. Хадис, который учит нас выбирать слова, вызывающие эмоции и одновременно добрые, адресован человеку. Второй хадис: «Оттолкни дурной поступок добрым поступком» [12] и смягчай негативные проявления в жизни посредством добродетели и исследований. Поэтому в Исламе содержится множество наставлений, призывающих к изменению негативных мыслей и поступков, основанных на эго, и к сохранению надежды даже в трудные времена. В этом контексте аяты-девизы и хадисы Пророка, согласующиеся с концепцией «после тягот наступает облегчение», считаются корнями исламского оптимизма.

С теологической точки зрения, концепции, способствующие позитивному мышлению, включают природу и могущество Аллаха, судьбу и человеческие качества. Описание Аллаха в «Бисмиллях» как «Милостивого, Милосердного» укрепляет надежду и доверие к Нему. В Коране: «(Мухаммад), разве Мы не угодили тебе? Разве Мы не облегчили тебя от твоего бремени? «Воистину, за тягостью наступает облегчение, а за тягостью – облегчение» [5].

Эти аяты объясняют, что тягота и облегчение сосуществуют. Здесь подчёркивается, что после того, как тягота (слабость) проходит, наступает облегчение. То есть терпеливый человек обязательно преодолеет тяготы и обретёт счастье. Заповедь «И уповай только на Господа твоего» (Ахзаб, аят 3) [5] выражает концепцию риска: после того, как человек совершил поступок, он должен довериться результату Аллаха.

Концепция предназначения (долга) также помогает человеку развивать в Исламе качества терпения и благодарности. Как часть всеобщего целого, испытания, даруемые человеку, призваны в конечном итоге привести к добру. Например, аяты суры «Ат-Талак» (аяты 2-3) объясняют, что «Тому, кто боится Аллаха, Он укажет путь...» «и Он дарует ему пропитание, откуда он не ожидает» [5], – подкрепляют тот же оптимистический взгляд. Эти стихи обещают, что в трудные времена благодаря вере и доверию придёт решение и изобилие богатства.

Понятия благодарности и терпения также наделяют человека позитивным мышлением и настроением. Например, аят «Бойся Господа твоего! В этом мире творящим добро – благо... Воистину, терпеливым воздастся без меры» обещает, что верующий обретёт счастье через добрые дела, а терпение будет вознаграждено великой наградой. Этот коранический аят призывает человека никогда не терять надежды и предпринимать какие-либо шаги. В исламской литературе также есть истории с поэтическим значением: «Кто благодарен Аллаху, тому приумножится Его милость» [12]. Таким образом, милосердная природа Бога, вера в судьбу, надежда, готовность рисковать и благодарность-терпение являются основополагающими понятиями, которые философски обосновывают позитивное мышление в исламе.

Влияние позитивного мышления на психологию человека многогранно. Научные исследования показали, что позитивный настрой дарит человеку духовное счастье и стабильность. Люди, мыслящие позитивно, психологически устойчивы, живут уверенно и быстро избавляются от стресса [1]. Роль веры и надежды также особая в исламской психологии. Религия учит человека духовно справляться с жизненными трудностями. Например, установлено, что люди с религиозными убеждениями имеют более низкий уровень стресса [7]. Кроме того, эмпирические свойства религии усиливают социальную поддержку и улучшают качество жизни [1]. Различные психологические исследования

подтверждают, что религиозные убеждения помогают людям сосредоточиться на своих целях и преодолевать трудности [3, 4]. Эти исследования также показали, что вера и благодарность улучшают психоэмоциональное состояние человека и усиливают чувство счастья [7]. Короче говоря, позитивное мышление способствует развитию позитивных психологических эмоций и позитивного взгляда на жизнь, снижению стресса и тревожности, что является исламскими принципами, дарующими человеку удовлетворение жизнью и душевный покой.

Многие аяты Корана служат основой для развития позитивного взгляда на жизнь. Прежде всего, аяты открытой надежды:

«Воистину, за тягостью наступает облегчение. Воистину, за тягостью наступает облегчение». (Шарх, аяты 5-6) [5]. Эти аяты заверяют человека в том, что после трудной ситуации обязательно наступит облегчение, и призывают его не терять надежды.

«Тому, кто боится Аллаха, Он укажет выход и дарует пропитание оттуда, откуда он не ожидает». (Талак, аяты 2-3) [5]. Эти два аята подчеркивают важность риска и надежды в исламе: Аллах находит выход из трудностей для Своего верующего раба и дарует пропитание оттуда, откуда он не ожидает.

«(О вы, которые уверовали!) Бойтесь вашего Господа! В этом мире для творящих добро уготовано благо. Земля Аллаха обширна. Воистину, терпеливым дарована награда без меры». (Аз-Зумар, 39:10) [5]. Здесь подчёркивается, что достижение награды через богобоязненность, совершение благих деяний и терпение приведёт к бесконечным наградам.

В этих аятах говорится не только об испытаниях, но и о победе и награде, которые они приносят. Таким образом, Коран ясно провозглашает принципы оптимизма и надежды и призывает человека искать позитивное во всех жизненных ситуациях [5].

Традиция позитивного настроения также отражена в хадисах. Пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха) советовал в хадисе Муслима: «Прекрасно положение верующего: во всём есть благо для него, и только мусульманин понимает его суть. Если к нему приходит благо, он благодарит Аллаха – это ему во благо, а если он сталкивается с трудностями, проявляет терпение – это тоже ему во благо» [12]. Этот хадис напоминает верующему о многогранности как блага, так и испытаний в жизни: благое преобразуется в благо благодаря благодарности, а трудности – в благо благодаря терпению. Пророк (мир ему и благословение Аллаха) также сказал: «Кто верует в Аллаха и в Последний день, пусть говорит благое или молчит» [7]. Этот хадис указывает на необходимость всегда говорить слова, воодушевляющие и ободряющие, тем самым сохраняя душевное спокойствие. Кроме того, хадис, направляющий к благим деяниям: «Смой дурной поступок добрым поступком» [7] (т.е. отвечай на ошибки и недостатки добрыми делами) – способствует превращению негативного опыта в позитивный. Такие исламские традиции и реальные события (например, прощение Пророком убийцы, события битвы при Ухуде, терпение сподвижников) являются примерами позитивного настроения.

Современная позитивная психология также изучает, как человек может жить счастливой и осмысленной жизнью. Например, такие учёные, как Марти Зелигман и Виктор Франкл, изучали способность находить цель в жизни и сохранять позитивный настрой, несмотря на трудности [8, 9]. Исламский подход также следует этому направлению: он направляет человека на поиск смысла и счастья в жизни и на то, чтобы смотреть на неё с надеждой в трудные моменты. Согласно исследованиям Альмахановой и Каирбекова, духовные ценности ислама и методы позитивной психологии совместимы [1]. Как отмечают учёные, влияние религиозных убеждений способствует повышению психологической устойчивости и удовлетворённости, а также доказана совместимость интересов религии и позитивной психологии [1]. Например, постоянно развивая веру и благодарность, человек видит положительные стороны в своей жизни и становится более устойчивым к стрессу [1]. Таким образом, исламская философия и современная позитивная психология дополняют друг друга, создавая условия для полноценной жизни человека.

В образовательных программах Казахстана также уделяется внимание духовно-нравственному воспитанию. В народной литературе и национальных традициях широко распространена культура благодарности и жизнеутверждающего оптимизма. Исследования показали, что в казахском обществе развита культура благодарности,

которая поднимает настроение человека и формирует позитивный настрой [1]. Например, в казахстанских семьях и в кругу друзей благодарность за дарованные Богом блага считается основой духовного воспитания. В то же время, идеи Абая Кунанбайұлы и Шакарима Кудайбердіұлы также играют важную роль в воспитании молодёжи в области нравственности и тепла [10, 11]. Абай в своей концепции «полноценного человека» рекомендует жить в гармонии со «светлым умом, пылкой силой, добрым сердцем». Этот национальный идеал созвучен таким ценностям ислама, как честность, терпение и благодарность. Таким образом, религиозные и духовные программы в Казахстане также содержат элементы, формирующие позитивное мышление, и работают в тандеме с исламским образованием в укреплении нравственных основ страны.

Выводы. В заключение следует отметить, что ислам широко поддерживает принципы позитивного мышления и оптимизма. Многочисленные заповеди и примеры из Корана и Сунны побуждают верующих сохранять надежду, стремиться к добру и быть благодарными, несмотря на трудности [5]. Эти принципы укрепляют духовное и психологическое здоровье человека и помогают сохранять позитивный взгляд на жизнь даже в трудные времена. Как показало данное исследование, позитивное мышление считается в исламе не только религиозным требованием, но и жизненно важной ценностью. Мудрость Абая, который говорил, что человек должен обладать «светлым умом, кипучей энергией и добрым сердцем», также перекликается с принципами исламского духовного образования [10]. Ведь истинная вера и оптимизм расширяют внутреннее пространство человека и дают ему импульс для шагов, ведущих к победе и счастью в жизни. Поэтому идея позитивного мышления в Исламе должна быть неотделима от современного взгляда на человека и стать целостным образом жизни.

Список литературы:

1. Алмаханова, М.М. Позитивная психология и религия: связь веры и счастья / М.М. Алмаханова, Н.Е. Каирбеков // *Jete*. – 2025. – № 1 (150). – С. 117-128
2. Mashush, S. Positive Thinking: An Islamic Perspective / S. Mashush, B. Bensaid, F. Grine // *Al-Shajarah*. – 2012. – Vol. 17, № 2. – P. 225-256
3. Khodayarifard, M. et al. Positive psychology from Islamic perspective / M. Khodayarifard et al. // *International Journal of Behavioral Sciences*. – 2016. – Vol. 10, № 2. – P. 77-83
4. Achour, M.M. Islamic Perspective on Coping with Stress / M.M. Achour, B. Bensaid, M.R.M. Nor // *Applied Research in Quality Life*. – 2016. – Vol. 11, № 3. – P. 663-685
5. Коран. Перевод Халифы Алтая: сайт. – URL: <https://koran.kz> (дата обращения: 25.11.2025)
6. Жусупов, Е. Отчаяние и депрессия – не выход / Е. Жусупов // *Muftyat.kz*. – 2020. – URL: <https://muftyat.kz> (дата обращения: 25.11.2025)
7. Abu Amina Elias. Positive Thinking in Islam: сайт. – URL: <https://abuaminaelias.com> (дата обращения: 25.11.2025)
8. Селигман, М. Подлинное счастье / М. Селигман. – М.: Эксмо, 2006.
9. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 2018.
10. Абай Құнанбайұлы. Қара сөздер / Құнанбайұлы Абай. – Алматы: Писатель, 2019.
11. Шәкәрім Құдайбердіұлы. Үш анық / Құдайбердіұлы Шәкәрім. – Алматы: Арыс, 2018.
12. Сахих аль-Бухари и Сахих Муслим. – Эр-Рияд: Дар-ус-Салам, 2019.

РОЛЬ ЗНАНИЯ В КОРАНЕ И ХАДИСАХ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Жамал Рамазан Алаудинович,

магистрант

Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (г. Алматы);

Бегалинова Калимаш Капсамаровна,

доктор философских наук, профессор

Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (г. Алматы)

Аннотация. В статье рассматривается одна из центральных тем исламского мировоззрения – место и роль знания (‘ильм) в Коране и Сунне Пророка Мухаммада (мир ему и благословение). На основе текстологического и контент-анализа выявляется, что уже первые ниспосланные аяты Корана (сура 96 «Аль-Алак») начинаются с повеления «Читай!», подчёркивая онтологическую связь знания с актом божественного творения. Проведён количественный анализ: в Коране более 750 аятов прямо или косвенно связаны с понятиями знания, разума, размышления, наблюдения и учения. Особое внимание уделено ключевым хадисам, в которых поиск знания объявляется обязательным для каждого мусульманина и мусульманки, а учёный ставится выше тысячи поклоняющихся. Рассматривается классификация знаний в исламской традиции (фард ‘айн и фард kifayah), а также историческая реализация коранической установки на знание в эпоху «золотого века» исламской цивилизации (Байт аль-Хикма, переводческое движение, медресе Низамийя, обсерватория Улугбека и др.). В заключение поднимается вопрос о причинах отставания современных мусульманских обществ в области науки и возможностях возрождения исламской эпистемологии в XXI веке. Делается вывод, что в исламе знание – это не только интеллектуальная, но и духовно-нравственная категория, ведущая человека к познанию Аллаха и служению умме.

Ключевые слова: Коран, хадис, ‘ильм, разум, фард ‘айн, фард kifayah, исламская эпистемология, Байт аль-Хикма, медресе, исламская цивилизация.

Annotation. The article examines one of the central themes of the Islamic worldview – the place and role of knowledge (‘ilm) in the Quran and the Sunnah of the Prophet Muhammad (peace and blessings be upon him). Textual and content analysis shows that the very first revealed verses of the Quran (Surah 96 “Al-Alaq”) begin with the command “Read!”, emphasizing the ontological connection of knowledge with the act of divine creation. A quantitative analysis is carried out: more than 750 verses of the Quran are directly or indirectly related to the concepts of knowledge, reason, reflection, observation and learning. Special attention is paid to the key hadiths in which the search for knowledge is declared obligatory for every Muslim man and woman, and a scholar is placed above a thousand worshippers. The classification of knowledge in the Islamic tradition (fard ‘ayn and fard kifayah) is considered, as well as the historical implementation of the Quranic attitude to knowledge during the “golden age” of Islamic civilization (Bayt al-Hikmah, translation movement, Nizamiyya madrasah, Ulugh Beg observatory, etc.). In conclusion, the question is raised about the reasons for the lag of modern Muslim societies in the field of science and the possibilities of reviving Islamic epistemology in the 21st century. It is concluded that in Islam knowledge is not only an intellectual, but also a spiritual and moral category that leads a person to the knowledge of Allah and service to the ummah.

Key words: Quran, hadith, ‘ilm, reason, fard ‘ayn, fard kifayah, Islamic epistemology, Bayt al-Hikmah, madrasah, Islamic civilization.

Постановка проблемы. В исламской традиции знание (‘ильм) занимает центральное место и рассматривается не просто как интеллектуальная ценность, а как основа веры, богобоязненности и цивилизационного развития уммы. Уже первые слова откровения – аяты суры «Аль-‘Алак» – начинаются повелением: «Читай во имя Господа твоего, который сотворил... который научил [человека письму] посредством пера, научил человека тому, чего он не знал» (96:1-5) [1, С. 590]. Здесь знание связывается с актом божественного творения: способность читать, писать и усваивать новое показана как

особый дар Всевышнего, отличающий человека от прочих творений и открывающий путь к осмысленному служению Богу [2, С. 88].

Изложение основного материала. В целом, в Коране знание возвышается как духовный и социальный капитал. В суре «Аз-Зумар» дан риторический вопрос: «Неужели равны те, которые знают, и те, которые не знают?!» (39:9). Ответ очевиден: знающий никогда не равен невежественному ни перед Аллахом, ни в общественной и нравственной плоскости [2, С. 89]. В суре «Аль-Муджадила» говорится, что Аллах «возвышает тех из вас, которые уверовали, и тех, кому даровано знание, на множество степеней» (58:11). Комментаторы (в частности, Ибн ‘Аббас) указывали, что учёные поднимаются на десятки и сотни ступеней выше обычных верующих, поскольку именно через знание они глубже постигают шариат и атрибуты Творца [3, С. 45]. Таким образом, степень человека перед Богом во многом определяется не внешними формами, а глубиной веры, основанной на знании.

При этом кораническое понятие знания не сводится к формальному усвоению религиозных догматов. Коран постоянно призывает размышлять о мироздании, наблюдать за природой, историей народов и внутренним состоянием человека. В суре «Али ‘Имран» похвалены те, «которые поминают Аллаха стоя, сидя и лёжа и размышляют о сотворении небес и земли», говоря: «Господь наш! Ты не создал это напрасно...» (3:191). Созерцание и научное изучение творения становятся формой ‘ибадаты, если ведут к осознанию мудрости и величия Аллаха. Поэтому естественные науки, исторический анализ, наблюдение за законами природы в исламском мировоззрении не противоречат вере, а наоборот, укрепляют её и помогают лучше понять «знаки» (аяты) Всевышнего в мире [4, С. 17].

Коран постоянно побуждает к размышлению: «Неужели они не поразмыслят?» – повторяется в разных контекстах. Запрещается слепое следование тому, о чём человек не имеет знания: «Не следуй тому, о чём у тебя нет знания» (17:36). Невежество представлено как опасность, ведущая к заблуждению и греху, тогда как знание позволяет отличить истину от ложного и выбрать прямой путь. При этом незнание не считается оправданием, поскольку сам Коран устанавливает принцип обращения к компетентным людям: «Спрашивайте обладающих знанием, если сами не знаете» (16:43). Так закладывается фундамент ученичества, передачи знаний из поколения в поколение и ответственности каждого за восполнение собственной безграмотности [2, С. 89].

Особое место в Писании занимает знание о самом Творце. В аяте: «Аллах свидетельствует, что нет божества, кроме Него, и ангелы, и обладающие знанием [свидетельствуют того же]...» (3:18) – учёные поставлены в один ряд с ангелами в качестве свидетелей единобожия. Это указывает на исключительно высокий статус людей знания, которые своим разумом и сердцем подтверждают истину таухида. Одновременно Коран напоминает о безграничности божественного знания и ограниченности человеческого: «Вам дано мало знаний» (17:85); «Если бы море стало чернилами для слов моего Господа, то море иссякло бы прежде, чем иссякли слова Господа моего» (18:109). Любой учёный, какими бы широкими ни были его познания, должен оставаться смиренным, понимая, что над каждым, обладающим знанием, есть ещё более Знающий (12:76), а конечный источник всякого знания – Сам Аллах.

Характерно, что истинно богобоязненными названы именно обладающие знанием: «Воистину, (только) обладающие знанием из рабов Его по-настоящему боятся Аллаха» (35:28). Глубокое трепетное благоговение возникает не из внешней формы религиозности, а из осознанного понимания величия Творца и своего положения перед Ним. Поэтому в Коране знание тесно связано с иманом и такуа: чем глубже знание, тем осознаннее вера и устойчивее благочестие.

Сунна Пророка Мухаммада (ﷺ) развивает кораническое учение о знании и делает стремление к нему религиозной обязанностью. В известном хадисе говорится: «Стремитесь к знанию, даже если (придётся отправиться) в Китай, ибо поиск знания – обязанность каждого мусульманина» (имам аль-Байхаки). Китай здесь выступает как образ далёкого и труднодоступного, подчёркивая: ради знания допустимы любые усилия. Другие хадисы прямо указывают на превосходство усердия в учёбе над многими добровольными поклонениями: дополнительными молитвами, постом, даже некоторыми

формами джихада, поскольку именно знание делает все деяния правильными и осознанными, очищая намерение и указывая границы дозволенного.

Со слов Абу Хурайры передан хадис: «Кому суждено пройти по пути в поисках знания, тому Аллах облегчит путь в Рай» (Муслим) [5, С. 412]. В продолжении других версий приводится ряд ярких образов: ангелы простирают крылья перед искателем знания, довольные тем, что он делает; об учёном просят прощения все, кто на небесах и на земле; превосходство учёного над простым поклоняющимся подобно превосходству полной луны над остальными звёздами; учёные – наследники пророков. Пророки не оставляют материального наследства, их главное наследие – знание. Поэтому те, кто изучает, понимает и передаёт это знание, становятся их духовными преемниками и несут ответственность за руководство общиной после завершения пророчества.

Распространение знаний также рассматривается как форма милостыни. Пророк (ﷺ) сказал, что лучшая садака – это знание, которое мусульманин изучит и передаст брату. В другом достоверном хадисе говорится: «Если Аллах желает человеку блага, Он дарует ему понимание религии (фикх фи-ддин)» (Бухари, Муслим) [5, С. 123]. Понимание здесь не ограничивается механическим знанием текстов; речь идёт о способности глубоко постигать смысл шариатских предписаний и правильно применять их в конкретных обстоятельствах.

Важным принципом является критерий полезности знания. В одном из своих дуа Пророк (ﷺ) просил защиты от «знания, которое не приносит пользы». К нему относят либо вредные и бесплодные сведения, отвлекающие от главного, либо знания, не подкреплённые практикой и не приводящие к покаянию и исправлению. По этому поводу приводятся предостерегающие хадисы о тех учёных, знания которых не пошли им на пользу и стали причиной сурового наказания. Особо порицается обучение ради славы, споров или привлечения внимания людей: подобное знание не только бесполезно, но и разрушительно для души. Таким образом, в исламской этике учёбы ключевыми требованиями являются искренность намерения (ихляс), стремление к пользе и последующее применение знаний [6, С. 47].

Исламские богословы разработали стройную систему классификации знаний. Религиозные знания разделены на индивидуально обязательные (фард ‘айн) и коллективно обязательные (фард кифая) [2, С. 88]. Фард ‘айн – это тот минимум, который обязан освоить каждый мусульманин и мусульманка. В него входит знание основ веры: убеждение в единственности Аллаха, Его атрибутах, вера в пророков, ангелов, Писания, Судный день, судьбу и воскрешение. Без правильной ‘акиды остальные дела лишаются истинной ценности, поэтому познание Творца признаётся первым долгом человека [2, С. 89].

Классические теологические школы – матуридийская и ашаритская – по-разному расставляют акценты, но сходятся в главном: человек обязан прийти к признанию Единого Бога. Матуридиты подчёркивали, что существование Аллаха может быть познано разумом даже до получения откровения, поэтому размышление над миром – необходимое условие выполнения этого долга. Ашариты сильнее подчёркивали роль вахи, но также не отрицали значимости рациональных доводов. В результате оба направления утверждают: знание о таухиде – основа всех остальных видов знания.

Вторая составляющая фард ‘айн – знание тех обрядов и норм шариата, которые непосредственно касаются человека. Каждый обязан знать, как правильно совершать намаз, соблюдать пост, выплачивать закят при наличии условий, выполнять хадж и умру, если на него возложена эта обязанность. Сюда же относятся знания о дозволенном и запретном в тех сферах, которыми человек реально занимается: торговля, семейные отношения, трудовые договоры и т.п. В фикхе существует правило: «То, без чего не может быть выполнено обязательное, само становится обязательным». Отсюда следует, что нельзя оправдывать грех искажёнными словами: «Я не знал», если человек имел возможность учиться, но пренебрёг этим.

Фард кифая – это знания и навыки, которые должны быть представлены в общине хотя бы в лице части её членов. Если они есть, то с остальных ответственность снимается; если их нет, грех ложится на всех. К фард кифая относятся углублённые религиозные науки – тафсир, хадисоведение, усуль аль-фикх, арабская филология, а также мирские дисциплины, необходимые для выживания и процветания общества:

медицина, инженерия, педагогика, сельское хозяйство, безопасность и др. Таким образом, ислам поощряет освоение как религиозных, так и светских наук, если они несут реальную пользу умме [3, С. 90]. Помимо этого, существует широкий круг желательных знаний (мандуб, нафиль) – история, литература, языки, прикладные дисциплины, которые не являются строго обязательными, но расширяют кругозор и укрепляют общую культуру мусульманина.

История исламской цивилизации показывает, как эти принципы реализовывались на практике. Пророк Мухаммад (ﷺ) выступал первым наставником общины: он не только передавал аяты Корана, но и обучал сподвижников их практическому применению, воспитывал нравы и формировал любовь к знанию. В Медине при мечети было создано особое пространство – ас-Суффа, где жили и учились сподвижники, посвящённые изучению Корана и Сунны. Это можно рассматривать как прообраз первых исламских учебных центров при мечетях.

После Пророка праведные халифы продолжили линию развития образования: организовывали школы, поощряли фиксацию и распространение Корана, направляли учёных в разные регионы. По мере расширения исламского мира кружки изучения религии перерастали в устойчивые образовательные институты – мадрасы. Наиболее ярким символом «золотого века» исламской цивилизации стал Байт аль-Хикма в Багдаде – Дом мудрости, созданный при Аббасидах. Там работали переводчики, философы, медики, астрономы; с греческого, сирийского и других языков переводились научные труды, которые затем творчески развивались мусульманскими учёными. Это движение заложило основы многих дисциплин, позже воспринятых Европой [3, С. 110].

К X-XI векам по мусульманскому миру уже существовали сотни мадрас и научных центров. Университет аль-Карауйн в Фесе (основан в 859 г.) и аль-Азхар в Каире (X век) считаются одними из старейших высших учебных заведений мира. В Низамии Багдада преподавал имам аль-Газали, чьи труды стали классикой исламской мысли. В обществе огромным уважением пользовались улемы: им доверяли правовые решения, образование молодёжи, управление вакфами. Путешественники единодушно отмечали, что в мусульманских городах почётнее всего было быть не богатым купцом и не военачальником, а именно учёным-богословом или преподавателем [7, С. 180].

Одновременно мыслители предостерегали от перекоса, когда все стремятся только к одной престижной дисциплине, забывая об остальных нуждах общества. Так, аль-Газали в «Ихья 'улум ад-дин» с сожалением отмечал тенденцию, когда все хотят заниматься только фикхом, считая его самым почётным занятием, в то время как медицина и другие полезные науки остаются без должного внимания, хотя они тоже являются коллективным фарзом [1, С. 26]. Его требование восстановить баланс в образовании показывает, что в классической традиции уже осознавалась необходимость гармонии между религиозными и мирскими знаниями.

Особое внимание мусульманские учёные уделяли адебу – этике обучения и преподавания. В таких трудах, как «Та'лим аль-мута'аллим» имама Зернужи, подробно описываются нравы ученика: искренность намерения, уважение к учителю, терпение, систематичность, практика и, главное, соединение знаний с праведным поведением [6, С. 24]. Образованный мусульманин должен стремиться не просто к интеллектуальной эрудиции, а к хикме – мудрому применению знаний в жизни. Кораническое высказывание: «Кому дарована мудрость, тому даровано большое благо» (2:269) понимается как указание на высший уровень образования, когда знание превращается в правильное решение, справедливое суждение и полезное действие.

Современные мусульманские мыслители, обращаясь к этому наследию, подчёркивают, что отставание многих мусульманских обществ в области науки и технологий связано не с недостатком соответствующих указаний в Коране и Сунне, а с историческими и социальными факторами – колониализмом, политической нестабильностью, кризисами институтов образования. Выход они видят в возвращении к идеалам 'ильм: восстановлении уважения к знанию, реформе системы обучения, сочетании верности религиозным ценностям с активным освоением современных наук и технологий. Необходимо формировать поколение мусульман, которые одновременно укоренены в вере и компетентны в актуальных областях знания, способны творчески отвечать на вызовы эпохи [8, С. 30].

Выводы. Подводя итог, можно сказать, что знание в исламе – это осевой принцип, связывающий теорию вероучения, личную духовность и общественную жизнь. Коран возвышает людей знания, противопоставляя их невежеству, и делает размышление, наблюдение и учёбу формой служения Аллаху. Хадисы Пророка Мухаммада (ﷺ) объявляют поиск полезного знания обязанностью, обещают за него великое вознаграждение и одновременно накладывают серьёзную ответственность: знание должно быть искренним, применяемым на практике и направленным на благо людей. История исламской цивилизации свидетельствует, что именно там, где эти принципы реализовывались – создавались учебные центры, поощрялась наука, уважались учёные – умма достигала расцвета [8, С. 29; 7, С. 210]. Поэтому возрождение мусульманского мира в XXI веке во многом связано с возвращением к идеалу ‘ильм как пути к познанию Аллаха, служению обществу и достижению благополучия в обоих мирах.

Список литературы:

1. Коран. Перевод смыслов / пер. И.Ю. Крачковского. – М.: Наука, 1963. – 727 с.
2. Ислам. Энциклопедический словарь / сост. Г.В. Милославский, Ю.А. Петросян, М.Б. Пиотровский; отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, 1991. – 315 с.
3. Rosenthal, F. Knowledge Triumphant: The Concept of Knowledge in Medieval Islam / F. Rosenthal. – Leiden: E.J. Brill, 1970. – 356 p.
4. Nasr, S.H. Science and Civilization in Islam / S.H. Nasr. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1968. – 384 p.
5. Муслим ибн аль-Хаджадж. Сахих Муслим (краткое изложение аль-Мунзири) / пер. на рус. – Алматы: Каусар, 2007. – В 2 т.
6. Зарнуджи, Бурхан ад-Дин. Наставления ищущим знания и способы его получения / пер. с араб. – Казань: Издательский дом «Хузур», 2016. – 72 с.
7. Родионов, М.А. Ислам классический / М.А. Родионов. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 218 с.
8. Асадуллин, Ф.А. Концепция знания в исламе: о старых и новых возможностях компромисса между теологией и наукой / Ф.А. Асадуллин // Философия и ценности мусульманской культуры: сб. материалов по итогам конф. «Сагадеевские чтения» (2011). – М.: РУДН, 2012. – С. 20-31

УДК 379.8.093

**КУЛЬТУРА ДОСУГА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН XVIII-XX ВВ. И СОВРЕМЕННОЕ
КАЗАХСКОЕ ОБЩЕСТВО: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Жаркимбаева Дана Бактубаевна,
кандидат философских наук, доцент

Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (г. Алматы);

Смагул Хамза Жумабекулы,
PhD, докторант 3 курса

Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (г. Алматы)

Аннотация. Целью работы является проведение сравнительного анализа досуговых практик мужчин и женщин казахского общества с XVIII в. по настоящее время, выявление изменений, произошедших под влиянием внешних факторов и процессов модернизации. Методологической основой работы является историко-сравнительный подход с анализом этнографических источников, архивных данных и современных исследований, что позволяет систематизировать и сопоставить данные о традиционных и современных формах досуга. Основные результаты показывают, что в традиционном казахском обществе культура досуга была тесно связана с кочевым образом жизни, где досуг мужчин преимущественно включал физические нагрузки, а досуг женщин был сосредоточен на домашних ремеслах и семейных праздниках. Влияние Российской империи и Советского Союза привело к трансформации этих практик, включая появление новых социальных форм досуга, таких как спортивные

секции, клубы и культурные мероприятия, в которых женщины стали активно участвовать. В современном Казахстане происходит интеграция традиционных и современных видов досуга, где и мужчины, и женщины могут заниматься разнообразными видами досуга, от фитнеса до участия в этнофестивалях, что отражает как модернизацию общества, так и возвращение к национальным корням. Результаты исследования подтверждают, что культура досуга стала более универсальной, предлагая широкий спектр возможностей для самовыражения и укрепления гендерного равенства.

Ключевые слова: гендер, ремесла, социальные нормы, ценности, глобализация.

Annotation. The purpose of the work is to conduct a comparative analysis of leisure practices of men and women in Kazakh society from the 18th century to the present, to identify changes that have occurred under the influence of external factors and modernization processes. The methodological basis of the work is a historical and comparative approach with the analysis of ethnographic sources, archival data and modern research, which makes it possible to systematize and compare data on traditional and modern forms of leisure. The main results show that in the traditional Kazakh society, leisure culture was closely linked to the nomadic lifestyle, where men's leisure mainly included physical activity, and women's leisure was focused on home crafts and family holidays. The influence of the Russian Empire and the Soviet Union led to a transformation of these practices, including the emergence of new social forms of leisure, such as sports clubs, clubs, and cultural events in which women became actively involved. In modern Kazakhstan, there is an integration of traditional and modern leisure activities, where both men and women can engage in a variety of leisure activities, from fitness to participation in ethnic festivals, reflecting both the modernization of society and a return to national roots. The results of the study confirm that leisure culture has become more universal, offering a wide range of opportunities for self-expression and strengthening gender equality.

Key words: gender, crafts, social norms, values, globalization.

Постановка проблемы. Актуальность темы обусловлена глубокими трансформациями социальных и культурных норм, повлиявшими на гендерные роли и досуговые практики. В казахском обществе культура досуга, как и другие социальные сферы, изначально была тесно связана с кочевым образом жизни и выполняла важные культурные функции, включая укрепление семейных и межличностных связей, передачу традиций и ценностей. Однако в XX веке вмешательство Российской империи, а затем Советского Союза, а позднее и процессы глобализации привели к значительным изменениям, заставив казахское общество адаптировать свои культурные нормы и досуговые практики под воздействием новых экономических, политических и культурных условий. Понимание этих трансформаций может способствовать лучшему пониманию современных гендерных практик и культурного наследия в Казахстане, а также стратегий сохранения культурной идентичности в условиях глобализации.

Изложение основного материала. Глобализация оказала существенное влияние на культуру досуга, превратив ее в универсальное пространство, где пересекаются традиционные и современные формы досуга, а также активизировались процессы культурного обмена. Благодаря доступу к международной информации, средствам массовой информации и изменившемуся ритму жизни казахстанское общество освоило новые виды и формы досуга, такие как массовый спорт, туризм и различные виды рекреационной деятельности, которые ранее не были свойственны и традиционной казахской культуре. Это повлияло на постепенное размытие строгих гендерных границ в выборе видов досуга, открыло новые возможности для самореализации мужчин и женщин, а также для формирования более индивидуализированных предпочтений.

Ж. Абдигапбарова исследовала гендерные вопросы в казахской литературе начала XX века, сосредоточившись на изменениях в культурных и социальных ролях мужчин и женщин в этот период. В контексте изучения досуга автор обращает внимание на то, как литература того времени отражала традиционные и новые формы досуга, влияя на восприятие гендерных ролей в казахском обществе. В статье также анализируется, как изменения в социальной и культурной жизни способствовали формированию различных подходов к досугу у мужчин и женщин в XVIII-XX веках, а также в современном казахском обществе [1, С. 65-66]. С.М. Аралбай и др. исследовали роль женщин в

кочевой казахской традиции, подчеркивая их ключевое значение в формировании национального кода и идентичности. Авторы анализировали исторические практики, сосредоточившись на вкладе женщин в культурное и социальное развитие казахского общества. Это исследование дает важные сведения о культурных и гендерных аспектах казахской кочевой жизни и их влиянии на современные социальные нормы и гендерные роли в Казахстане [2, С. 269-270].

Религиозный синкретизм изучали М. Асанбаев и Р. Хэнкс, а также суфизм и роль ишанов в кочевом казахском обществе, уделяя особое внимание духовным практикам и их влиянию на повседневную жизнь. Авторы рассмотрели, как суфийские традиции и взаимодействие различных религиозных движений повлияли на социальную структуру и культурные практики казахов, включая отдых и досуг мужчин и женщин [3, С. 110]. Это исследование помогает понять религиозные и культурные трансформации в контексте кочевой жизни и их отражение в современных казахских реалиях. Роль ислама на изменение гендерных ролей в традиционном обществе.

А. Испандиярова и А. Абсадык проанализировали концепцию женщин в казахской народной лирике, определив традиционные представления о роли женщин в обществе через поэтическое наследие. Авторы рассмотрели, как эти образы соотносятся с изменениями в социальном статусе женщин в казахском обществе в контексте исторического и культурного развития [11, С. 140]. Работа помогает понять, как культурные представления о женщинах влияли на досуг и отдых мужчин и женщин в разные эпохи, а также современные изменения в этих практиках. Т. Менти и К. Сидери в своем исследовании проанализировали изменение положения женщин в литературе от традиционного общества к современности, подчеркнув влияние культурных и социальных изменений на роль женщин в различных исторических контекстах [13, С. 95-98]. Это исследование дает лучшее понимание того, как традиционные и современные социальные установки сформировали досуг и отдых мужчин и женщин, в том числе в казахском обществе, где переход от традиционного к современному также сопровождается изменениями в гендерных ролях и культурных практиках.

Г. Нурышева и Б. Калдаева исследовали образ женщины в традиционном казахском мировоззрении, сосредоточившись на важности роли женщин в семейной и общественной жизни, а также на их культурных и духовных обязанностях [14, С. 30-32]. В этом исследовании проанализировано, как традиционные представления о женщинах и их роли в обществе повлияли на культуру досуга и отдыха в казахском обществе, а также изменения в этих практиках с XVIII по XX век и в современную эпоху.

В казахстанском обществе, в том числе среди молодого поколения, возрос интерес к этнокультурным праздникам, национальным видам спорта и ремеслам, что создает уникальное культурное пространство. Эти процессы трансформации и их влияние на культуру досуга подчеркивают актуальность анализа гендерных аспектов досуга и позволяют выявить его роль в современных культурных практиках Казахстана. Несмотря на множество исследований, посвященных традиционным и современным гендерным ролям в казахском обществе, мало внимания уделялось именно сравнительному анализу культурных практик досуга, их гендерной специфике и влиянию глобализации на эти аспекты. Существующим пробелом в исследованиях является отсутствие сравнительных данных о различиях и сходствах в досуговой деятельности мужчин и женщин в разные исторические периоды, что ограничивает понимание процесса адаптации казахского общества к современным условиям. Целью данной работы является проведение сравнительного анализа мужской и женской досуговой культуры в казахском обществе в XVIII-XX вв. и в современную эпоху для выявления закономерностей трансформации досуга под влиянием общественно-исторических изменений и глобализации, а также определение значимости этих изменений для сохранения культурной идентичности и гендерного равенства. Основными задачами исследования являются изучение традиционных форм досуговой деятельности мужчин и женщин в кочевой общине, рассмотрение влияния религиозных, социальных и культурных норм на гендерные аспекты досуга.

Казахская экономика в основном была ориентирована на кочевое скотоводство. Основу экономической деятельности составляло скотоводство (разведение лошадей, верблюдов, овец и коров). Овцеводство было особенно важным, так как овцы давали не

только пищу, но и шерсть для одежды. Лошади играли важную роль в передвижении и ведении войны, а также символизировали богатство и социальный статус. Казахи были искусными наездниками и кочевниками, умело организовывавшими перекочевки между летними и зимними пастбищами. Мужчины в казахском обществе традиционно занимались скотоводством и охотой и играли центральную роль в обеспечении безопасности общины. Они принимали участие в военных походах по защите своих земель от набегов и участвовали в межродовых конфликтах. Военное дело и умение сражаться верхом на лошади считались важными качествами для мужчины. Мужчины также занимались судебными разбирательствами, участвовали в общественной жизни и решали вопросы внешней политики, что делало казахов активными участниками политических процессов в Центральной Азии (Бердыгужин и др., 2022). [7, С. 59-65]

Женщины играли важную роль в домашнем хозяйстве и воспитании детей. Они занимались приготовлением пищи, обработкой шерсти, изготовлением одежды, шитьем и другими ремеслами, которые поддерживали устойчивость и автономность аулов. Женщины также занимались переработкой молока (изготовлением кумыса, масла) и войлочным производством, что требовало знаний и навыков, передаваемых из поколения в поколение.

Особенностью кочевой культуры в отношениях «мужчина – женщина» не было бинарного противоположения, определяемых в западной культуре как маскулинными и феминными особенностями каждого пола. Женщина-кочевник обладала многими чертами, определяемыми «маскулинностью». Она не могла быть слабой, безвольной, безответственной, несмышленной. Она умела долго ездить и скакать верхом на лошади, состязаться, пасти скот, участвовать в разборке и сборке юрты, стрелять из лука, бороться, участвовать в судебных разбирательствах, имела права на собственность и распоряжаться им. Женщины старейшины нередко оказывались во главе рода наравне с аксакалами. Женщины – матери пользовались большим уважением в обществе, и мужья при решении общественных проблем часто обращались к женам, так как не считали их глупыми.

Кочевой образ был специфичным в том плане, что даже если и обозначались гендерные сферы деятельности мужчин и женщин, в большинстве случаев эти сферы не определялись социально запретными другому полу. Так, нормой было приготовление мужчинами еды. Мужчины участвовали при валянии шерстяных ковров и настилов, обработке шкур и изготовлении одежды. А женщины были хорошими наездниками, что часто участвовали в выпасе скота, организации установления юрты, общественных мероприятиях, похоронах. При необходимости участвовали и в войнах, составляя свой отряд. Изучаемая наша тема традиционная культура отдыха дает возможность понять, что во всех культурных мероприятиях женщины могли, как и мужчины участвовать как в конноспортивных состязаниях (байга, «кыз куу», борьба, жаяу жарыс, арқан тарту), так и в певческо-музыкальных конкурсах (айтысах, исполнительскому мастерству по игре на музыкальном инструменте). Проникновение ислама в казахские степи частично ослабило положение женщины в традиционном обществе. Но это в большинстве случаев оказало влияние на возникновение неравных браков и многоженстве среди зажиточных, богатых людей. Основная часть кочевников продолжала моногамные браки. Из всех центральноазиатских народов, принявших ислам, казашки не закрывали лицо паранджой и могли свободно появляться в любом обществе.

В начале XIX века казахские территории стали активно осваиваться Российской империей. В 1822 году был введен Устав сибирских киргизов (казахов), который фактически отменил власть ханов в Среднем жузе. Российская империя постепенно усиливала свой контроль над казахскими степями, разделив их на административные единицы, что уменьшило влияние родоплеменных связей. Большое значение приобрели русские чиновники и военные офицеры, которые часто вмешивались в местные дела. Русская колонизация привела к изменениям в экономической жизни. Вводились налоги, усиливалась оседлость, а традиционный кочевой уклад начал разрушаться. Появились новые формы хозяйства, такие как земледелие, которые изменили кочевой образ жизни. Стали появляться поселения и города, и некоторые казахи были вынуждены принять оседлый образ жизни. Мужчины, которые ранее были скотоводами, теперь были вынуждены работать на сельскохозяйственных угодьях или заниматься торговлей,

особенно те, кто жил вблизи городов. Женщины также испытали изменения в своей повседневной жизни. Оседлый образ жизни означал изменение ремесленной деятельности: войлоковаление и шерсть уступили место производству тканей и продуктов, необходимых для оседлой жизни. В девятнадцатом веке также появились казахские женщины-ученые и писательницы, что стало следствием влияния русской культуры и образования, которые открыли новые возможности для женщин.

С приходом советской власти в начале двадцатого века казахское общество претерпело еще одно фундаментальное изменение. Политика коллективизации, реализованная в 1930-х годах, означала насильственное изъятие скота и принудительную оседлость. Большинство кочевников были вынуждены вступить в колхозы, что сопровождалось массовыми репрессиями и голодом, что привело к гибели значительной части населения. Советская власть также разрушила старую систему социальной иерархии, провозгласив равноправие, что изменило положение женщин, расширив их права и убрав вовлекая их в общественное производство. Женщины стали активно участвовать в колхозах, работая наравне с мужчинами. Впервые в истории казахского общества Женщины стали получать образование, становясь учителями, врачами и рабочими. Пропаганда социальной эмансипации женщин сопровождалась появлением профессионально-технических училищ, которые давали женщинам возможность развиваться в новых сферах. Мужчины, которые в дореволюционное время были скотоводами, стали частью рабочего класса. Многие мужчины пошли работать на заводы, шахты и в промышленность, поскольку индустриализация и урбанизация были одними из основных направлений советской экономики. Советское правительство, вводя всеобщее образование, также активно вовлекало мужчин в образование, стремясь подготовить новое поколение специалистов [10, С. 61-63].

После распада Советского Союза в 1991 году Казахстан обрел независимость, что позволило начать процесс возрождения национальной культуры и восстановления утраченных традиций. В годы независимости казахское общество начало возрождать бывшие социальные институты, такие как айтыс (поэтические конкурсы), развивать казахский язык и изучать народное искусство. Начал расти интерес к истории и традиционной культуре, что, в свою очередь, повлияло на повседневную жизнь. Экономические реформы заставили многих вернуться к традиционным видам экономической деятельности, включая скотоводство и сельское хозяйство. Мужчины стали предпринимателями, а женщины стали активными в различных секторах экономики, включая управление и науку [18, С. 50-53]. В 21 веке казахское общество сохраняет многие черты традиционной культуры, сочетая их с достижениями современной цивилизации.

Культура досуга казахских мужчин в XVIII-XXI вв.

В восемнадцатом веке культура досуга казахских мужчин была тесно связана с их кочевым образом жизни, который подчеркивал физическую выносливость, верховую езду и адаптацию к суровым условиям. Повседневные занятия включали выпас скота, охоту и охрану скота, оставляя мало времени для отдыха в современном смысле. Однако казахские мужчины включали физическую и социальную деятельность в свою жизнь, чтобы укреплять связи и развивать навыки. Популярной формой отдыха была конная борьба, или аударыспак, где мужчины соревновались, чтобы стащить друг друга с лошади. Партерная борьба, или курес, была еще одним популярным занятием, символизирующим мужественность, стойкость и силу.

Женщины-кочевницы также придерживались традиции борьбы, которая регулярно организовывалась для пропаганды мужественности и физической подготовки. Иногда в казахской борьбе сражались мужчина и женщина. Состязание Байрака и Бану-Шешек, описанное в книге «Коркыт Ата», является прекрасным примером таких нередких для кочевников ситуаций. Незнакомая девушка, встретившая молодого воина, искавшего прекрасную дочь Байбиджана, представилась служанкой Бану-Шешек и сказала, что не познакомит его со своей госпожой, пока он не выполнит с ней условия состязания. В состязаниях по верховой езде, стрельбе и борьбе молодой воин одерживает победу и, наконец, встречает свою Бану. Эта молодая девушка, переодетая служанкой, оказывается самой Бану-Шешек. Практически все массовые культурные мероприятия (ярмарки, обеды, свадьбы, сезонные праздники, такие как Новый год и т.д.) не

обходились без спортивных состязаний борьбы. На празднике Кымызмурындык женщины первыми пробовали кумыс. Особенностью этого мероприятия является организация женской борьбы, при этом главным условием состязания было участие только женщин: участие молодых девушек категорически запрещено. Женщины начинали борьбу, обвязывая длинную ткань вокруг талии у подножия кимешека [19, С. 27].

Культурные встречи были неотъемлемой частью казахского отдыха и часто включали конные игры, центральный элемент казахской идентичности. Кокпар (перетягивание козы), где мужчины соревновались на лошадях, чтобы довести тушу козла до определенной точки, был одним из основных видов игр. Такие игры были больше, чем просто развлечением: они демонстрировали навыки верховой езды, физическую силу и тактическое мастерство участников, необходимые для выживания в кочевом обществе. Культурные фестивали также включали поэтические выступления и рассказывание историй, где акыны (поэты) делились историями героизма и истории, помогая передавать традиции и укреплять связи между сообществами [4, С. 575-577].

Охота, особенно на хищных птиц, была престижным занятием среди казахских мужчин и остается таковой по сей день. Соколиная охота, особенно охота на беркутов, требовала терпения, мастерства и обучения. Она рассматривалась как развлечение и обряд посвящения для молодых мужчин, символизируя их готовность внести свой вклад в жизнь племени. Помимо того, что охота была источником пищи и одежды, охота служила объединяющим фактором, поскольку мужчины часто охотились группами, укрепляя связи внутри своего сообщества. К девятнадцатому веку российское влияние начало проникать в казахское общество, что привело к изменениям в образе жизни и отдыхе. Под российским колониальным правлением традиционные казахские обычаи начали пересекаться с новыми социальными и экономическими факторами, меняя досуг казахских мужчин. Приток русских поселенцев и администрации привел к более структурированному земледелию, что уменьшило необходимость в постоянной миграции и изменило темп жизни. Хотя многие казахи сохранили свой кочевой образ жизни, некоторые приспособились к нему, включив сельскохозяйственные работы, что несколько уменьшило акцент на традиционных видах отдыха, таких как верховая езда и охота.

Российское военное присутствие привнесло новые элементы отдыха в казахскую культуру, особенно среди мужчин, которые были зачислены или взаимодействовали с солдатами. Акцент на военных упражнениях и тренировках дал казахским мужчинам новые формы физической активности и новые виды досуга, такие как борьба. Традиционная казахская борьба и конные игры, однако, оставались популярными, отражая устойчивость казахской культурной идентичности перед лицом растущего внешнего влияния. С созданием Советского Союза казахские рекреационные практики претерпели значительные изменения. Кочевой образ жизни не поощрялся, и советское государство продвигало коллективизированное, аграрное общество. Этот сдвиг повлиял на отдых мужчин: спорт и физическое воспитание поощрялись государством как средство воспитания лояльности и физической подготовки. Традиционные игры были отвергнуты, и советские виды спорта, такие как футбол и бокс, начали проводиться в организованных общественных местах. В рамках спонсируемых государством видов досуга казахские мужчины должны были участвовать в мероприятиях, которые пропагандировали советские ценности. Во время Второй мировой войны и в послевоенные годы виды досуга казахских мужчин формировались в соответствии с требованиями советского общества. Физический труд в колхозах и на стройках часто заменял традиционные виды досуга. Организованные виды спорта, такие как футбол, борьба и тяжелая атлетика, стали популярными и пропагандировались советской идеологией как способ воспитать «сильного советского человека». Соревнования часто проводились между деревнями и рабочими местами, создавая новую форму социальных связей и отдыха в структурированной, контролируемой среде.

С 1960-х годов вновь появился интерес к сохранению традиционной казахской культуры, включая рекреационные мероприятия. Советская политика позволила возродить казахский язык, музыку и некоторые традиционные виды спорта, хотя они были интегрированы с советскими ценностями. Конная борьба и соколиная охота

возродились при поддержке культурных учреждений. Многие мужчины были вовлечены как в спортивные клубы советского образца, так и в традиционные казахские игры, отражая гибридную идентичность [17, С. 342-351].

Распад Советского Союза в 1991 году принес казахским мужчинам новую свободу воссоединиться со своим наследием. Традиционные виды отдыха, такие как аударыспак и соколиная охота, отмечались и организовывались в национальные фестивали. Возродились казахские обычаи, и мужчины снова стали принимать участие в традиционных играх, охоте и рассказывании историй. Однако экономические трудности ограничили досуг, поскольку многие мужчины были сосредоточены на выживании и адаптации к меняющемуся экономическому ландшафту. Свобода выбора стиля досуга, будь то традиционный или современный, стала важной частью развивающейся казахской идентичности. В 21 веке отдых для казахских мужчин стал балансом между традиционным и современным образом жизни. Национальные виды спорта, такие как курес и көкпар, все больше подчеркиваются, и проводятся турниры для популяризации казахского наследия. Соколиная охота и конная борьба становятся все более заметными культурными символами, поддерживаемыми как государством, так и частными организациями. В то же время современные казахские мужчины использовали широкий спектр возможностей для отдыха: от западных видов спорта, таких как футбол и баскетбол, до досуговых мероприятий, таких как пешие походы и рыбалка, совмещающая природный ландшафт Казахстана с активным отдыхом [9, С. 343-349].

Урбанизация и глобализация привнесли в жизнь казахских мужчин разнообразные виды отдыха, выходящие за рамки традиционных. Появление спортзалов, спортивных клубов и социальных сетей способствовало популяризации фитнеса и бодибилдинга среди молодых мужчин, в то время как городские мероприятия и музыкальные фестивали предлагают новые возможности для отдыха. Традиционные казахские игры реже практикуются в городских центрах, но остаются важными в сельской местности и как часть национальных праздников. Современные казахские мужчины имеют широкий выбор вариантов досуга, что отражает сочетание глобальных и локальных влияний в современном обществе [15, С. 158-161].

С восемнадцатого века до начала 2020-х годов культура досуга казахских мужчин развивалась от традиционных кочевых практик, обусловленных необходимостью выживания, до современного общества, находящегося под влиянием как местных, так и глобальных тенденций. Несмотря на политические и социальные изменения от русской колонизации до советского правления и затем независимости – казахские мужчины сохранили глубокую связь с традиционными видами деятельности, такими как борьба, соколиная охота и конный спорт, хотя эти виды спорта со временем адаптировались. В двадцать первом веке культура досуга казахских мужчин отражает как гордость за национальную идентичность, так и открытость современным влияниям, уравнивая старое и новое, тем самым прославляя уникальную историю и культурное разнообразие Казахстана.

Культура отдыха казахских женщин в XVIII-XXI вв.

В XVIII веке жизнь казахских женщин определялась их ролью в кочевом, клановом обществе. Повседневная жизнь требовала стойкости и адаптивности, и женщины вели домашнее хозяйство, готовили еду, занимались ремеслами и заботились о детях. Досуг казахских женщин часто переплетался с этими задачами, совмещая работу и общение. Вышивка, ткачество и войлокование – основные навыки для производства предметов домашнего обихода и одежды – были как практическими, так и творческими занятиями. Рассказывание историй играло важную роль в общественной жизни казахских женщин. Женщины собирались, чтобы поделиться историями, сказками и устными историями, которые служили как отдыхом, так и средством передачи культурных ценностей. Эти собрания позволяли женщинам расслабиться, обменяться идеями и укрепить связи в сообществе. Женщины часто передавали песни, загадки и пословицы, создавая устную традицию, которая сохраняла казахское наследие. Эти общественные собрания, хотя и неформальные, играли центральную роль в культуре досуга казахских женщин, способствуя чувству солидарности и культурной преемственности. Казахские женщины участвовали в традиционных песнях, которые сопровождали праздники, фестивали и ежедневную работу. Домбра, двухструнный инструмент, часто сопровождал

ление. Хотя традиционно мужчины играли на инструментах, женщины вносили свой вклад посредством вокала и танца, что было важно для общественных собраний [5, С. 316-319].

Фестивали, особенно те, которые отмечали сезонные изменения и важные жизненные события, предоставляли казахским женщинам возможности для отдыха и культурного самовыражения. Женщины участвовали в таких праздниках, как Наурыз (казахский Новый год), где они участвовали в приготовлении традиционных блюд и церемониальных обязанностях. Эти события позволяли им отдохнуть от повседневной рутины, участвуя в пирах, играх и танцах. Фестивали укрепляли социальные связи и позволяли женщинам выражать свое творчество и гордость за культурные традиции, отражая общинный характер казахского отдыха [12, С. 100-110].

С ростом русского присутствия новые социальные нормы начали проникать в казахское общество. Русское образование и христианство привнесли новые обычаи, которые повлияли на то, как казахские женщины проводили свой досуг. В то время как многие женщины продолжали заниматься традиционными видами деятельности, начали появляться русские социальные практики, такие как чаепития и празднования в русском стиле. Эти изменения, хотя и ограничивались более урбанизированными районами, ввели новые виды досуга, расширив возможности женщин в плане досуга за пределы их традиционных ролей.

Российская колонизация способствовала образовательным реформам, в результате которых в конце девятнадцатого века появились первые школы для казахских девочек (Алдашев и Гиркингер, 2017). Образование предоставило новые возможности для отдыха и личностного развития, поскольку девочки и молодые женщины начали читать, писать и делиться культурными ценностями [6, С. 414-425]. Для тех, кто посещал школу, досуговые мероприятия расширились, включив в себя литературные и художественные занятия, поощряемые российским образованием. Хотя формальное образование все еще было редкостью в сельской местности, его распространение ознаменовало собой значительный сдвиг в возможностях досуга казахских женщин, позволив им заниматься интеллектуальной деятельностью и общаться вне дома [16].

Досуговые занятия казахских женщин изменились в ранний советский период, поскольку советская политика способствовала коллективизации и препятствовала традиционным практикам. Советы поощряли участие женщин в общественных организациях, внедряя новые формы отдыха, соответствующие советским ценностям, такие как спортивные клубы, общественные фестивали и программы по ликвидации неграмотности. Традиционные ремесла и собрания пресекались, а колхозы и общественные трудовые проекты стали новыми пространствами для женщин для социализации. Советская программа была направлена на создание «новой советской женщины», а отдых стал средством продвижения государственных ценностей и коллективной идентичности.

Советская женская спортивная политика ввела структурированный отдых, который ранее был редкостью в казахском обществе. Казахские женщины участвовали в организованных видах спорта, таких как гимнастика, легкая атлетика и групповые упражнения, которые поощрялись государством для развития физической силы и духа сообщества строителей коммунизма. Участие женщин в спорте поощрялось как часть советской идеологии равенства и коллективизма. В то время как традиционные виды досуга были ограничены, советские спортивные программы создали новые возможности для отдыха, особенно среди молодых казахских женщин в городских районах. В последние годы Советского Союза возродился интерес к сохранению казахского культурного наследия, и традиционные виды досуга среди женщин начали возрождаться. Вышивка, ткачество и другие ремесла снова стали популярными, и поддерживаемые государством культурные центры пропагандировали эти искусства. Женщины возродили традиционные танцы, музыку и рассказывание историй айтысы, часто во время национальных фестивалей. В этот период наблюдалось смешение советских и казахских видов досуга: традиционные ремесла и советские виды спорта сосуществовали друг с другом. Многие женщины совмещали современную работу с возрожденным интересом к традиционным искусствам, отражая гибридную культурную идентичность.

После обретения Казахстаном независимости в 1991 году вновь стало уделяться внимание казахскому наследию, особое внимание уделялось возрождению традиционных обычаев и женскому отдыху. Национальная гордость и усилия по сохранению культуры привели к возвращению фестивалей, традиционных ремесел в качестве основных форм досуга женщин. Свобода следовать казахским обычаям побудила женщин воссоединиться со своими культурными корнями, особенно в сельской местности. Однако экономические проблемы и изменения в обществе также повлияли на жизнь женщин, заставив их сбалансировать традиционные обычаи с требованиями переходной экономики.

В двадцать первом веке досуг казахских женщин отражает сочетание наследия и современных влияний. Традиционные искусства и ремесла пользуются популярностью, и многие женщины занимаются ткачеством, вышивкой и изготовлением ювелирных изделий. В то же время урбанизация и глобализация ввели новые формы отдыха, включая фитнес-классы, кино и онлайн-сообщества (Бюро национального..., 2024) [8]. Сегодня женщины пользуются как современными удобствами, так и возможностью участвовать в мероприятиях по национальному наследию, что отражает разнообразие современного казахского общества. В таблице 2 представлено сравнение досуга мужчин и женщин в эти периоды.

Таблица 1

Сравнение видов досуга в кочевых и оседлых культурах Центральной Азии.

Источник: Дж.Т. Мгонья (2020 г.), А. Аден (2023 г.),

Культура Казахстана XVIII-XX веков (2019)

Период	Мужчины	Женщины
18-век	Конные состязания (кокпар, аударыспак), охота, борьба, вечерние беседы в юртах.	Участие в обрядах (Наурыз и свадьбы), рукоделие, воспитание детей, передача фольклора.
19-век	Охота, состязания (байга), мужские посиделки, влияние русской культуры, вечера с домброй.	Воспитание детей, рукоделие, участие в обрядах, обучение девочек ведению домашнего хозяйства.
20-век (советский период)	Спорт (футбол, борьба, теннис), кружки, кино, шахматы, поездки на природу.	Театр, клубы, кино, семейные прогулки, садоводство, работа в советских структурах.
Постсоветский период	Традиционные и современные виды спорта, фитнес, рыбалка, участие в традиционных праздниках.	Фитнес, участие в фестивалях, традиционные ремесла, семейный досуг.
Современность	Спорт (бег, плавание, фитнес), туризм, социальные сети, участие в соревнованиях и марафонах.	Культурные мероприятия, фитнес и йога, туризм, социальные сети.
Общие черты и тенденции	Переход к спорту и туризму, возрождение традиционных игр и праздников, развитие спорта и технологий.	Саморазвитие, участие в культурной жизни, расширение роли женщин в общественной жизни.

И у мужчин, и у женщин наблюдается сдвиг в сторону более активного и разнообразного досуга. В обоих случаях растет интерес к спорту и туризму, возрождаются традиционные игры и праздники. Женщины же все больше вовлекаются в культурную жизнь, их роль в общественных процессах расширяется.

Выводы. Результаты исследования продемонстрировали существенные изменения в культуре досуга казахских мужчин на разных исторических этапах. В традиционных кочевых обществах досуг имел функциональный и коллективный характер, был тесно связан с повседневной жизнью и хозяйственной деятельностью. Такие виды деятельности, как борьба, конные состязания и охота, выполняли важные

социальные и образовательные функции. Они способствовали развитию физических навыков, укреплению социальных связей и поддержанию коллективной идентичности. Эти практики не только обеспечивали сплоченность общества, но и служили важным элементом межпоколенческой передачи культурных традиций. Переход к аграрно-индустриальной модели в советский период привел к радикальным изменениям в практике досуга. Советская власть активно внедряла стандартизированные формы досуга, ориентированные на социалистическую идеологию. Массовые физкультурные мероприятия, спортивные секции и фестивали стали неотъемлемой частью общественной жизни. Досуг приобрел коллективистский и нормативный характер, отражая идеологические установки государства. Это способствовало популяризации физической активности среди широких слоев населения, но и привело к утрате значительной части традиционных форм досуга, связанных с историческими и этническими особенностями казахской культуры. С конца 20 века и начала 21 века, с распадом Советского Союза и глобализацией, наблюдается возрождение интереса к традиционным видам спорта и отдыха. Исследование показало, что, несмотря на влияние западной культуры и мировых тенденций, казахские мужчины остаются приверженными своим историческим традициям в спорте и отдыхе, что подчеркивает важность культурного наследия в формировании национальной идентичности. Влияние глобализации и современных технологий также не осталось незамеченным. С 2010-х годов новые формы досуга, такие как фитнес-программы, виртуальные тренировки и онлайн-соревнования, становятся все более важными и особенно популярны среди молодежи. Однако, несмотря на это, традиционные формы досуга, такие как борьба и скачки, продолжают оставаться важным элементом культуры досуга, выступая связующим звеном между поколениями и способствуя укреплению национальной идентичности.

На основе данного исследования можно предложить несколько рекомендаций и направлений для дальнейших исследований. Необходимо развивать государственную поддержку и инфраструктуру для сохранения и популяризации традиционных видов досуга, таких как курес, жокейские соревнования и другие культурные практики, которые важны для казахской национальной идентичности. Для молодого поколения казахстанцев, как мужского, так и женского пола, важно внедрять культурные элементы традиционных видов досуга в систему образования и физического воспитания, что может способствовать социальной сплоченности и сохранению культурного наследия. В-третьих, необходимо изучить влияние современных технологий и цифровых платформ на изменяющиеся формы досуга, такие как онлайн-соревнования, фитнес-программы и виртуальные тренировки, которые становятся все более популярными среди молодежи. Такое исследование поможет в дальнейшем понять, как новые формы досуга могут сочетаться с традиционными, а также выявить их влияние на здоровье и социальные отношения в казахстанском обществе. Исследование может быть ограничено отсутствием первоисточников, особенно XVIII и XIX веков, что затрудняет точное представление повседневных аспектов культуры досуга. Также изучение культуры досуга под влиянием колонизации и советизации может потребовать осторожной интерпретации, поскольку эти периоды могут содержать политически предвзятую информацию. Отсутствие исследований гендерных аспектов досуга в Центральной Азии также ограничивает возможность более детального анализа изменений в культурных практиках между мужчинами и женщинами.

Список литературы:

1. Абдигапбарова, Ж. Гендерные проблемы в казахской литературе начала XX века / Ж. Абдигапбарова // Ясауи Universitetinin Хабаршысы. – 2023. – № 4. – С. 64-78
2. Аралбай, С.М. Сущность женщины в кочевой казахской традиции – основа национального кода / С.М. Аралбай, Е.А. Ази, Ж.У. Дагарова, К.Ж. Абдрахманова [и др.] // Вестник Карагандинского университета. История. Серия Философия. – 2023. – № 110 (2). – С. 265-272
3. Асанбаев, М. Религиозный синкретизм, суфизм и роль ишанов в кочевом казахском обществе / М. Асанбаев, Р. Хэнкс // Qogam Jane Daur. – 2023. – № 80 (4). – С. 54-69
4. Акыйлдыз, Ш.Х. Традиционные виды спорта и игры среди тюркомусульманских народов Центральной Азии 1400-1850 гг. н. э.: тренировки, охота и

фестивали / Ш.Х. Акылдыз // Международный журнал исторических исследований. – 2022. – № 7 (2). – С. 571-601

5. Арыстанбек, А. Можно ли бить жену, да или нет?: исследование гегемонической женственности в интернет-дискурсах Казахстана / А. Арыстанбек // Восточноевропейская политика. – 2022. – № 39 (2). – С. 301-320

6. Алдашев, Г. Колонизация и изменение социальной структуры: данные из Казахстана / Г. Алдашев, К. Гиркингер // Журнал экономики развития. – 2017. – № 127. – С. 413-430

7. Бердыгужин, Л. Формирование казахских национальных элит в конце XIX – начале XX веков / Л. Бердыгужин, С. Нагимов, А. Сарсенов, Г. Джамбаулова [и др.] // Society, Elites, Conflicts. – 2020. – № 26(1). – С. 57-72

8. Бюро Национального статистического агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Статистика культуры. Динамические таблицы. – 2024. – URL: <https://stat.gov.kz/industries/social-statistics/stat-culture/dynamic-tables/> (дата обращения: 19.11.2024)

9. Галло, Э. Глобализация, авторитаризм и постсоветское государство в Казахстане и Узбекистане / Э. Галло // Исследования Европы и Азии. – 2020. – № 73 (2). – С. 340-363

10. Жангалиев, У.К. Радикальные изменения в структуре казахского общества в результате колониальной политики Российской империи в XVIII-XIX вв. / У.К. Жангалиев, Н.Н. Биназарова, Г.Б. Алпысбаева // Вестник Карагандинского университета. История. Серия Философия. – 2024. – № 113 (1). – С. 60-66

11. Испандиярова, А. Концепт «женщина» в казахской народной лирике / А. Испандиярова, А. Абсадык // Вестник Евразийского гуманитарного института. Серия Филология. – 2024. – № 1. – С. 133-142

12. Левандовска-Томашик, В. Казахские культурные модели семьи и дома в сравнении / В. Левандовска-Томашик, Б.Б. Утегалиева // Культурные концептуализации в языке и коммуникации. – 2020. – С. 97-113

13. Менти, Т. Гендер в литературе: положение женщины от традиционного к современному обществу / Т. Менти, К. Сидери // Журнал литературного образования. – 2020. – № 3. – С. 93-111

14. Нурышева, Г. Образ женщины в традиционном казахском мировоззрении / Г. Нурышева, Б. Калдаева // Центральноазиатский журнал искусствознания. – 2020. – № 5 (4). – С. 28-39

15. Пелиццо, Р. Трезвость, человеческое достоинство и общественная мораль: этические стандарты в Казахстане / Р. Пелиццо, К. Нокс // Public Money & Management. – 2021. – № 43(2). – С. 156-164

16. Рой, Н. Деколонизация феминистского «знания»: «Современная женщина» в казахской культуре влияния / Н. Рой, А. Гош, П. Чакраварти, Н. Альянова, Н. Баскынбаева // Academy of Management Annual Meeting Proceedings. – 2023. – № 1.

17. Талинбай, С. Влияние юрточного туризма на разделение труда в кочевых казахских семьях / С. Талинбай, Х. Сюй, В. Ли // Журнал туризма и культурных изменений. – 2018. – № 17(3). – С. 339-355

18. Тибергиен, Г. Управление аутентичностью и эффективностью в туризме ГУЛАГа, Казахстан / Г. Тибергиен, Д.Дж. Леннон // Tourism Geographies. – 2019. – № 24 (6-7). – С. 1219-1243

19. Токтабай, А.У. Культ коня у казахов / А.У. Токтабай. – Алматы: Казиздат-КТ, 2004. – 115 с.

РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОДЫ

Сидорова Виктория Вадимовна,

магистрант направления подготовки «Культурология»

Институт культуры и искусств

Федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Херсонский государственный педагогический университет» (г. Херсон);

Золотухин Юрий Витальевич,

кандидат искусствоведения, доцент

Институт культуры и искусств

Федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Херсонский государственный педагогический университет» (г. Херсон)

Аннотация. Статья посвящена анализу воздействия культурных факторов на формирование стилистических тенденций современной моды. Автор рассматривает моду как сложное социокультурное явление, анализирует её зависимость от разнообразных явлений общественно-культурной жизни. Изучение этой взаимосвязи даёт возможность не только соответствовать текущим тенденциям, но и прогнозировать их возникновение, проводя анализ культурного контекста. Автор выделил и описал ключевые культурные факторы, влияющие на стилистические тенденции моды. Среди них: культурное наследие, этнические компоненты, исторические традиции, религия, этические нормы, искусство, массовая культура, технологический прогресс, глобализация и др. Рассмотрены основные аспекты, возникающие на пересечении данных факторов. Кроме того, особое внимание уделяется аспектам взаимодействия и слияния культур, традиций и ориентиров разных народов.

Ключевые слова: мода, культура, факторы, стили, тенденции, влияние, глобализация, взаимодействие.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the impact of cultural factors on the formation of stylistic trends in modern fashion. The author considers fashion as a complex socio-cultural phenomenon, analyzes its dependence on various phenomena of social and cultural life. Studying this relationship makes it possible not only to match current trends, but also to predict their occurrence by analyzing the cultural context. The author has identified and described the key cultural factors influencing stylistic fashion trends. Among them: cultural heritage, ethnic components, historical traditions, religion, ethical norms, art, mass culture, technological progress, globalization, etc. The main aspects arising at the intersection of these factors are considered. In addition, special attention is paid to the aspects of interaction and fusion of cultures, traditions and orientations of different peoples.

Key words: fashion, culture, factors, styles, trends, influence, globalization, interaction.

Постановка проблемы. Масштабные и стремительные культурно-цивилизационные изменения, которые происходят в настоящее время, затрагивают практически все сферы жизни общества. В результате этого процесса появляются условия для взаимодействия различных традиционных культур и передачи духовного опыта, инструменты для сохранения и генерации культурных достижений, обеспечиваются условия для межкультурного диалога, а также полноценного функционирования и развития культуры в целом.

В этом отношении представляется актуальным изучение феномена моды как своеобразного индикатора трансформационных изменений, способного в своих стилистических тенденциях отражать происходящие в социуме перемены и в то же время влиять на общественные и культурные процессы. Сегодня понятие моды не ограничивается только лишь манерой одеваться, мода – это многогранное социально-культурное явление, о котором А.Б. Гофман говорил: «трудно назвать такую область

социально-экономической и культурной жизни, где бы не сказывалось его влияние» [3, С. 4]. И, как значимое явление, мода проявляется в разных сферах: в образе жизни человека, в манере говорить, в ценностных ориентациях, в экономике, политике, в стилях музыки, архитектуры, литературы, в развлечениях и т.д.

В модных направлениях, как в зеркале, воспроизводятся глубинные культурные процессы, происходящие в обществе. Поэтому столь же актуальным и интересным для рассмотрения данного феномена является изучение влияния культурных факторов на формирование модных стилистических тенденций современности, поскольку мода неразрывно связана с культурой и отражает ценности, идеалы и проблемы современного общества. В этом контексте необходимо осмыслить, какие социокультурные процессы воздействуют на модные стили, как мода отражает социальные и политические изменения в свете глобализации и быстро меняющейся модной индустрии. Изучение данной темы актуально и с практической точки зрения, так как в процессе создания новых коллекций необходимо учитывать актуальные культурные аспекты.

Таким образом, актуальность темы определяется значением моды в контексте социокультурных изменений в жизни современного общества, что требует более глубокого изучения особенностей влияния культурных факторов на появление модных тенденций. В научной среде есть работы, в которых мода изучается как социокультурный феномен, отражающий историю и социальные изменения, рассматривается природа и функции моды в современной культуре [1; 4; 5; 8; 9; 11 и др.]. Однако на сегодняшний день наблюдается недостаточная систематизированность и разработанность данной темы, нет подробного анализа современных культурных факторов влияния на моду, в основном в литературе даются теоретические разработки по отдельным проблемам культурных традиций моды, её исторического развития, а также описание особенностей воздействия этнических факторов в современной моде.

Цель данной работы – рассмотреть роль культурных факторов в формировании современных стилистических тенденций в моде. Данное исследование поможет проанализировать влияние социокультурных изменений на модные тренды, выявить ключевые культурные элементы, формирующие современные стили, и позволит лучше понять динамику современной моды.

Изложение основного материала. Вопросы моды и связь её с культурной стороной общественной жизни являются сложным интегративным явлением и изучаются с точки зрения культурологических, философских, социологических, искусствоведческих, культурно-антропологических, психологических, социальных, экономических и других исследований.

Анализ моды в её взаимосвязи с культурными факторами – относительно новое направление в исследованиях. Тем не менее, изучению многогранных сторон данного феномена посвящены труды выдающихся представителей отечественной культурологии, философии и социологии, среди которых были М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, П.А. Сорокин и другие ученые. Исследование сущности и функций модных тенденций как культурного явления можно проследить в работах Г.С. Батищева, Б.С. Библера, В.Д. Парыгина, М.К. Мамардашвили, В.М. Межуева, Э.В. Соколова, а также теорий И. Канта, Н. Рейнгардта, Г. Тарда, К. Манхейма, Г. Зиммеля, Т. Парсонса и К. Юнга.

В настоящее время не существует единого определения моды. Происхождение слова «мода» восходит к латинскому термину «modus», который подразумевает определённую меру или размер [10, С. 202]. Изначально идея моды зародилась в европейских странах в XIV столетии и представляла собой свод правил относительно внешнего вида представителей высшего сословия, фиксируемых официальными указами и обязательных к исполнению.

Согласно определению С.И. Ожегова, мода представляет собой «совокупность привычек и вкусов, господствующих в определенной общественной среде в определенное время» [12, С. 306]. В свою очередь, В.И. Даль определяет моду как «ходящий обычай; временная, изменчивая прихоть в житейском быту, в обществе, в покрое одежды и в нарядах» [7, С. 337].

В самом употребляемом значении «мода» – это недолгое доминирование определённого стиля в обществе [10, С. 202]. мода меняется каждый сезон, поэтому непостоянство моды – одна из её главных характеристик. мода, как и ряд других

культурных явлений, таких как стиль, являются феноменами, отражающими особенности конкретной культурно-исторической эпохи. Стилевые тенденции, сформированные с учётом культурных ценностей, помогают сохранению культурного наследия и индивидуальности в условиях глобализации.

На возникновение тех или иных модных стилей существенное воздействие оказывают культурные факторы. Они играют определяющую роль в формировании тенденций современной моды наряду с социальными условиями, так как мода является не просто отражением утилитарных потребностей, но и важным социокультурным феноменом, который служит для людей инструментом самоидентификации, выражения социального статуса, принадлежности к той или иной группе, трансляции ценностей, идеалов и устремлений, позволяет легче заводить новые знакомства и дружеские привязанности.

На наш взгляд, основными ключевыми факторами, связанными с культурным содержанием и формирующими модные тенденции в настоящее время, являются следующие: культурное наследие, этнические компоненты, исторические традиции, религия, этические нормы, искусство, массовая культура, технологический прогресс, глобализация, кросскультурные процессы, межкультурное взаимодействие и слияние различных культур. Важно отметить, что многие современные процессы в общественной жизни, в том числе и в моде, обусловлены глобализацией. Главным механизмом формирования новых тенденций в моде под влиянием глобальных культурных факторов является взаимодействие. Эти взаимодействия, смешения и слияния порождают новые тренды и стили.

Рассмотрим некоторые культурные факторы, влияющие на формирование модных стилевых тенденций. При этом следует уточнить, что, как правило, воздействует не один фактор, а совокупность этих факторов в комплексе.

1. Культурное наследие. Обращение к культурному наследию по всему миру обогащает моду, делает её более разнообразной и доступной. Традиционные ремесла, региональные стили, местные особенности служат неиссякаемым источником вдохновения для дизайнеров. Элементы разных культур адаптируются и переосмысливаются для создания новых, актуальных коллекций, добавляя им аутентичности и креативности. Дизайнеры, черпая вдохновение в традиционных нарядах и техниках, не только развивают новые стили, они помогают сохранить культурное наследие, уникальные культурные элементы и передать их новым поколениям.

2. Этнические традиции. Дизайнеры и бренды включают традиционные этнические мотивы в свои работы, преобразуя их в современные модные тенденции и инновации. Использование этнических элементов в моде служит связующим звеном между историей и современностью, предоставляя возможность подчеркнуть индивидуальность и культурную идентичность человека. Традиционные орнаменты, материалы и технологии, применявшиеся в национальных костюмах, органично встраиваются в современные дизайнерские решения. Дизайнеры не просто вводят этнические мотивы в свои коллекции, а трансформируют и адаптируют эти элементы для удовлетворения вкусов современной аудитории [13].

3. Исторический контекст. Мода отражает исторические периоды, события и нравы. Модные дизайнеры часто черпают вдохновение из исторических эпох: викторианские кружева, средневековые корсеты, римские тоги – все эти элементы продолжают влиять и на современные коллекции. Изучая исторические костюмы в разные периоды, можно проследить определённые исторические детали, художественные направления. В модных элементах могут возрождаться винтажные направления, а могут кардинально меняться стили и тенденции. Вспомним, к примеру, одно из последних исторических событий последнего времени, повлиявшее на моду – пандемию COVID-19, когда большинство людей перешли на удалённую работу, повлияла на их повседневный стиль одежды, возросло внимание к комфортным и практичным вещам, а также к домашней моде. Маски стали модными аксессуарами, и некоторые знаменитые бренды стали выпускать стильные маски с логотипами.

4. Религиозные традиции. Во многих культурах одежда отражает религиозные убеждения и обряды. Религиозные учения и представления влияют на стилистические решения в одежде, такие как длина, крой, степень открытости тела и ношение головных

уборов. Исламская мода привнесла новые элементы в мир моды, формируя уникальные стили и тренды. Например, мусульманские хиджабы и бурки, христианские монашеские одеяния и еврейские кипы. В православной моде приветствуется простота, женственность, элегантность, нарядность, традиция, натуральность, смирение и миссионерство, а также соответствие полу и возрасту [14].

5. Этические нормы влияют на моду через внедрение принципов экологичности, гуманности и справедливости. В течение 2010-х годов тренд экологичности утвердился в моде, благодаря чему производители и покупатели начали уделять больше внимания принципам этичного производства одежды. Данные изменения проявились во многих областях: применении безопасных для окружающей среды материалов, соблюдении норм справедливого труда и отказе от эксплуатации животных. Сторонники веганского подхода в моде выступают против использования натурального меха и кожи животных, а также шерсти. Соблюдение этических норм включает в себя и осознанное потребление: люди стремятся приобретать меньше вещей, но лучшего качества.

6. Искусство и массовая культура. Формирование модных направлений тесно связано с различными сферами культуры, такими как изобразительное искусство, киноиндустрия и музыка, охватывающими как высокую культуру – элитарное искусство, включая сотрудничество брендов с современными художниками, так и поп-культуру – музыку, кино, звезд шоу-бизнеса и социальные платформы. Не менее важна и роль уличной моды и различных субкультур. Медиапространство и известные личности оказывают существенное воздействие: продвигают модные дома, обеспечивая тем самым широкое распространение определенных стилей в массовой культуре.

7. Глобализация и межкультурное взаимодействие. В условиях глобализации происходит активный обмен культурными идеями и образами, что приводит к появлению новых модных явлений. Это даёт возможность местным мастерам и дизайнерам выйти на мировой уровень, создавая изделия, сочетающие всемирные веяния с национальными традициями. Параллельно набирают силу антиглобалистские настроения, оказывающие воздействие на региональную моду и поддерживающие культурное многообразие, а также стимулирующие развитие местных экономик и общин.

8. Кросскультурные процессы. Сегодня на фоне «транснационализма и глобализации мира, мода стала еще и явлением кросскультурного синтеза» [2, С. 40]. Кросскультурные влияния в моде имеют давнюю историю; ещё в прошлом торговля, колонизация и миграция народов способствовали обмену стилями и обычаями. Но в последнее время «кросскультурный синтез обозначился в моде особенно наглядно, когда европейские дизайнеры обратились к Востоку, соединяя эстетику Запада с оригинальными восточными стилями» [2, С. 42]. В процессе кросскультурных коммуникаций тренды получают доступ к материалам и производственным мощностям в разных странах, что позволяет им экспериментировать с разнообразными стилями.

9. Слияние культур. Дизайн современной одежды отражает взаимопроникновение культур, поскольку дизайнеры интегрируют в свои работы детали, позаимствованные из разнообразных культурных обычаев. Так формируются новые, смешанные направления в моде. Мы можем наблюдать это, например, когда в дизайнерских изделиях используются материалы, узоры и методы обработки, характерные для разных частей света. Благодаря такому культурному обмену расширяется возможность узнавать о малоизвестных молодёжных субкультурах и региональных стилях, ведь молодёжные субкультуры формируют образ жизни, систему приоритетов и мировоззрение.

10. Технологический прогресс. Развитие новых технологий привело к росту онлайн-покупок, созданию цифровой моды. В модную индустрию активно внедряется искусственный интеллект, нейросети создают эскизы одежды на основе текстовых описаний, генерируют узоры и принты, подбирают цветовые схемы. Многие цифровые технологии появляются и в создании модного образа: виртуальные примерочные, 3D-моделирование, технологии погружения в виртуальную реальность (VR-очки), умная одежда, оснащённая датчиками и микрочипами – всё это позволяет экспериментировать с модными образами, такую одежду можно использовать в социальных сетях и метавселенной.

Выводы. Таким образом, анализ источников и литературы по теме исследования показал, что культурные факторы играют огромную роль в становлении, развитии и

формировании стилевых направлений в современной моде, так как от них зависит, какими будут тенденции моды в ближайшем и долгосрочном периоде. Культурные факторы не просто влияют на моду, они являются её основой и движущей силой, определяя её динамику, направления развития и многообразие стилистических решений современной одежды. Были выделены основные культурные факторы, воздействующие на формирование направлений в моде и их взаимосвязь. Мы определили, что важным механизмом появления новых трендов в моде являются факторы межкультурной интеграции и глобализации. Всё вышеизложенное показывает важность изучения этих проблем в соотношении их с перспективами развития моды в условиях объединенного мира и ассимиляций культур.

Список литературы:

1. Аминова, Д.Ф. Мода и общество: взаимное влияние и культурное отражение / Д.Ф. Аминова // *Oriental renaissance*. – 2025. – № 4.
2. Борзова, Е.П. Мода в мире кросскультурного синтеза / Е.П. Борзова // *Труды СПбГИК*. – 2007. – № 172. – С. 40-44
3. Гофман, А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения / А.Б. Гофман. – 2-е изд. – Москва: Издательский сервис: Гном и Д, 2000. – 224 с.
4. Гришаева, Т.А. Мода как феномен современной культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Татьяна Александровна Гришаева. – Ростов-на-Дону, 2008. – 26 с.
5. Грусман, М.В. Мода как феномен культуры и средство социокультурной коммуникации: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Михалина Владимировна Грусман. – Санкт-Петербург, 2010. – 22 с.
6. Гусева, А.М. Мода как предмет культурологического осмысления / А.М. Гусева // *Культура и цивилизация*. – 2017. – Т. 7. – № 3А. – С. 409-421
7. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – Москва: Русский язык, 1981. – Т. 2. – 779 с.
8. Лебсак-Клейманс, А.В. Долгосрочные тенденции моды в контексте социокультурных изменений: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Анна Вячеславовна Лебсак-Клейманс. – Москва, 2013. – 30 с.
9. Нагорских, Т.Н. Мода как ценностно-формирующий фактор современной западноевропейской культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Татьяна Николаевна Нагорских. – Ростов-на-Дону, 2009. – 29 с.
10. Наумкина, О.С. Феномен моды и его культурные связи / О.С. Наумкина // *Вестник КГУ*. – 2013. – № 3. – ISSN 1998-0817
11. Нешина, Е.Б. Феномен моды в условиях социокультурных трансформаций: от XVIII к XXI веку: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Елена Борисовна Нешина. – Саранск, 2010. – 21 с.
12. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – Москва: Русский язык, 1984. – 797 с.
13. Садыкова, Г.Э. Исследование влияния традиционных этнических элементов на современную моду и как они адаптируются для создания новых трендов / Г.Э. Садыкова, А.М. Султанова // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2024. – № 10-4 (97).
14. Федоров, И.М. Православная мода в России / И.М. Федоров // *Общество: философия, история, культура*. – 2021. – № 3 (83).

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА В РОССИЙСКОМ КИНО

Кокорина Екатерина Георгиевна,

кандидат культурологии, доцент

Институт медиакommunikаций, медиатехнологий и дизайна
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь)

Аннотация. Статья посвящена выявлению потенциала крымских архитектурных объектов, их художественных образах в произведениях отечественного кинематографа. Обозначено, что во многих кинолентах, созданных в Крыму, памятники архитектуры чаще всего они показаны либо фрагментарно, либо как фон, либо как условная декорация. Сделан вывод о том что важно раскрывать в кинематографических образах архитектурных памятников Крыма их культурно-исторические смыслы, актуализируя их значимость не только для полуострова, но и за его пределами.

Ключевые слова: культурное наследие, объект культурного наследия, архитектура, художественный образ, кинематограф, Крым.

Annotation. This article explores the potential of Crimean architectural sites and their artistic representations in Russian cinema. It is noted that in many films produced in Crimea, architectural monuments are often shown either fragmentarily, as background images, or as conventional set design. It is concluded that it is important to explore the cultural and historical meanings of Crimean architectural monuments in cinematic images, highlighting their significance not only for the peninsula but also beyond.

Key words: cultural heritage, cultural heritage site, architecture, artistic image, cinema, Crimea.

Постановка проблемы. Рассматривая проблематику ревитализации культурного наследия, в частности объектов культурного наследия – памятников истории, культуры и архитектуры, мы не можем обойти стороной такой феномен, как придания таким объектам смыслов посредством включения их в кинематографические тексты. Крым в этом плане предстает уникальным регионом со значительным количеством объектов культурного наследия, относящихся к различным культурно-историческим периодам, на фактически небольшой территории.

Цель данной работы – выявление потенциала крымских архитектурных объектов, их художественных образах в произведениях отечественного кинематографа, для чего были поставлены следующие задачи: обозначить сложившуюся практику использования объектов культурного наследия и крымского культурного ландшафта в отечественном кинематографе; установить, какие важнейшие функции культуры будут реализованы при использовании потенциальных возможностей использования образов архитектурных памятников Крыма в российском кино.

Изложение основного материала. Несмотря на уже существующие кинопроизведения, в которых были задействованы крымские архитектурные памятники, их потенциал еще не до конца реализован. Это связано со многими социокультурными и политическими аспектами, однако все может измениться.

Существуют достаточно обширная научная категория культурного потенциала. Обратимся к одной из его трактовок по К.М. Хоруженко: это «условный показатель, отражающий способность культуры к функционированию, выживанию и развитию при оптимальных социально-экономических условиях той или иной страны» [15, С. 391].

Говоря о потенциальных возможностях использования образов архитектурных памятников Крыма в российском кино, надо понимать, что, как пишет Т.А. Зайцева, «культурный потенциал способствует реализации функций культуры» [3, С. 117].

Мы рассматриваем потенциальные возможности использования художественных образов архитектурных памятников Крыма в российском кино, во-первых, на опыте съемки архитектурных памятников Крыма в кинофильмах предыдущих лет, раскрывающих сущность памятников архитектуры полуострова, а во-вторых, обращаясь к тем объектам культурного наследия, которые либо не получили должного внимания в отечественном кинематографе, либо их художественные образы могут еще получить свою интерпретацию в кино, реализуя важные функции культуры.

Потенциальные возможности использования художественных образов архитектурных памятников Крыма в российском кинопроизводстве могут быть реализованы через такой аспект как создание образа.

Создание ярких и запоминающихся образов, которые будут ассоциироваться с Крымским полуостровом. Все киноленты, снятые в Крыму ранее, не показывают в полной мере сущность использованных в них в качестве кинонатуры памятников архитектуры и объектов местного культурного ландшафта. Чаще всего они показаны либо фрагментарно, либо на фоне, либо как условная декорация.

Крымский полуостров представляет собой уникальное явление: природное своеобразие, богатая история, сложные культурные процессы – все это формирует особый культурный ландшафт региона. Так, например, экранизация романа Дж. Лондона «Сердца трех» (1992, режиссер Вл. Попков) [13], как известно, считается последним фильмом, снятым в Советском союзе. В разных сценах мы можем видеть дворцы (Массандровский, Воронцовский и Юсуповский в Кореизе), караимские кенасы Чуфут-Кале, Никитскую расселену, Ай-Петри, гору Куш-Кая. Но больше всего, на наш взгляд, примечательна индейская деревенька возле каменного хаоса. Крымские пейзажи здесь – жаркая и далекая Панама.

Также обстоит дело и с непосредственно архитектурными объектами культурного наследия. Одной из лучших экранизаций произведений Агаты Кристи является одноименный детективный триллер «Десять негритят» (1987, режиссер Ст. Говорухин) [2], действия которого по сценарию происходят на туманном Альбионе. В киноленте запечатлен порт Евпатории, где происходит погрузка на корабль, отплывающий к «Негритянскому острову», Воронцовский дворец, находящийся в Алушке, и, разумеется, большая Ялта – замок «Ласточкино гнездо» в Гаспре и длинная каменная лестница на горе Кошка в Симеизе. Примечательно, что декорацию особняка поставили рядом с «Ласточкиным гнездом». Она была хрупкой и от сильных порывов ветра часто расходилась. Тем не менее, во время съемок часто воспринималась туристами как настоящее сооружение, даже несмотря на сильно уменьшенный масштаб. Ласточкино гнездо тоже было задействовано в съемках – с помощью фанеры его фасад переоборудовали и добавили боковую комнату.

Однако, можно реализовать все величие дворцово-паркового комплекса, пещерного монастыря или средневекового города, сделав его главным действующим персонажем, усилив тем самым его роль и образ в сознании зрителя.

Крымская архитектура обладает большим потенциалом для использования в кинематографе. Она представляет собой уникальное сочетание различных стилей и эпох, от античности до современности, что позволяет создавать разнообразные и интересные образы.

С.А. Гуров и В.А. Корцыгина, опираясь на идеи К. Линча [2] пишут, что образ может пониматься, как «результат обратной связи между наблюдателем и его окружением, то есть образ – это пережитый опыт взаимодействия горожан или других людей с городом, формирующий мысленное восприятие городской среды» [1, С. 5]. Так, сформировав новый образ крымской архитектуры, мы сможем раскрыть сущность памятника по-новому и закрепить его.

Используя образ архитектурных памятников также, можно увеличить их историческую ценность. Тут логика простая: чем больше о памятнике будут говорить и показывать, актуализируя его значимость не только для полуострова, но и для истории культуры в целом, тем более будет возрастать его ценность. Многие архитектурные памятники Крыма уже имеют огромную историческую ценность, но далеко не все за пределами Крыма об этом знают.

Посредством введения памятника как ключевой фигуры в киноленте возможно увеличение интереса к культурному наследию. Использование реальных локаций в качестве мест действия может сделать сюжет фильма более правдоподобным и интересным, а также привлечь внимание зрителей к конкретным архитектурным объектам. Фильмы, рассказывающие об истории, особенностях и ценности конкретных архитектурных сооружений, могут стать мощным инструментом просвещения и популяризации культурного наследия Крыма.

Здесь надо обратить внимание на культурно-исторические аспекты архитектурных объектов культурного наследия на территории Крым, которые можно представить в кинематографе: биографии выдающихся людей, с которыми связаны те или иные памятники архитектуры, историю культуры этносов, населявших и до сих пор проживающих на территории Крымского полуострова, творческие пространства, оказавшие влияние на развитие крымской культуры.

Усадьба академика П.С. Паласа, дом Воронцовых-Дашковых в Симферополе, дом М.А. Волошина, галерея И.К. Айвазовского, вилла «Саламбо» К.А. Коровина, дом в Ялте и дача А.П. Чехова в Гурзуфе, дача «Голубка», вилла «Мелас» и дворец А.Г. Кузнецова, туристический маршрут «Малый Иерусалим» в Евпатории, Ханский дворец и Чуфут-Кале в Бахчисарае, архитектура Н.П. Краснова в Ялте, дворцы в Ливадии, Алушке, Массандре, Харакс, Судакская крепость, Мангуп-кале и т.д.

Привлечение туристов и инвестиций через показ фильмов, снятых в Крыму, могут привлечь внимание не только киноманов, но и туристов и инвесторов. Как пишут А.А. Соловьев и Е.В. Гарбуз, «путешествия по местам съемок многих известных фильмов в Крыму, среди которых «Кавказская пленница», «Спортлото 82», «Девятая рота», «Три плюс два», «Человек-амфибия» и др. с включением развлекательных и игровых программ. Туристические маршруты для кинотуризма – Алуштинская долина, Новый Свет, Судак. <...> В Крыму программа туров может включать посещение музеев: Дома-музея А.С. Грина, Дома-музея К.Г. Паустовского и Литературно-художественного музея в Старом Крыму, Музея Марины и Анастасии Цветаевых в Феодосии, Дома-музея М.А. Волошина в Коктебеле, <...> домов-музеев в Алуште С.Н. Сергеева-Ценского и И.С. Шмелева (Профессорский уголок)» [14, С. 56].

Показ архитектурных достопримечательностей Крыма на большом экране может стимулировать туристическую отрасль и способствовать развитию инфраструктуры региона.

Создание фильмов о памятниках архитектуры Крыма может быть использовано для продвижения туристических маршрутов и привлечения туристов в регион. Через такой прием будет происходить повышение осведомленности о регионе, создание положительного имиджа региона, стимулирование внутреннего туризма, создание рабочих мест (развитие туристической инфраструктуры приведет к созданию новых рабочих мест в сфере туризма, гостиничного бизнеса, общественного питания и других отраслях), привлечение инвестиций (рост туристической отрасли может привлечь инвестиции в регион, что позволит реализовать новые проекты и программы по развитию инфраструктуры и улучшению качества жизни), сохранение культурного наследия (показ архитектурных достопримечательностей может привлечь внимание к необходимости их сохранения и реставрации, что будет способствовать долгосрочному развитию региона), развитие событийного туризма (показ архитектурных достопримечательностей на большом экране может стать основой для организации различных мероприятий, таких как фестивали, выставки, концерты и другие события, которые будут привлекать туристов и способствовать развитию событийного туризма).

Таким образом, посредством введения архитектурного памятника как ключевой фигуры в киноленте возможно увеличение интереса к культурному наследию. Использование реальных локаций в качестве мест действия может сделать сюжет фильма более правдоподобным и интересным, а также привлечь внимание зрителей к конкретным архитектурным объектам.

Фильмы, рассказывающие об истории, особенностях и ценности конкретных архитектурных сооружений, могут стать мощным инструментом просвещения и популяризации культурного наследия Крыма.

Мы допускаем, что необходимо реализовывать потенциал архитектурных памятников Крыма в кино (дворцово-паркового комплекса, пещерного монастыря, пещерного города и т.д.), сделав его главным «героем», усилив тем самым его роль и образ в сознании зрителя. Крымская архитектура обладает большим потенциалом для использования кинематографе. Она представляет собой уникальное сочетание различных стилей и эпох, от античности до современности, что позволяет создавать разнообразные и интересные образы.

Выводы. В результате выявления потенциала крымских архитектурных объектов, их художественных образах в произведениях отечественного кинематографа нами были сделаны следующие выводы.

Выявлено, что потенциальные возможности использования художественных образов архитектурных памятников Крыма в российском кинопроизводстве могут быть реализованы через такой аспект, как создание ярких и запоминающихся образов, которые будут непосредственно ассоциироваться с Крымским полуостровом.

Обозначено, что во многих кинолентах, созданных в Крыму, памятники архитектуры чаще всего они показаны либо фрагментарно, либо как фон, либо как условная декорация.

Установлено, что использование потенциальных возможностей использования образов архитектурных памятников Крыма в российском кино будет способствовать реализации ряда важнейших функций культуры: информационной, просветительской, популяризации информации об архитектурных объектах культурного наследия на территории Республики Крым, связав некоторые из них в стройное повествование.

В заключение мы делаем вывод о том, что, по нашему мнению, важно раскрывать в кинематографических образах архитектурных памятников Крыма их культурно-исторические смыслы, актуализируя их значимость не только для полуострова, но и за его пределами.

Список литературы:

1. Гуров, С.А. Восприятие, образ, имидж, стереотип и бренд территории: сопоставление категорий / С.А. Гуров, В.А. Корцыгина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. – 2016. – Т. 2 (68). – № 2. – С. 3-22
2. Десять негритят (1987). – Текст: электронный // Кинопоиск. Онлайн-кинотеатр: сайт. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/44156/> (дата обращения: 03.10.2024)
3. Зайцева, Т.А. Культурный потенциал в ряду категорий общественнознания / Т.А. Зайцева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 32. – С. 114-118
4. Кокорина, Е.Г. Анализ бывших греческих торговых рядов в Симферополе как текста в культуре Крыма / Е.Г. Кокорина // Межкультурные коммуникации: тезисы докладов участников международной научной конференции (Симферополь, 6 апреля 2017 г.). – Симферополь: Издательство Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, 2017. – С. 90-91
5. Кокорина, Е.Г. Архитектура Симферополя как текст: город в объективе фотографа как творческое пространство / Е.Г. Кокорина // Текст и коммуникация в пространстве культуры: коллективная монография / под общ. ред. Д.С. Берестовской, И.А. Андриященко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019 – С. 19-31
6. Кокорина, Е.Г. Личность как системообразующий фактор творческого пространства (на примере имения А.Г. Кузнецова в Форосе) / Е.Г. Кокорина // МедиаВектор. – Научный журнал: – Новосибирск-Симферополь: Изд. АНС «СИБАК», 2022. – Вып. 1. – С. 30-34
7. Кокорина, Е.Г. Объект культурного наследия: единство архитектурного текста и исторической памяти (на примере дачи «Голубка» в г. Алуште) / Е.Г. Кокорина // МедиаВектор. – Научный журнал: – Новосибирск-Симферополь: Изд. АНС «СИБАК», 2022. – Вып. 6. – С. 57-61
8. Кокорина, Е.Г. Пленэры и Дома творчества художников в СССР (на примере Дома творчества им. К.А. Коровина) / Е.Г. Кокорина., А.С. Якушкова // Культура народов Причерноморья. – 2013. – № 262. – С. 152-154

9. Кокорина, Е.Г. Популяризация объекта культурного наследия путем включения его в туристский маршрут (на примере церкви Сурб-Никогайс в г. Евпатории) / Е.Г. Кокорина // МедиаВектор. – Научный журнал: – Новосибирск-Симферополь: Изд. АНС «СиБАК», 2023. – Вып. 7. – С. 39-43
10. Кокорина, Е.Г. Роль усадьбы в русской культуре / Е.Г. Кокорина // МедиаВектор. – Научный журнал: – Новосибирск-Симферополь: Изд. АНС «СиБАК», 2022. – Вып. 4. – С. 42-46
11. Курьянова, И.А. Феномен Дома поэта М. Волошина в переходной культуре начала XX века / И.А. Курьянова // Разум в постнеклассическую эпоху: антропологические перспективы. – Симферополь: Информационно-издательский отдел ТНУ. – 2003. – С. 84-86
12. Линч, К. Образ города / К. Линч; пер. с англ. В.Л. Глазычева. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
13. Сердца трех (мини-сериал, 1992). – Текст: электронный // Кинопоиск. Онлайн-кинотеатр: сайт. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/254814/> (дата обращения: 03.10.2024)
14. Соловьев, А.А. Проблемы и перспективы культурного туризма в Крыму / А.А. Соловьев, Е.В. Гарбуз // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2015. – Т. 1 (11). – С. 53-61
15. Хоруженко, К.М. Культурологи: энциклопедический словарь: 2550 словарных статей / К.М. Хоруженко. – Ростов н/Д : Феникс, 1997. – 639 с.

УДК 008:124.42

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕТИПА ГЕРОИНИ В ТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ

Кокорина Екатерина Георгиевна,
кандидат культурологии, доцент

Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь);

Челенгерова Эвелина Ибраимовна,
обучающаяся 4 курса направления подготовки «Культурология»
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь);

Летунова Анна Юрьевна,
обучающаяся 2 курса направления подготовки «Культурология»
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь)

Аннотация. В данной статье рассматриваются теоретические основы анализа архетипа Героини в текстах культуры. Архетип Героини интерпретируется не просто как гендерная инверсия архетипа Героя, но как особый культурный код, развивающийся в мифе, литературе и медиа. Сделан вывод, что архетип Героини раскрывает глубокую взаимосвязь мифа и культуры. Он олицетворяет человеческое стремление к целостности – примирению противоположностей, восстановлению смысла и преобразованию страдания в творчество.

Ключевые слова: архетип, героиня, тексты культуры, миф, коллективное бессознательное.

Annotation. This article examines the theoretical foundations for analyzing the Heroine archetype in cultural texts. The Heroine archetype is interpreted not simply as a gender inversion of the Hero archetype, but as a distinct cultural code developing in myth, literature,

and media. It is concluded that the Heroine archetype reveals a profound interconnection between myth and culture. It embodies the human desire for wholeness – the reconciliation of opposites, the restoration of meaning, and the transformation of suffering into creativity.

Key words: archetype, heroine, cultural texts, myth, collective unconscious.

Постановка проблемы. Понятие архетипа занимает центральное место в гуманитарных и социальных науках, выступая связующим звеном между психологией, антропологией, семиотикой и культурологией. Оно предоставляет основу для понимания того, как повторяющиеся символические формы и нарративные структуры формируют культурное сознание. В современной науке архетипы рассматриваются не только как универсальные психологические структуры, но и как исторически изменчивые культурные конструкторы, отражающие ценности общества, коллективную память и эстетические парадигмы.

В этом контексте архетип Героини становится все более важным объектом исследований. Хотя «путешествие Героя» широко обсуждалось в мифологическом и литературоведческом анализе, путь Героини оставался относительно малоизученным до последних десятилетий. Растущий интерес к феминистской теории, гендерным исследованиям и культурной семиотике привел к возобновлению внимания к тому, как женское начало действует как порождающая символическая сила в культуре.

В российской культурологии изучение архетипов, особенно анализ гендерно-обусловленных мифических образов, имеет свою традицию. Например, в статье «Архетипические образы женщин в героическом эпосе хакасов» [6] подчеркивается, как архаичные женские образы в сибирской устной культуре служат посредниками между божественным и человеческим мирами, олицетворяя изначальную связь между миром природы и духовной силой. Эти образы воплощают одновременно силу и мудрость – качества, которые сопротивляются стереотипному изображению пассивности, часто ассоциируемой с женскими персонажами в более поздних литературных традициях.

Цель данной работы – рассмотрение теоретических и методологических основ анализа архетипа Героини в текстах культуры, для чего были поставлены следующие задачи: концептуализировать архетип Героини как динамичный и развивающийся компонент культурного символизма; проследить его теоретические основы в аналитической психологии и феминистской теории культуры; наметить методологические стратегии изучения трансформации архетипа в литературе, кино и медиа.

Изложение основного материала. Термин «архетип» (от греч. *ἀρχέτυπον*, что означает «первоначально сформированный») был впервые использован К. Г. Юнгом для описания врожденных символических форм, заложенных в коллективном бессознательном – общем психологическом субстрате человечества. По мнению Юнга, архетипы – это не унаследованные идеи, а предрасположенности к определенным способам восприятия и образам, которые проявляются в мифах, сновидениях и культурных произведениях. В работе «Архетипы и коллективное бессознательное» К. Г. Юнг [8] отмечал, что эти изначальные формы представляют собой типичные жизненные ситуации и проявляются в повторяющихся повествовательных и визуальных образах в разных культурах.

Эта юнгианская концепция оказала огромное влияние на культурологию. Архетипы – это не статичные сущности, а развивающиеся культурные знаки. Каждая эпоха переосмысливает архетип в свете своих доминирующих идеологий и эстетических предпочтений. Таким образом, архетипы одновременно психологически и семиотически: они выражают как внутренние психические структуры, так и внешние символические системы.

Российские культурологи внесли свой вклад в это понимание, подчеркивая социально-историческое измерение архетипических образов. В статье «Образ, идеология, архетип: методологические аспекты изучения репрезентации власти» С. В. Санников [3] утверждает, что архетипы служат глубинными семантическими структурами, связывающими идеологию, миф и репрезентацию. Это понимание расширяет юнгианскую модель в сферу культурной семиотики, позволяя анализировать, как

архетипические мотивы перекодируются в соответствии с политическими и идеологическими дискурсами.

С этой точки зрения архетип становится культурным текстом – живой матрицей, посредством которой общества артикулируют ценности, страхи и идеалы. Архетип Героини, например, воплощает коллективные представления о женском начале как о питающем и преобразующем. Однако, в отличие от архетипа Героя, обычно ориентированного на внешнее завоевание и индивидуальное утверждение, символическая логика героини циклична, интегративна и реляционна.

Теория культуры также подчеркивает взаимодействие мифа и современности в формировании архетипических образов. Миф задает фундаментальную структуру, в то время как современные культурные формы (романы, кино, цифровые повествования) постоянно ее перестраивают. Таким образом, архетип Героини становится площадкой для взаимодействия древних мифических парадигм и современных дискурсов гендера и идентичности.

Эта интерпретационная гибкость делает архетип мощным инструментом междисциплинарных исследований. Он связывает аналитическую психологию, теорию литературы и культурную антропологию, позволяя ученым проследить символическую непрерывность человеческого воображения, признавая при этом его историческую изменчивость. Архетип Героини иллюстрирует эту двойственность: она одновременно вневременна и исторически конкретна, укоренена в универсальных мифологических моделях, но постоянно переосмысливается социальными изменениями.

Архетип Героини представляет собой структурную и символическую модель, посредством которой культуры выражают динамику женской субъективности, трансформации и творчества. Хотя Героиня имеет общие мифологические черты с Героем (путешествие, испытание, инициация), ее повествовательный паттерн часто отличается по акцентам и значению. Ее путь – это не обязательно путь господства или победы, а путь самоинтеграции, исцеления и примирения.

Статья Ю. Ю. Трубниковой дает ключевое понимание этого различия. Она утверждает, что женский архетип воплощает ритм связи, а не разделения, связывая процесс индивидуации с реляционными и творческими измерениями бытия [5].

Область мифопоэзиса – создание, переработка и переосмысление мифов – представляет собой один из самых глубоких путей изучения архетипа героини. Женский мифопоэзис, в частности, проливает свет на то, как женский опыт, тела и голоса становятся местами символического производства в культуре. Героиня, будучи одновременно повествовательным агентом и мифической фигурой, воплощает способность мифа к развитию, включению ранее маргинализированных точек зрения и переосмыслению устоявшихся символических иерархий.

В юнгианской психологии мифопоэзис тесно связан с потребностью психики во внешнем проявлении внутреннего опыта в символической форме. К.Г. Юнг предполагал, что психика спонтанно генерирует символические образы – «язык души» – как средство уравнивания сознательного и бессознательного. Для архетипа Героини этот символический процесс принимает форму нисхождения, трансформации и возвращения: движения от фрагментации к целостности.

В рамках феминистской теории этот процесс переосмысливается как акт культурного и психического возрождения. Феминистский мифопоэзис стремится переосмыслить мифы, традиционно ограничивавшие женскую символическую активность.

Эта теоретическая рамка позволяет нам рассматривать героиню не просто как литературный тип, но как символическое вмешательство – способ мифотворчества, бросающий вызов доминирующим культурным кодам. Российские исследователи наблюдают схожие тенденции в мифологиях коренных народов и славян, где женские архетипы часто играют посредническую роль между природными и сверхъестественными сферами. Например, анализируя хакасский героический эпос, Н.В. Шулбаева отмечает, что женщина-покровительница воплощает единство земного и космического, баланс между плодородием, мудростью и силой [6].

Благодаря женскому мифопоэзису Героиня становится посредником символического обновления. Ее мифическое путешествие преобразует хаос в порядок,

тишину в речь, а фрагментацию в творческую целостность. Этот процесс параллелен функции самого мифа в культуре: опосредовать противоречия, генерировать смысл и интегрировать индивидуальный и коллективный опыт.

В современном культурном контексте мифопоэтические переосмысления Героини появляются в литературе и изобразительном искусстве – от «Орlando» В. Вулф, где гендер становится текучим, а история цикличной, до современных российских авторов, переосмысливающих античные женские образы в современных экзистенциальных рамках. Такие переосмысления демонстрируют, что жизнеспособность архетипа зависит от его способности к переосмыслению.

На протяжении всей истории архетип Героини претерпевал глубокие трансформации, мигрируя между жанрами и медиа. От божественных героинь античных мифов до сложных протагонистов современного кино – каждая культурная эпоха переосмысливает архетип в соответствии с господствующими представлениями о женственности, нравственности и власти.

О.В. Строева анализирует, как современное кино реактивирует мифические структуры для передачи экзистенциальных и идеологических конфликтов [4]. Это понимание можно распространить и на архетип Героини: в экранной культуре она воплощает пересечение мифического повествования и социального комментария.

Кинематографические героини, такие как Китнисс Эвердин («Голодные игры»), Диана Принс («Чудо-женщина») или Рей («Звездные войны»), представляют собой современные версии мифических воительниц и искательниц. Однако их пути расходятся с традиционной аркой завоевания героя. Вместо этого они ставят во главу угла моральную целостность, эмпатию и коллективную трансформацию. Их сила заключается не только в бою или интеллекте, но и в способности объединять и исцелять раздробленные миры. Это перекликается с тем, что российские теоретики называют феминизацией героического кода – культурным процессом, в котором традиционные качества героя (мужество, жертвенность, преображение) переосмысливаются через реляционные и этические ценности, связанные с женственностью [3].

Эволюция Героини в литературе следует схожей траектории. От древних эпосов к современным романам она трансформируется из объекта мифического почитания или патриархального контроля в субъект собственного повествования и судьбы. Вспомним переход от Медеи Еврипида или Пенелопы Гомера к Наташе Ростовской Л.Н. Толстого или Соне Мармеладовой Ф.М. Достоевского, и, наконец, к сознательным героиням модернистской и постмодернистской литературы. Каждая литературная эпоха переопределяет ее символическую функцию – от сохранения общественного порядка к его сомнению, от воплощения моральной добродетели к поиску личной истины.

Трансформация Героини также отражает более широкие социальные изменения. По мере эволюции гендерных ролей культурные тексты становятся ареной для обсуждения идентичности и власти. Таким образом, архетип выполняет диалектическую функцию: он одновременно сохраняет память о мифе и адаптирует его к современному дискурсу. В этом смысле Героиня представляет собой палимпсест смыслов – многослойный, переписанный и переосмысленный во времени.

В русской экранной культуре эта динамика проявляется в адаптациях фольклора и истории, где женские персонажи воплощают моральную стойкость и творческую выносливость. Такие образы не просто воспроизводят мифические архетипы, но и включают в себя культурную рефлексию о ценностях, этике и гендере. Таким образом, архетип Героини становится инструментом культурного самопонимания.

С семиотической точки зрения, архетип Героини функционирует как сложный культурный знак, воплощающий меняющиеся ценности, идеологии и эстетические коды. Ее образ функционирует на нескольких уровнях смысла: мифическом, нарративном, символическом и идеологическом. Каждый культурный текст, переосмысляющий героиню, перестраивает сеть знаков, составляющих женственность в данной эпохе.

В своем исследовании репрезентаций власти подчеркивает, что архетипы действуют как глубокие семантические структуры, связывающие образ и идеологию [3]. Применение этой концепции к архетипу Героини показывает, как женственность кодируется как место символического авторитета и культурного взаимодействия.

Эволюция Героини от богини к современной женщине отражает трансформацию представлений общества о субъективности, морали и творчестве.

Культурная семиотика также подчеркивает диалогическую природу архетипов. Как утверждал М.М. Бахтин, культурные символы никогда не статичны; они существуют в динамическом взаимодействии голосов и контекстов. Архетип Героини, таким образом, участвует в постоянном диалоге между мифом и идеологией, традицией и современностью, собой и другими [1].

Этот диалогизм проявляется в том, как современные медиа адаптируют древние мотивы. Например, мотив «жертвенной спасительницы», некогда воплощавшейся богинями, такими как Исида или Деметра, сегодня появляется в нарративах социального активизма и экологического сознания. Эмпатия и моральное мужество Героини трансформируют мифическое жертвоприношение в современное этическое действие.

Ю.Ю. Трубникова отмечает, что прислушивание к мифологическому голосу в женском творчестве позволяет нам проследить преемственность между древним мифом и современным культурным производством [5]. В этом смысле архетип Героини действует как культурный код устойчивости: он передает древнюю мудрость через новые формы выражения.

Более того, семиотический анализ показывает, что символические оппозиции Героини – жизнь/смерть, хаос/порядок, тишина/речь – часто разрешаются посредством синтеза, а не иерархии. Эта посредническая логика играет центральную роль в женской символике в разных культурах.

В современной русской культуре переосмысления народных героинь, таких как Василиса Премудрая, Жар-птица или Мать-Земля, выражают схожие паттерны семиотического обновления. Эти образы, переосмысленные в современной литературе, кино и изобразительном искусстве, служат инструментами для исследования экологической этики, духовного возрождения и коллективной идентичности. Они служат примером того, как архетипические образы могут сохранять преемственность с традицией, одновременно служа инструментом критического осмысления современного опыта.

Таким образом, в семиотическом ландшафте культуры архетип Героини выступает одновременно мифической памятью и творческим горизонтом. Он сохраняет символическое наследие, допуская при этом его переосмысление – двойственность, которая обеспечивает его непреходящую жизнеспособность.

Выводы. Изучение архетипа Героини открывает важную точку входа в понимание того, как культуры конструируют и трансформируют символические представления гендера, творчества и трансформации. Как показано в этой статье, Героиня выступает в роли динамичного культурного кода, а не статичного мифического типа. Через мифопоэтическое творчество, литературное переосмысление и медийную адаптацию она артикулирует коллективное стремление к равновесию, обновлению и смыслу.

Опираясь на юнгианскую аналитическую психологию, теорию феминизма и культурную семиотику, мы можем сделать несколько ключевых выводов.

Архетип Героини – это символ интеграции, связывающий психологическое, социальное и духовное измерения культуры.

Ее путь представляет собой парадигму трансформации в отношениях, уравнивающую модель завоевания и господства, характерную для Героя.

В культурной семиотике Героиня служит символом преемственности и изменений, воплощая способность мифа развиваться вместе с идеологией.

Работы российских ученых иллюстрируют, как архетип сохраняет глубокую актуальность в анализе национальных мифологий и современных художественных выражений. Их исследования подчеркивают универсальность женской символики и ее потенциал к обновлению в различных культурных контекстах.

В конечном счете, архетип Героини раскрывает глубокую взаимосвязь мифа и культуры. Он олицетворяет человеческое стремление к целостности – примирению противоположностей, восстановлению смысла и преобразованию страдания в творчество. В этом смысле изучение образа Героини – это не просто акт гендерного анализа, но и

исследование символических процессов, посредством которых человечество постоянно переосмысливает себя.

Список литературы:

1. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 502 с.
2. Корженко, О.М. Женские образы в русских народных сказках / О.М. Корженко, О.В. Реш // Colloquium-journal. – 2020. – № 27 (79). – С. 6-8
3. Санников, С.В. Образ, идеология, архетип: методологические аспекты изучения репрезентации власти / С.В. Санников // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2018. – № 8. – С. 61-84
4. Строева, О.В. Архетип героя в контексте неомифологизма современной экранной культуры / О.В. Строева // Вестник ВГИК. – 2019. – Т. 11. – № 2 (40). – С. 116-126
5. Трубникова, Ю.Ю. Слушая мифологический голос: феминистская архетипическая критика о женском творчестве / Ю.Ю. Трубникова // Филологический класс. – 2012. – № 4 (30). – С. 143-145
6. Шульбаева, Н.В. Архетипические образы женщин в героическом эпосе хакасов / Н.В. Шульбаева // Вестник Хакаского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2017. – № 21. – С. 120-122
7. Юнг, К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – Текст: электронный. – М.: Ренессанс, 1991. – 298 с.
8. Юнг, К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К.Г. Юнг; [перевод А. Чечиной]. – М.: АСТ, 2019. – 495 с.
9. Юнг, К.Г. Очерки по психологии бессознательного : перевод с английского / К.Г. Юнг. – [Изд. 2-е]. – М.: Cogito centre, 2010. – 350 с.

УДК 372.874

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ХУДОЖНИКОВ

Костьянов Александр Викторович,
аспирант

Институт культуры и искусств
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Херсонский государственный педагогический университет» (г. Херсон);

Горбунова Галина Александровна,
доктор педагогических наук, профессор
Институт культуры и искусств
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Херсонский государственный педагогический университет» (г. Херсон)

Аннотация. В данной статье автор проводит всесторонний анализ современной ситуации, сложившейся за последние годы в области подготовки педагогических кадров творческих направлений. На основе изучения большого массива научных источников уточняются сущностные характеристики категории «профессионально-творческая деятельность». Опытным путем установлено, что общество нуждается в профессионалах, которые должны соответствовать четким критериям: гибко использовать полученные знания в разнообразных жизненных ситуациях, творчески преобразовывать окружающую действительность, находится в постоянном творческом поиске. Посредством научных методик изучены запросы современного общества и установлена необходимость в разработке стройной системы, которая, основываясь на современных фундаментальных исследованиях, и с учетом предыдущего положительного опыта включала бы в себя комплекс мероприятий по усовершенствованию учебного процесса профессиональной

подготовки учителей изобразительного искусства. Осуществлен поиск и обозначены способы повышения эффективности развития художественно-творческих способностей обучающихся высшей школы.

Ключевые слова: феномен творчества; профессионально-творческие способности; профессиональная самореализация; профессиональное мастерство; качества личности; педагогические условия; саморазвитие; самовоспитание.

Annotation. In this article, the author conducts a comprehensive analysis of the current situation that has developed in recent years in the field of teaching staff training in creative fields. Based on the study of a large array of scientific sources, the essential characteristics of the category "professional and creative activity" are clarified. It has been experimentally established that society needs professionals who must meet clear criteria: flexibly use the acquired knowledge in a variety of life situations, creatively transform the surrounding reality, and is in constant creative search. Through scientific methods, the demands of modern society have been studied and the need has been established to develop a coherent system that, based on modern fundamental research and taking into account previous positive experience, would include a set of measures to improve the educational process of professional training of fine arts teachers. A search has been carried out and ways have been identified to increase the effectiveness of the development of artistic and creative abilities of higher school students.

Key words: the phenomenon of creativity; professional and creative abilities; professional self-realization; professional skills; personality qualities; pedagogical conditions; self-development; self-education.

Постановка проблемы. Кардинальные изменения в мире и соответственно в России в первой четверти XXI века повлекли глубокие и существенные изменения во всех сферах жизни: политической, социальной, экономической. Значительные перемены оказали большое влияние и на процессы в образовательной сфере. Поменялись умонастроения и ценностные ориентации студентов, отношение к окружающему миру, мотивы получения определенных профессий, осознание своего призвания и главное – отношение к судьбе России.

В сложившихся обстоятельствах вектор образовательной парадигмы существенно корректируется и обновляется. Важным является понимание социального заказа современного российского общества и своевременное внесение изменений в область профессиональной подготовки специалистов в высших учебных заведениях. В данное время актуальным является запрос на развитие и формирование целостной и духовной личности, интеллектуально и эмоционально богатой, творчески активной, способной находить эффективные решения в нестандартных жизненных ситуациях и в профессиональной деятельности.

В современной системе образования применяются различные средства формирования личности, и художественное образование имеет большое значение в этом процессе. Педагогическая наука ведет интенсивный поиск путей совершенствования профессиональной подготовки учителей изобразительного искусства. Так как именно их профессиональная деятельность, сопряжена с обучением, воспитанием, развитием личности детей через призму творчества. Учитель изобразительного искусства призван развить у обучающихся чувство формы, цвета, перспективы, также умению выражать свои идеи и эмоции через визуальное искусство.

Педагог целенаправленно формирует художественный творческий интерес к миру. В его функционал входит развитие способности у обучающихся воспринимать красоту и способности творить ее. Молодые люди, избравшие эту профессию, должны быть искренне увлечены искусством и обладать готовностью, и умением поделиться своими знаниями. Безусловно, для того чтобы эффективно реализоваться в этой профессии, необходимо самому обладать глубокими знаниями по специальности, иметь художественно-творческие способности, находится в постоянном творческом поиске, самосовершенствоваться, работать над собой по развитию определенных личных качеств.

Назрела острая необходимость в разработке стройной системы, которая основываясь на современных фундаментальных исследованиях, и с учетом предыдущего положительного опыта включала бы в себя комплекс мероприятий по

усовершенствованию учебного процесса профессиональной подготовки учителей изобразительного искусства.

Научное сообщество достаточно часто обращается к теме выявления и развития художественно-творческих способностей. Причем, следует заметить, что этой проблематикой так или иначе занимались видные педагоги, психологи, философы, физиологи и так далее. В отечественной психологии творческий потенциал личности исследовали С.Л. Рубинштейн [17], Б.М. Теплов [19].

Проблемами задатков и способностей, и, в частности, художественно-творческих способностей, занимались отечественные учёные: А.В. Брушлинский [4], Д.Б. Богоявленская [3], Л.С. Выготский [5], В.Н. Дружинин [6], В.И. Кириенко [8], И.Я. Лернер [11], А.А. Мелик-Пашаев [14], В.А. Сластенин [18], Б.М. Теплов [19], Б.Д. Шадриков [21] и другие. Эти вопросы исследовали и зарубежные учёные: А. Маслоу [13], Э. Фромм [20].

Основой методологии и методики развития художественно-творческих способностей студентов стали педагогические исследования В.И. Андреева [1], И.Я. Лернера [11] и многих других.

Ряд вопросов, связанных с развитием творческих способностей студентов (решение изобразительных задач) в процессе творческой и учебной деятельности отражены в работах В.П. Зинченко [7], В.С. Кузина [9], Б.М. Неменского [15] и других авторов.

Несмотря на обширный опыт и многочисленные научные исследования художественно-творческих способностей и способов развития, задатков и способностей, феномена творчества, все же проблема развития художественно-творческих способностей обучающихся высшей школы далека от окончательного решения.

В этой связи актуализируется проблема системного развития художественно-творческих способностей у студентов высших учебных заведений, соответствующей специализации для их наиболее успешной реализации в профессиональной деятельности в изменившихся современных реалиях.

Для того чтобы соответствовать «Духу времени» отечественному высшему образованию необходимо быстро реагировать на меняющиеся запросы и ожидания общества, а в идеале предвосхищать потребности и вводить изменения в учебный процесс своевременно. Поэтому на первоначальном этапе исследовательской работы возникла необходимость выявить реальную ситуацию, сложившуюся в образовании, запросы и ожидания общества в этой сфере, проанализировать каким образом можно повысить эффективность развития художественно-творческих способностей обучающихся высшей школы.

Цель исследования – проанализировать современное состояние проблемы развития художественно-творческих способностей обучающихся высшей школы и наметить способы повышения эффективности их развития.

Методы, использованные в исследовании: наблюдение, анализ, опрос, анкетирование.

Изложение основного материала. В начале выявим состояние разработанности исследуемой проблемы и проведем анализ психолого-педагогической литературы, уточним сущностные характеристики категории «художественно-творческие способности». Определим понятия, на которые будем опираться в нашем исследовании.

Прежде, чем приступить к анализу категории «художественно-творческие способности», рассмотрим следующие категории: «творчество», «творческие способности», «художественные способности».

Понимание под «творчеством» процесс или деятельность (как духовная, так и материальная), предполагающую создание чего-то нового присуще Л.С. Выготскому [5]. Н.А. Бердяев определял творчество как способ существования, духовную обязанность. Это не только создание чего-то нового, но и сама сущность человеческого бытия. Он считал, что человек, творчески созидая, проявляет свою личность и реализует свой потенциал [2]. Е.Я. Яковлева определяет творчество как реализацию человеком собственной индивидуальности [22].

Обращая внимание на многообразие трактовок, в нашем исследовании мы больше тяготеем к пониманию творчества, как процесса деятельности человека, подразумевающий реализацию его внутреннего потенциала с одной стороны, и создание уникального духовно-культурного или материального продукта с другой.

В контексте рассматриваемой проблемы имеет значение уточнить сущность понятия «творческие способности». Заметим, что в психолого-педагогических научных трудах выделяются ряд подходов. Так Н.А. Леонтьев считал, что творческие способности – это результат овладения человеком знаниями, умениями, навыками, необходимыми для того или иного вида творчества (художественного, музыкального, технического и так далее) [10]. А.Г. Маклаков, Д.Б. Богоявленская и другие ученые рассматривают творческие способности как способность личности к оригинальным и инновационным решениям, а также к преобразовательной деятельности [12; 3]. Понимание творческих способностей как свойства системы, реализующей определенные психические функции характерно для В.Д. Шадрикова и других [21].

Множество подходов позволяет заключить, что «творческие способности» – это сложный феномен, который имеет индивидуальную природу (чаще всего) и подразумевает создание какого-либо продукта в процессе деятельности.

В исследовании придерживаемся следующей трактовки творческих способностей это комплекс индивидуальных способностей обучающихся, позволяющих решить проблемные ситуации, принимать неординарные решения, продуцировать новые идеи, участвовать в различных видах деятельности, в том числе и творческой, которые организованы целенаправленно.

Тесно связаны с творческими способностями художественные способности. Художественный вид одарённости, как правило, проявляются в высоких достижениях в художественной деятельности – музыке, танце, сценической, изобразительной.

Если к творческим способностям, которые есть у всех, но развиты в разной мере, относят фантазию, образное мышление и воображение, любопытство, интуицию и восприятие и когда речь идет о творчестве, то понимается процесс создания чего-то уникального и необычного. То художественные способности относятся к способностям или таланту, которыми обладает человек для создания или оценки визуального искусства, музыки, танца или других форм творческого выражения. Они включают в себя такие навыки, как креативность, воображение и эстетическое восприятие. Часто если исследуются творческие способности в художественной изобразительной и декоративно-прикладной деятельности эти две способности объединяют в одну: художественно-творческую способность.

Развитие художественно-творческих способностей, как и других способностей, в огромной мере определяется историческими условиями жизни человека, практическими потребностями общества в результатах изобразительной деятельности.

На сегодня в научном сообществе существует плюрализм в определении категории «художественно-творческие способности». Остановимся на некоторых из них, наиболее часто упоминаемых. Многие авторы ссылаются на работы А.А. Мелик-Пашаева, но стоит заметить, что одного конкретного определения художественно-творческих способностей в его работах нет. Как правило, акцент его исследованиях делается на развитии и воспитании этих способностей. Модель представляется в виде иерархии психических свойств и качеств личности, ответственных за формирование художественного образа в различных видах художественно-творческой деятельности. Структура этих способностей описывается как многоуровневая система взаимосвязанных компонентов: эстетического отношения к миру, художественно-творческого воображения [14].

В.А. Сластенин определяет художественно-творческие способности как индивидуальные особенности человека, определяющие его способность к творческой деятельности, направленной на создание прекрасного оригинального, а также на развитие эстетического вкуса и самовыражения. При этом он уделял большое внимание роли образовательной среды в развитии этих способностей, акцентировал важность: создания благоприятной обстановки (наличие творческой атмосферы); предоставление широкого спектра возможностей (возможность проявить свои способности в разных видах художественной деятельности); необходимая методическая база; индивидуальный

подход; вовлечение в творческий процесс. Подчеркивал важность способностей к саморазвитию и самовоспитанию. В его трудах саморазвитие определяется как деятельность личности субъект-субъектного характера, направленная на позитивное изменение личностных и профессиональных качеств на основе самопознания, самоопределения, самоуправления и творческой самореализации. Под самовоспитанием он понимал, как систематическая и сознательная работа человека над собой по решению личных и особенно значимых задач. Самооценка характеризуется эмоциональной оценкой самого себя как личности, собственных способностей, нравственных качеств и поступков [18].

Несмотря на разнообразие подходов к трактовке категории «художественно-творческие способности» большинство ученых и исследователей определяют их как совокупность определенных качеств и умений: эстетические чувства и действия (сенсорно-перцептивная категория освоения пространства); познавательная активность (интенсивность мыслительной деятельности, самостоятельность); творческий стиль деятельности (выдвижение оригинальных идей, использование нестандартных способов задач); рефлексивные способности (осознание своей индивидуальности); мотивация саморазвития (совокупность личностных и ситуативных факторов, которые побуждают человека к полной реализации своих способностей) [16].

Мы считаем, что это определение на сегодня наиболее полно отражает категорию, поэтому в нашем исследовании будем его придерживаться.

Анализ научной и специальной литературы показал, что развитие художественно-творческих способностей обучающихся высшей школы будет осуществляться более эффективным при выполнении следующего комплекса педагогических условий:

- создание на занятиях творческой атмосферы, а также активное сотворчество педагога и студента;
- использование в процессе обучения системы разнообразных творческих задач, построенных в соответствии с логикой создания художественного образа.

В теоретическом плане обширные научные исследования подтверждают хорошую разработанность проблематики. Научное сообщество уделяет большое внимание поиску методик по решению проблемы развития художественно-творческих способностей студентов, но актуализируется закономерный вопрос какова ситуация в реальной жизни.

Профессиональные кадры, которые готовят высшие учебные заведения должны быть востребованы на рынке труда и соответствовать запросам и ожиданиям современного общества, в этой связи актуализируется ряд вопросов.

Изменились ли требования к освоению профессиональных знаний? Поменялось ли сегодня для педагога понятие «профессиональная самореализация»? Какой смысл вкладывают молодые и опытные педагоги в занятие творчеством? В чем он смысл модернизации образовательного процесса? Каковы ценностные жизненные ориентиры у современного педагога? Существует ли потребность в профессиональном мастерстве?

На вопрос о важности развитии художественно-творческих способностей в период обучения в высшей школе молодые педагоги отметили, что желательно больше мотивировать студентов к активной и осознанной творческой деятельности.

Широкий кругозор, трудолюбие и сила характера для 75% являются важными в профессиональной деятельности, поэтому при подготовке учителей изобразительного искусства необходимо создавать соответствующие педагогические условия.

Педагоги, получившие недавно образование, отметили, что необходимо больше развивать у студентов способность к любованию природой, так как в ней можно черпать вдохновение и творческие идеи. Это они поняли только когда начали свою профессиональную карьеру в образовательном учреждении и получили знания от старших коллег.

При общении с опытными педагогами, что сочетание техник в художественном творчестве, открывает способность видеть вещи по-другому, развивает нестандартное видение и мышление.

Молодые педагоги отметили важность прохождения практики в тех учреждениях, в которых планируется дальнейшая профессиональная деятельность. Выказали опасение, что старшее поколение практиков не успевает передать секреты своего

мастерства и «заразить» преданностью профессии, поэтому желательно уже на первом курсе приобщать студентов к общению с разными мастерами, педагогами.

В обществе существует запрос на высокий образовательный стандарт. Поддерживать который предстоит будущему поколению педагогов, соответственно и в подготовку будущих профессионалов необходимо вносить существенные коррективы. Высшая школа в образовательном процессе должна создать необходимые условия для формирования современного разносторонне развитого специалиста художественной направленности, обладающего высокими нравственными качествами, развитым эстетическим вкусом, творческой свободой. Соответственно осуществление этих задач напрямую связано с развитием художественно-творческих способностей обучающихся высшей школы.

Старшее поколение выступая в роли наставников, имеет желание делиться своим большим опытом и это необходимо использовать в учебном процессе в высшей школе. Создавая совместные образовательные проекты с учреждениями, которые имеют положительную репутацию. Привлекать педагогов практиков к наставнической деятельности, посредством создания творческих мастерских для студентов.

Выводы. Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы: аналитическое осмысление научной литературы, посвященной проблеме развития художественно-творческих способностей, а также результаты проведенного исследования показывает, что эта проблема остаётся актуальной и сегодня, особенно у студентов высших учебных заведений, соответствующей специализации (изобразительное искусство) для их наиболее успешной реализации в профессии.

Воспитание творческого человека развитие способности не только к трансляции старого, но и к созданию нового закладывается с ранних лет. Учитывать творческому мышлению в большей степени прерогатива педагогов нового поколения, которые находятся в постоянном духовном самосовершенствовании. Важнейшим условием для этого является необходимость формирования у будущих учителей таких качеств, которые позволяли бы решать не только задачи по обучению, воспитанию и развитию личности учащихся, но и умением привить детям интерес к искусству, а также стремление к творческой самореализации.

Сравнительный анализ исследований показал, что общество нуждается в профессионалах, которые должны соответствовать четким критериям: гибко использовать полученные знания в разнообразных жизненных ситуациях, творчески преобразовывать окружающую действительность, находится в постоянном творческом поиске. И это необходимо учитывать в процессе подготовки профессиональных кадров.

Развитие художественно-творческих способностей происходит в процессе активной художественно-творческой деятельности. Практикой подтверждается, что важное место в развитии этих способностей занимает самостоятельная продуктивная деятельность студентов.

Создание специальных педагогических ситуаций способствует обеспечению высокого уровня развития заложенных художественно-творческих способностей. Современное общество ориентируется на творчески активную и всесторонне развитую личность, поэтому востребованным является обновление учебного процесса, внедрение комплекса мер, обеспечивающих переход личности на более высокий уровень развития художественно-творческих способностей.

Создание эффективной методики реализации такого комплекса мер и является сферой дальнейших наших интересов и изысканий.

Список литературы:

1. Андреев, В.И. Педагогика творческого саморазвития / В.И. Андреев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1996. – 565 с.
2. Бердяев, Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. Опыт оправдания человека / Н.А. Бердяев. – Москва: изд-во «Академический проект», 2015. – 522 с.
3. Богоявленская, Д.Б. Психология творческих способностей / Д.Б. Богоявленская. – Москва: Издательский центр «Академия», 2002. – 320 с.
4. Брушлинский, А.В. Мышление и прогнозирование / А.В. Брушлинский. – Москва: Мысль, 1979. – 177 с.

5. Выготский, Л.С. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. – Москва: Педагогика-Пресс, 2013. – 546 с.
6. Дружинин, В.Н. Психология общих способностей / В.Н. Дружинин. – Санкт-Петербург: Изд-во «Питер», 2000. – 368 с.
7. Зинченко, В.П. Развитие творческих способностей в процессе обучения рисунку / В.П. Зинченко. – Ростов-на-Дону: РГПИ, 1983. – 67 с.
8. Киреенко, В.И. Психология способностей к изобразительной деятельности / В.И. Киреенко. – Москва: АПН РСФСР, 1959. – 304 с.
9. Кузин, В.С. Вопросы изобразительного творчества / В.С. Кузин. – Москва: Просвещение, 1971. – 144 с.
10. Леонтьев, А.Н. Из дневниковых записей. Избранные психологические произведения: в 2 т. / А.Н. Леонтьев. – Т. 2. – Москва: Педагогика, 1999. – 318 с.
11. Лернер, И.Я. Дидактические основы методов обучения / И.Я. Лернер. – Москва: Педагогика, 1976. – 154 с.
12. Маклаков, А.Г. Общая психология / А.Г. Маклаков. – Санкт-Петербург: Питер, 2005. – 583 с.
13. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – Санкт-Петербург: Питер, 2006. – 252 с.
14. Мелик-Пашаев, А.А. Ступеньки к творчеству / А.А. Мелик-Пашаев, З.Н. Новлянская. – Москва: Искусство в школе, 1995. – 132 с.
15. Неменский, Б.М. Изобразительное искусство и художественный труд / Б.М. Неменский. – Москва: Просвещение, 1991. – 191 с.
16. Петрова, Л.Е. Развитие художественно-творческих способностей студентов на основе академической системы художественной подготовки / Л.Е. Петрова, Е.А. Фитьмов // Самарский научный вестник. – 2022. – Т. 11, № 2. – С. 310-314
17. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург: Питер, 2015. – 744 с.
18. Слостенин, В.А. Общая педагогика: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений в 2 ч. / В.А. Слостенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов. – Москва: Гуманит. изд. центр Владос, 2003. – Ч. 1. – 288 с.
19. Теплов, Б.М. Проблемы индивидуальных различий. Избранные работы / Б.М. Теплов. – Москва: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. – 536 с.
20. Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм. – Москва: АСТ, 2009. – 244 с.
21. Шадриков, В.Д. Психология деятельности и способности человека: учеб. пособие / В.Д. Шадриков. – Москва: Логос, 1996. – 320 с.

УДК 355.233.23

МУСУЛЬМАНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Мейирбаев Бекжан Берикбаевич,

кандидат философских наук, ассоциированный профессор
Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы);

Акмадияр Забира,

магистрант 1 курса направления подготовки «Исламоведение»
Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы)

Аннотация. В данной статье комплексно анализируется роль мусульманского образования в национальном культурном наследии и его место в исторической преемственности. Рассматривается эволюция исламской образовательной практики в Казахстане, влияние традиций медресе на современные образовательные центры и методическую литературу. В исследовании анализируются основные принципы исламской педагогики, международный опыт, структура и воспитательные возможности образовательных материалов для детей. Кроме того, была научно обоснована

совместимость мусульманского образования и современных педагогических методов. Результаты работы включают направления эффективного использования исламских ценностей в образовательном процессе и рекомендации по совершенствованию учебно-методической литературы для детей.

Ключевые слова: исламское образование, культурное наследие, исламская педагогика, учебно-методическая литература, детское образование, религиозное образование.

Annotation. This article comprehensively analyzes the role of Muslim education in the national cultural heritage and its place in historical continuity. The evolution of Islamic educational practices in Kazakhstan, the influence of madrasah traditions on modern educational centers and methodological literature are considered. The study analyzed the basic principles of Islamic pedagogy, international practices, the structure and educational capabilities of educational materials for children. In addition, the compatibility of Muslim education and modern pedagogical methods was scientifically substantiated. The results of the work include directions for the effective use of Islamic values in the educational process and recommendations for improving educational and methodological literature for children.

Key words: Islamic education, cultural heritage, Islamic pedagogy, educational and methodological literature, children's education, religious education.

Постановка проблемы. В современном информационном обществе с каждым годом увеличивается объём контента, влияющего на мировоззрение детей. Мультфильмы, онлайн-игры, социальные сети, интерактивные платформы стали основными инструментами, способствующими формированию ценностных ориентаций ребёнка. В такой ситуации всё более остро ощущается необходимость переосмысления содержания религиозного и духовного образования с учётом национального культурного наследия.

Исламское образование – это культурный механизм, передающий следующему поколению духовную сущность, нравственные и общечеловеческие ценности казахского народа, формировавшиеся веками. В трудах учёных подчёркивается, что главная цель образования – духовное развитие личности, совершенствование характера и польза для общества [6, С. 38; 9, С. 351].

После обретения Казахстаном независимости сфера религиозного образования возродилась, активно развивались образовательные материалы для детей, программы детских садов, летних лагерей и религиозных кружков [13, С. 18]. Цель исследования – проанализировать содержание, структуру и методическую модель учебно-методической литературы для детей в Казахстане, рассматривая мусульманское образование как элемент культурного наследия.

Задачи исследования:

- выявить теоретические основы концепций исламского образования и культурного наследия;
- описать практику исламского образования в Казахстане;
- провести сравнительный анализ зарубежного опыта;
- оценить современные учебно-методические материалы с точки зрения содержания и дидактики;
- разработать методические рекомендации по совершенствованию исламской литературы для детей.

Изложение основного материала. Инструменты смысловой трансформации образовательного процесса (например, наглядные схемы, символы) связывают различные аспекты образования и воспитания и обогащают знания учащихся. Мусульманское образование считается важным компонентом национального культурного наследия [3, С. 15; 13, С. 22]. В XIX-XX веках образование в Казахстане осуществлялось в религиозном и светском направлении. В начале XX века казахские дети в основном обучались в медресе; где муллы уделяли большое внимание воспитанию нравственных ценностей наряду с религиозным учением [4, С. 44]. Эти традиции переплетаются как культурное наследие и вносят свой вклад в концепцию мусульманского образования. Цель работы – исследование мусульманского образования как элемента культурного

наследия и проведение комплексного анализа образцов современной учебной и методической литературы для детей.

Понятия исламского образования и культурного наследия.

Понятие образования в исламе широкое и глубокое; оно направлено не только на предоставление информации, но и на привитие учащимся духовных и нравственных ценностей религии [6, С. 38]. Исламская педагогика зарождалась и развивалась в разных культурах и эпохах [9, С. 351]. Как отмечается в международных исследованиях, «проекты по обучению детей исламу широко реализовывались на протяжении всей истории в разных культурах и странах» [8, С. 472]. При этом культурное наследие включает в себя исторически сложившиеся языковые, литературные, художественные и религиозные традиции народа [4, С. 73]. Исламское образование сохраняет религиозное и духовное наследие, являющееся частью национальной культуры, и передает его из поколения в поколение. Поэтому исламское образование можно считать элементом национального культурного наследия.

Согласно исламу, каждый рождённый ребёнок считается рождённым в чистом религиозном изначальном состоянии – фитре [10, С. 115]. А воспитание, которое дают родители и общество, определяет его будущую религию. Сформированные в раннем возрасте основные морально-этические представления и религиозные убеждения являются важным элементом формирования мировоззрения ребёнка. Поэтому учёные и психологи подчёркивают важность раннего образования: «правильное воспитание мальчиков и девочек – залог формирования нравственного облика будущего общества» [12, С. 29].

В исламской педагогике заложено несколько основных принципов образования. Как отмечает исследователь Клэр Алькуатли, исламские педагогические методы можно разделить на три направления [8, С. 460-461]:

Реляционная педагогика – основывает обучение на тёплых человеческих отношениях, доверии и любви [8, С. 463]. В этом подходе сострадательные отношения между учителем и учеником делают процесс обучения более эффективным.

Взаимодействие педагогики – предусматривает обучение посредством совместной деятельности, обсуждения сказанного и постановки вопросов [8, С. 465]. Дети и учителя создают совместный опыт обучения.

Педагогика осознанного восприятия раскрывает суть и смысл действий и принципов, которые применяются в ходе исламского образования. Она стремится приблизить понимание учащимся цели своих действий к их собственному пониманию.

Эти принципы демонстрируют возможности сочетания исламского образования и современной теории обучения. Например, сочетание гражданского и духовного воспитания посредством педагогических идей, гармонирующих с основными текстами ислама: Кораном и Сунной, часто упоминается в научных исследованиях [2, С. 87; 20, С. 55]. Согласно этой точке зрения, современный образовательный процесс должен быть организован с учетом позитивных аспектов исламской культуры. То есть, делается вывод о неразрывной связи традиционных исламских учений и государственной школьной программы [6, С. 42].

Исламская образовательная практика в Казахстане.

После обретения Казахстаном независимости деятельность в сфере религиозного образования получила бурное развитие [13]. Государственная служба образования Республики Казахстан и частные образовательные организации расширили возможности обучения детей-мусульман, издавая исламскую учебно-методическую литературу на казахском языке [17]. Например, учителя-мусульмане и родители открывают специальные центры, где, помимо школьной программы, они дают дополнительное образование и готовят к экзаменам. Согласно представленной выше информации, в таких новых образовательных центрах девочки и мальчики обучаются раздельно, а дети готовятся к таким экзаменам, как ЕНТ и КТА [5].

Кроме того, в крупных городах Казахстана открываются мусульманские детские сады, где внедряются элементы религиозного образования. Как отмечалось в статье в популярной газете, в таких детских садах всё питание халяльное, а мальчики и девочки спят в разных комнатах. Детей обучают запоминанию арабского алфавита, коротких молитв и сур Корана, а образование направлено на учет особенностей каждого возраста

[18, С. 81]. Например, детей старше 3 лет обучают запоминанию молитв для намаза, молитв перед едой и перед сном, а также коротких сур из Корана [7, С. 121]. Кроме того, в специальных летних лагерях преподают историю пророков и духовные истории, чтобы привить детям честность и справедливость Ислама [11, С. 22].

В практике Казахстана все эти образовательные организации обязаны функционировать в соответствии с требованиями Министерства образования и духовности. Однако, согласно приведенным выше данным, многие элементы религиозного образования используются в таких учреждениях, открытых в частном секторе. В результате в казахстанском обществе активно функционируют такие структуры, как приюты, формирующие исламское мировоззрение со школьного возраста. Международный опыт и современные модели

В международной практике исламские образовательные программы и литература для детей организованы в каждой стране со своими особенностями. Преподавание религии в многоэтнической среде наглядно прослеживается в опыте стран. Например, программа «Талим», инициированная Исламским институтом прикладных наук (Ассоциация Господа Бога в Восточной Африке), имеет глобальный характер. Книга «Аллах – Творец», написанная для первого класса школы, предназначена для обучения детей основам веры в Аллаха (таухид) [12]. Благодаря этому образовательному пособию дети постигают творческую силу Аллаха и дар жизни. А во второй части, «Чудесный мир Аллаха», дети узнают, что вся жизнь в мире зависит от Аллаха, через рассказы о Его милосердии [18]. Кроме того, рабочая тетрадь и методическое пособие по этой программе содержат адаптированные учебные задания, которые обеспечивают практическую передачу знаний. В других примерах за пределами Казахстана широко представлен опыт сочетания традиционной проповеди с современными педагогическими методами. Например, исследование индонезийских учёных показывает, что традиционные подходы к раннему исламскому образованию обогащаются технологиями и ролевыми играми [12, С. 27-29]. В исследовании предлагается, чтобы учителя и родители работали вместе, обучая исламским ценностям, используя мультимедийные инструменты и истории из реальной жизни. Также предполагается, что сочетание «традиционного религиозного образования» с «современными форматами уроков» воспитывает детей как духовно ориентированных и социально активных личностей.

Детская литература, воспевающая мусульманскую культуру, также активно развивается в западных странах. Например, в описании одной коллекции на английском языке говорится, что «эти детские книги прославляют мусульманских героев, воспевают богатство мусульманской культуры и прекрасно отображают исламские традиции». Такие книги рассказывают о таких праздниках, как Ид, Рамадан и Наурыз, а также о молитвенных ритуалах, на понятном детям языке и укрепляют их религиозное и культурное самосознание. В разных странах мира такая литература широко распространена: от внеклассных занятий до публичных библиотек и интернет-ресурсов.

Современная учебно-методическая литература.

В современных образцах исламской учебно-методической литературы для детей религиозная тематика широко представлена на казахском языке. Например, в учебнике «Исламская наука» (Алматы, 2010), одобренном Духовным управлением мусульман Казахстана, объясняются основные акты поклонения по ханафитскому мазхабу, такие как чистота, молитва, пост, закят, паломничество, и всесторонне освещаются основы традиционной религии [7, С. 125]. А в специально разработанных для детей произведениях образовательные элементы реализуются через рассказы и ролевые игры. Также выпускаются специальные рабочие тетради по арабскому алфавиту, циклы сказок о жизни пророков, методические пособия по запоминанию сур Корана и молитв-намазов. Содержание таких учебников и методических сборников гармонично отражает ценности и национальные особенности исламской культуры. В целом, основная роль современной мусульманской учебной литературы заключается в сочетании духовного и культурного наследия ислама с современными педагогическими методами [13, С. 32]. Как отмечается в исследованиях, образовательный процесс призван прививать обществу непреложные ценности исламской культуры, формируя благородный идеал гуманизма. Поэтому современные учебники на казахском языке должны представлять историю

мусульманского образования и принципы преподавания во взаимосвязи с национальными традициями.

Выводы. Мусульманское образование – важный феномен, способствующий сохранению духовной сущности и нравственных ценностей нации, образующий содержательное ядро национального культурного наследия. Исторические данные свидетельствуют, что в казахском обществе XIX-XX веков религиозно-просветительские школы занимали ведущее место в образовании детей [3, С. 15; 4, С. 44]. Эти традиции приобрели новый характер в условиях современного независимого Казахстана и возрождаются через образовательные и методические системы [17, с. 16]. Таким образом, исламское образование наглядно подтверждает феномен преемственности как составляющую современного культурного наследия [4, С. 73].

Основные принципы исламской педагогики – духовное развитие личности, усвоение религиозных ценностей, коррекция поведения и установление гармоничных отношений с обществом – гармонируют с современной системой образования. Предложенные исследователями педагогические модели (основанные на взаимоотношениях, взаимном влечении, осознанном понимании) демонстрируют естественную совместимость исламского образования с современными образовательными теориями [8, С. 460-467]. Это, прежде всего, подчеркивает необходимость всестороннего рассмотрения личностного развития ребенка. Кроме того, понятие «фитра» в исламе – рождение каждого ребенка в нравственно и духовно чистом состоянии – проясняет важность системного формирования начал воспитания, начиная с семьи [10, С. 115].

Опыт Казахстана также подтверждает актуальность данного направления. Материально-техническая и методическая база исламских детских садов, клубов, летних лагерей и учебных центров расширяется с каждым годом [5, С. 50; 18, С. 81]. Программы этих организаций включают такие направления, как обучение сурам Корана, уроки этики, обучение истории пророков, формирование культуры общественного поведения [7, С. 121; 11, С. 22]. Подобные практики доказывают, что исламское образование не ограничивается религиозными знаниями, а включает в себя общечеловеческие ценности.

Международные исследования и зарубежный опыт также показывают, что исламское образование может адаптироваться к современному образовательному пространству. Мультимедийные формы проповеди в Индонезии [12, С. 27-29], исламские программы, интегрированные в государственные школы Турции [16, С. 65], методы передачи ценностей через детскую литературу в западных странах [15, С. 51] – доказывают, что исламское образование универсально, способно развиваться в различных культурных средах. Эти практики могут предложить методические направления для совершенствования учебно-методической литературы и программ в Казахстане.

В настоящее время научные книги, религиозные книги для детей, сборники рассказов и учебники арабского языка, одобренные KMSB, в некоторой степени систематизированы по структуре содержания и адаптированы к возрастным особенностям [7, С. 125; 19, С. 70]. В учебниках нового поколения гармонично сочетаются традиционные религиозные учения и современная педагогика, широко используются методы, направленные на усиление воспитательного воздействия [13, С. 32]. Это не противоречит принципу конфессиональной нейтральности образовательной политики, а способствует укреплению общей духовной культуры общества.

В целом, научные данные свидетельствуют о том, что исламская система образования является эффективным инструментом духовного развития детей, воспитания у них социальной ответственности, нравственной культуры и правильных моделей поведения [6, С. 38; 9, С. 360]. Сравнение казахстанского опыта с зарубежными моделями показало, что исламское образование важно не только в сфере религиозного образования, но и как полноценный элемент педагогической культуры.

Поэтому изучение мусульманского образования как культурного наследия является важной научной и практической задачей для сохранения духовного мира ребенка, национальных ценностей и культурной стабильности общества. Дальнейшее совершенствование учебно-методической литературы в этом направлении, адаптация

педагогических моделей и внедрение передового мирового опыта способствуют повышению качества современной системы образования.

Список литературы:

1. Казахская энциклопедия. – Алматы: Главная редакция «Казахской энциклопедии», 2005. – 704 с.
2. Аль-Фараби. Трактат о взглядах жителей города / Аль-Фараби. – Алматы: Наука, 1975. – 128 с.
3. Байтурсынов, А. Школьные нужды / А. Байтурсынов. – Ташкент, 1923. – 64 с.
4. Калиев, С. Теоретические основы казахской этнопедагогике / С. Калиев. – Алматы: Рауан, 1998. – 256 с.
5. Мусабеков, К. Становление системы религиозного образования / К. Мусабеков // Теология и цивилизация. – 2021. – № 2. – С. 45-52
6. Бекжан, Ж. Исламская нравственность и воспитание / Ж. Бекжан. – Алматы: Египетский университет исламской культуры «Нур-Мубарак», 2019. – 192 с.
7. Исламская наука. – Алматы: КМДВ, 2010. – 304 с.
8. Алькуатли, Ч. Педагогика в исламском образовании: этико-религиозные основы / Ч. Алькуатли // Журнал исламского образования. – 2018. – Т. 12, № 4. – С. 456-488
9. Сабки, А. Концепция медресе в исламской педагогике / А. Сабки, Г. Хардакер // Educational Review. – 2013. – Т. 65, № 3. – С. 350-371
10. Ахмад, М. Исламское нравственное воспитание детей / М. Ахмад // Журнал ранних исламских исследований. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 112-129
11. Учебная программа «Талим»: Создатель (Уровень 1). – Лондон: Институт исмаилитских исследований, 2015. – 56 с.
12. Нур, М. Интеграция исламского образования с современной педагогикой в Индонезии / М. Нур // Азиатский журнал современного образования. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 25-33
13. Религиозное сознание и образование в казахском обществе. – Алматы: НИИ Министерства образования Республики Казахстан, 2018. – 112 с.
14. Учимся жить вместе / ЮНЕСКО. – Париж: Издательство ЮНЕСКО, 2016. – 148 с.
15. Гуль, Р. Современная детская литература и исламская идентичность / Р. Гуль // Международный журнал образовательных исследований. – 2016. – Т. 22, № 5. – С. 48-54
16. Караман, А. Модели исламского образования детей младшего возраста в Турции / А. Караман // Журнал сравнительной педагогики. – 2019. – Т. 14, № 1. – С. 60-73
17. Религиозное образование в Казахстане: современное состояние. – Доклад Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, 2022. – 64 с.
18. Ермаханова, А. Исламские образовательные программы для детей в Казахстане / А. Ермаханова // Религия и общество. – 2023. – № 3. – С. 78-85
19. Али, А. Исламская идентичность и культурное наследие в образовании детей / А. Али, Н. Хуссейн // Журнал мусульманских обществ. – 2022. – Т. 11, № 3. – С. 66-74
20. Священный Коран. – Алматы: «Шанырак», 2015. – Перевод и комментарии. – 512 с.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ АДВЕНТИСТСКИХ ОБЩИН

Назбекова Салтанат Турганбековна,

докторант

Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы);

Борбасова Карлыгаш Молдагалиевна,

доктор философских наук, профессор

Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы)

Аннотация. В данной статье представлен комплексный обзор научной литературы, посвященной общинам адвентистов седьмого дня, с акцентом на их представительство в постсоветском пространстве и Центральной Азии. Опираясь на 90 рецензируемых журнальных статей, отобранных с помощью методологии PRISMA и проанализированных с использованием тематического синтеза и библиометрической визуализации, исследование выделяет четыре основные тематические области: теологическая идентичность и развитие доктрины, правовое и институциональное регулирование религиозных меньшинств, гражданская активность и образ жизни адвентистов, а также социально-политическое восприятие адвентистских общин в многоконфессиональных обществах. Результаты показывают, что адвентисты остаются маргинализированными в рамках национальной политики и академическом дискурсе, несмотря на их структурированное богословие и социальный вклад. Тем не менее, они демонстрируют устойчивость благодаря глобальным конфессиональным сетям, цифровому взаимодействию и стратегиям адаптации на уровне сообществ. Данный обзор способствует расширению области религиоведения, выдвигая на первый план миноритарную протестантскую традицию, которая воплощает сложное взаимодействие веры, регулирования, гражданского участия и культурного взаимодействия в плюралистических и постсекулярных обществах.

Ключевые слова: адвентисты седьмого дня; религиозные меньшинства; Казахстан; постсоветское общество; теология; гражданская активность; государственно-религиозные отношения; реформа здравоохранения; религиозный плюрализм; библиометрический анализ.

Annotation. This article provides a comprehensive review of the scientific literature on Seventh-day Adventist communities, with an emphasis on their representation in the post-Soviet space and Central Asia. Based on 90 peer-reviewed journal articles selected using the PRISMA methodology and analyzed using thematic synthesis and bibliometric visualization, the study identifies four main thematic areas: theological identity and development of doctrine, legal and institutional regulation of religious minorities, Adventist civic engagement and lifestyle, as well as socio-political perceptions of Adventist communities in multi-faith societies.. The results show that Adventists remain marginalized within national politics and academic discourse, despite their structured theology and social contributions. However, they are demonstrating resilience through global faith networks, digital engagement, and community-based adaptation strategies. This review contributes to the expansion of the field of religious studies by highlighting the minority Protestant tradition, which embodies the complex interplay of faith, regulation, civic engagement, and cultural interaction in pluralistic and postsecular societies.

Key words: Seventh-day Adventists; religious minorities; Kazakhstan; post-Soviet society; theology; civic engagement; state-religious relations; healthcare reform; religious pluralism; bibliometric analysis.

Постановка проблемы. Современные исследования в области религиоведения, социологии религии и культурной антропологии всё чаще обращаются к проблемам функционирования религиозных меньшинств в постсекулярных обществах. Особое внимание уделяется таким явлениям, как трансформация религиозной идентичности, социокультурная интеграция верующих в секуляризованную среду и возникновение новых моделей религиозной мобильности. В этом контексте адвентистские общины, представляющие собой структурированную ветвь протестантского христианства,

известную как Церковь адвентистов седьмого дня (АСД), представляют собой важный, но малоизученный объект академического исследования, особенно в постсоветском контексте. Казахстан, как многоэтническое и многоконфессиональное государство, представляет собой уникальную площадку для анализа религиозного плюрализма и институциональных механизмов сосуществования религиозных групп в светских правовых рамках.

Несмотря на конституционные гарантии свободы вероисповедания и официальную регистрацию Церкви адвентистов седьмого дня в стране, в научной литературе наблюдается поразительный дефицит исследований, посвящённых религиозной жизни, общественной деятельности и культурной адаптации адвентистских общин в условиях Казахстана. Существующие исследования сосредоточены на основных религиозных традициях, таких как ислам и православие, в то время как адвентистские и протестантские группы остаются на периферии научного внимания. Отсутствие системного анализа по данной теме препятствует формированию комплексного понимания религиозного ландшафта Казахстана [5]. Это ограничивает возможность разработки сбалансированной государственной политики в сфере религии. Библиографический обзор литературы по адвентистским общинам позволяет оценить современное состояние академических знаний в этой области, выявить пробелы в научном дискурсе и наметить будущие направления социологических, религиоведческих и междисциплинарных исследований. Данное исследование особенно актуально в свете растущего общественного интереса к роли религиозных организаций в гражданском обществе, волонтерстве, здравоохранении, образовании и продвижении этических норм.

Традиционно активные в этих областях, адвентистские общины предоставляют ценный эмпирический материал для изучения религиозных механизмов социальной интеграции и гражданской активности. Таким образом, обзор литературы по изучению адвентистских общин отвечает современным академическим потребностям, способствует более глубокому пониманию религиозного многообразия Казахстана и обогащает теоретические и методологические основы будущих исследований религиозного плюрализма, межконфессионального диалога и конфессиональной политики [4].

Изложение основного материала. Изучение общин адвентистов седьмого дня в Казахстане представляет собой сложную и многослойную область, вписанную в более широкий контекст религиозного плюрализма, государственного регулирования и постсоветской реконструкции идентичности. В представленном ниже обзоре литературы обобщены ключевые научные работы, освещающие историческое развитие, теологическую идентичность, социально-политические ограничения и институциональные проблемы, с которыми сталкиваются адвентистские общины в Казахстане и более широком Центрально-Азиатском регионе. Глобальная история и теологические основы движения адвентистов седьмого дня имеют важное значение для контекстуализации его присутствия в Казахстане.

Краузе рассматривает положение адвентизма среди мировых религий, отмечая его отчетливую эсхатологическую направленность и миссионерскую ориентацию [13]. Он подчеркивает, что адвентистское богословие сохраняет уникальную идентичность, участвуя в межконфессиональном контексте, что актуально в многоконфессиональных условиях, таких как Казахстан.

Кэмпбелл развивает эту перспективу, анализируя развитие адвентистского богословия в азиатском контексте [6]. Он утверждает, что адвентизм исторически адаптировался к культурным особенностям, сохраняя при этом свою доктринальную основу, особенно интерпретацию пророчеств, субботы и реформу здоровья. Эти богословские основы остаются центральными для общин адвентистов седьмого дня в Казахстане, где религиозные группы часто стремятся к легитимности посредством стабильности доктрины. Советское наследие играет важную роль в обсуждениях религиозных движений в Центральной Азии.

Пейруз подробно описывает механизмы слежки, репрессий и подпольной религиозной жизни при советской власти, описывая, как адвентистские общины организовывали подпольные издательские операции и поддерживали диссидентские сети. Пример реформированного адвентистского лидера иллюстрирует риски религиозного сопротивления в условиях советского авторитаризма. Пейруз далее исследует

инструментализацию христианства, включая адвентизм, как советским государством, так и националистическими деятелями в постсоветский период. Он отмечает, что адвентистские церкви, наряду с баптистскими и пятидесятническими конфессиями, стали символами западного влияния и, следовательно, частыми объектами подозрений в ранний период независимости. После обретения независимости Казахстан принял политику религиозной свободы, которая трансформировалась в двойную стратегию толерантности и контроля.

Андерсон отмечает, что, несмотря на формальную приверженность плюрализму, государственные институты налагают существенные ограничения на религиозные меньшинства, особенно на «нетрадиционные» группы, такие как адвентисты [1]. К этим ограничениям относятся регистрационные барьеры, цензура литературы и исключение публичного дискурса.

Корнелл, Старр и Такер тщательно анализируют государственную нормативную базу, описывая казахстанскую модель как гибрид франко-турецкого принципа светскости и российской модели поддерживаемых государством «традиционных» религий [9]. В рамках этой модели адвентистские общины часто сталкиваются с давлением, вынуждающим их подчиняться бюрократическим нормам, при этом не имея доступа к механизмам государственной поддержки, распространяющимся на ислам и православие.

Байтенова, Мейрбаев и Байжума подчеркивают, что, несмотря на эти проблемы, в Казахстане сформировалась уникальная постсекулярная религиозная среда, где межрелигиозная гармония поддерживается на институциональном уровне [4]. Однако они признают, что группы меньшинств, такие как адвентисты, остаются на периферии государственного нарратива о религиозном развитии. На местном уровне адвентистские общины в Казахстане формируются как глобальными конфессиональными рамками, так и национальными правилами.

Анализ показывает, что внутренние разногласия по вопросам пророчества, лидерства и церковного управления порой приводят к фрагментации местных адвентистских общин, затрудняя их взаимодействие с государственными учреждениями.

Тем временем Топчиев и др. представляют сравнительный анализ, анализируя протестантские сети в Северном Каспийском регионе, включая адвентистские. Результаты исследования показывают, что, хотя адвентистские общины относительно невелики, они демонстрируют активную виртуальную активность и активное взаимодействие с сообществом через социальные сети. Эта адаптация критически важна в условиях, когда физическая евангелизация ограничена.

Повторяющейся темой в литературе является восприятие адвентистов как иностранцев или сектантов. Бижанов и др. критикуют двойственную политику религиозности и светскости в Казахстане, утверждая, что нетрадиционные религиозные группы часто представляются как угроза национальной сплоченности [5]. В силу своей евангелической позиции и иностранных корней, адвентистские общины особенно подвержены такому фреймингу.

Саммерс и др. подчеркивают усилия правительства Казахстана по содействию религиозной гармонии посредством межконфессионального диалога. Однако их анализ показывает, что участие адвентистов в этих спонсируемых государством платформах остаётся маргинальным, часто ограничиваясь их классификацией как конфессии меньшинства.

В данном исследовании используется систематический библиографический обзор, основанный на методологии PRISMA (Предпочтительные элементы отчетности для систематических обзоров и метаанализов), которая обеспечивает прозрачность и воспроизводимость отбора и анализа литературы. Библиометрический компонент исследования сосредоточен на рецензируемых журнальных статьях, посвященных теме адвентистских общин, в частности, вопросам религиозной идентичности, социокультурной интеграции и государственно-религиозных отношений в постсоветском и центральноазиатском контекстах. Библиографические данные были получены из Scopus – междисциплинарной базы данных рефератов и цитирований, обеспечивающей всесторонний охват публикаций по социальным наукам. Поиск проводился с использованием функции TITLE-ABS-KEY со следующим запросом: LIMIT-TO (EXACTKEYWORD, «Религия») OR; LIMIT-TO (EXACTKEYWORD, «Адвентист») OR;

LIMIT-TO (EXACTKEYWORD, «Духовность») OR; LIMIT-TO (EXACTKEYWORD, «Адвентисты») OR; LIMIT-TO (EXACTKEYWORD, «Адвентизм») OR; LIMIT-TO (EXACTKEYWORD, «Образ жизни») OR; LIMIT-TO (EXACTKEYWORD, «Религиозность») OR; LIMIT-TO (EXACTKEYWORD, «Ислам») OR; LIMIT-TO (EXACTKEYWORD, «Коммунизм») OR; LIMIT-TO (EXACTKEYWORD, «Общественная организация») OR; LIMIT-TO (EXACTKEYWORD, «Образ жизни»). Этот поиск был разработан для выделения научной литературы на стыке адвентистских исследований, религиоведения и региональной специфики (например, Центральная Азия, Казахстан). Он был ограничен журнальными статьями в области искусства, гуманитарных наук и социальных наук.

Изначально в результате поиска в базе данных была выявлена 291 запись. Перед скринингом 57 записей были удалены из-за дублирования, автоматической фильтрации или по другим причинам. После скрининга 234 записей 23 были исключены по названию и аннотации. Из 211 отчётов, запрошенных для поиска, 87 не были найдены. Из 124 полнотекстовых отчётов, проверенных на соответствие требованиям, 34 были исключены из-за методологического несоответствия. В результате в окончательный обзор было включено 90 исследований.

В итоговых статьях журнала, отобранных в ходе систематического обзора, проведенного с помощью PRISMA, раскрывается несколько основных тематических областей:

- теологическая идентичность и развитие доктрины;
- религиозные меньшинства и постсоветское регулирование;
- гражданская активность и образ жизни адвентистов;
- восприятие адвентизма в многоконфессиональных обществах.

1. Теологический и доктринальный фокус. Значительная часть литературы, проанализированной в данном обзоре, подчеркивает теологические основы и доктринальную эволюцию адвентистской церкви седьмого дня (АСД) в глобальном масштабе и в конкретных социокультурных контекстах, таких как Центральная Азия. Эти исследования подчеркивают, как теологическая идентичность служит объединяющей основой для адвентистских общин, обеспечивая внутреннюю согласованность и направляя общинную практику даже в условиях различного политического и социального давления. Одной из ключевых теологических особенностей, постоянно подчеркиваемых авторами, является эсхатологическое мировоззрение адвентизма, сосредоточенное на неизбежном Втором пришествии Христа. Эта вера не только формирует практику поклонения и евангелизационные приоритеты, но и формирует адвентистское понимание истории, морали и социальной ответственности. Краузе (2010) определяет адвентизм как религию, занимающую уникальное положение среди мировых христианских конфессий благодаря своей ярко выраженной пророческой ориентации, в частности, толкованию книг Даниила и Откровения. Эти эсхатологические темы – не просто абстрактные богословские конструкции; они напрямую влияют на жизнь сообщества, миссионерскую деятельность и институциональную организацию. С эсхатологией тесно связано соблюдение седьмого дня – субботы, которая остаётся одним из самых заметных и неоспоримых маркеров адвентистской идентичности. Соблюдение субботы выполняет одновременно функцию духовной дисциплины и пограничного маркера, отличающего адвентистов от окружающих религиозных и светских культур. Эта практика оказывает влияние на образование, трудовые отношения и социальную интеграцию, особенно когда соблюдение воскресенья является культурно или институционально доминирующим [14].

Другой ключевой доктринальной темой является приверженность адвентистов реформе здравоохранения и этике образа жизни, часто называемой в литературе «вестью о здоровье». Она включает в себя такие принципы, как вегетарианство, воздержание от алкоголя и табака, а также акцент на профилактическую медицину и физическую активность. Кэмпбелл анализирует, как эти практики являются не только теологическими императивами, но и инструментами культурного взаимодействия [6]. В постсоветском и центральноазиатском контекстах, где инфраструктура общественного здравоохранения неравномерна, а традиционная медицина сохраняет свое влияние, адвентистская весть о здоровье часто объединяет религиозные ценности и общественное

служение. Образовательный этос адвентизма также становится постоянной темой. Основанная на убеждении в неразрывности духовного и интеллектуального развития, глобальная адвентистская система образования продвигает целостную модель обучения, которая объединяет веру и обучение. Хотя количество учебных заведений АСД в Казахстане ограничено, в нескольких статьях отмечается, что родители-адвентисты отдают приоритет религиозному образованию, часто дополняя государственное образование церковными программами. Это отражает более широкую тенденцию создания параллельных институтов для сохранения религии и передачи культуры. Более того, в литературе подчеркивается глобальная взаимосвязь адвентистского богословия.

Несмотря на местные различия и контекстуальные адаптации, общины АСД в Казахстане и Центральной Азии остаются тесно связанными с всемирной адвентистской сетью посредством общих доктрин, глобальной политики Генеральной конференции и транснациональных миссионерских структур. Эта связь способствует поддержанию богословского единообразия и обеспечивает стратегическую поддержку в решении местных проблем. Она также позволяет адвентистам Центральной Азии участвовать в международных конференциях, получать богословское образование за рубежом и получать доступ к конфессиональным СМИ на разных языках. В нескольких исследованиях рассматриваются внутриконфессиональные противоречия и теологические дебаты внутри адвентистских общин. К ним относятся разногласия по поводу толкования пророчеств, моделей лидерства и методов евангелизации. Хотя такие споры не являются уникальными для Казахстана, их последствия могут быть более выраженными в условиях, где религиозные меньшинства уже действуют в условиях правовых и социальных ограничений. Фрагментация или доктринальные споры могут ослабить способность сообщества взаимодействовать с государственными институтами или поддерживать согласованное общественное присутствие.

2. Религиозные меньшинства и постсоветское регулирование. После распада Советского Союза новые независимые государства, такие как Казахстан, унаследовали сложное наследие в управлении религиозной жизнью. В то время как конституционные рамки официально гарантируют свободу совести и убеждений, постсоветские правительства разработали гибридные режимы регулирования, которые сочетают либеральный конституционный язык с бюрократическим контролем, надзором и выборочными механизмами принуждения. Для религиозных меньшинств, таких как адвентисты седьмого дня, этот контекст представляет собой постоянную проблему для видимости, признания и законной деятельности. Такие меры являются частью более широкой «секьюритизации» религии, где нетрадиционные группы рассматриваются как потенциальные угрозы национальной сплоченности и находятся под пристальным контролем Комитета национальной безопасности.

Несмотря на эти ограничения, адвентистские общины продемонстрировали устойчивость и способность к адаптации. Многие действуют через неформальные домашние церкви, формируют региональные сети для обмена ресурсами и полагаются на международные адвентистские структуры для обучения и обеспечения доктринальной согласованности. Их деятельность часто перенаправляется в менее политизированные сферы, такие как медицинское образование, гуманитарная работа и частное религиозное образование, которые служат инструментами религиозного самовыражения и взаимодействия с обществом [8, 11]. Опыт адвентистов седьмого дня в Казахстане иллюстрирует парадокс постсоветского религиозного плюрализма: в то время как множество конфессий существуют и действуют в рамках правовых структур, неравное обращение, символическая маргинализация и административное бремя продолжают формировать жизненную реальность нетрадиционных религиозных общин.

3. Адвентистская гражданская активность и образ жизни. Церковь адвентистов седьмого дня давно подчеркивает целостный подход к вере, объединяющий теологию с гражданской ответственностью и личной этикой. В основе этого видения лежат такие столпы, как медицинское просвещение, гуманитарная деятельность, этичные образ жизни и общественное служение. В Казахстане, где религиозное выражение вне рамок признанных государством структур сталкивается с правовыми и бюрократическими ограничениями, адвентистская гражданская активность часто принимает неформальные или полуинституциональные формы. Несмотря на эти ограничения, в литературе все

чаще описывается, как адвентистские общины вносят вклад в гражданское общество и поддерживают религиозную видимость через альтернативные каналы. Одним из наиболее заметных направлений такого взаимодействия является адвентистская «весть о здоровье» – система этики образа жизни, основанная на доктринах, с акцентом на вегетарианстве, физической активности, профилактической медицине и воздержании от алкоголя, табака и других веществ, вызывающих зависимость. Эти практики являются богословскими императивами и культурными инструментами для выражения моральной дисциплины и групповой идентичности. В таких условиях, как Казахстан, где инфраструктура общественного здравоохранения неравномерна, а интерес к естественному оздоровлению растёт, принципы образа жизни адвентистов позволяют верующим участвовать в инициативах социального развития, одновременно укрепляя их религиозные убеждения. Отти в своём исследовании этики здоровья адвентистов седьмого дня (АСД) подчёркивает, как общество в целом часто интерпретирует эти практики как признаки честности и личной дисциплины, косвенно укрепляя гражданскую легитимность Церкви. С этим тесно связано соблюдение седьмого дня – субботы, которая является не просто религиозным ритуалом, но и социально-культурным маркером, отличающим адвентистов от окружающих религиозных и светских общин. Соблюдение субботы с вечера пятницы до заката субботы в обществе с преобладающим мусульманским большинством или ориентированном на воскресенье выступает в качестве контркультурной практики и богословского свидетельства. Линзи утверждает, что такие ритуалы могут служить социально-этическим протестом против потребительских и светских моделей переутомления и разобщённости, укрепляя духовные ритмы в рамках общественной структуры [17]. В Казахстане, где государственный нейтралитет по отношению к религии сочетается с административным контролем, суббота является тихой, но заметной формой общественного свидетельства.

Наряду с этими практиками образа жизни адвентистские общины в Казахстане все чаще используют цифровые медиа для охвата внутренней и внешней аудитории. В условиях ограничений на публичную евангелизацию и государственного контроля за физическими собраниями, онлайн-платформы стали ключевыми инструментами продвижения адвентистских ценностей. Инициативы включают прямые трансляции проповедей, виртуальные семинары по здоровью и цифровые изучения Библии.

Бадоррек отмечает, что этот сдвиг открыл возможность для новой формы целостного ученичества, где этика образа жизни и миссионерская работа объединены в гибридную модель, подходящую для жестких ограничений и молодой аудитории [3]. В Казахстане такие усилия позволяют адвентистам участвовать в малорискованном, но эффективном гражданском присутствии. Более того, хотя количество официальных адвентистских школ и клиник остается ограниченным из-за нормативных и финансовых ограничений, общественные услуги, такие как организованные волонтерами выставки по здоровью, семинары по семейному образованию и неформальные субботние школы, предоставляют возможности для местного участия.

Бадагулова описывает, как адвентистские ценности передаются через институциональные структуры, неформальные сети и домашние образовательные инициативы, часто выполняя двойную функцию: религиозное обучение и общественную деятельность [2]. Гражданская активность адвентистов в Казахстане отражает более широкую модель стратегической адаптации в рамках ограниченных религиозных ландшафтов. Благодаря этике, основанной на образе жизни, цифровым инновациям и работе с населением, общины адвентистов седьмого дня вносят значимый вклад в общественное благо, сохраняя и распространяя свою самобытную религиозную идентичность. Эти усилия демонстрируют, как религиозные убеждения в сочетании с гражданским намерением могут служить средством этического присутствия и культурного диалога даже в условиях ограниченной религиозной свободы.

4. Восприятие адвентизма в многоконфессиональных обществах. В многоконфессиональных обществах, таких как Казахстан, восприятие религиозных групп формируется не только теологическими или доктринальными факторами, но и социально-политическими нарративами, фреймингом СМИ и государственной политикой. В этой ситуации Церковь адвентистов седьмого дня, несмотря на свою мирную, аполитичную позицию и сильный акцент на служении и нравственной

дисциплине, часто сталкивается с ложной трактовкой как сектантскую, находящуюся под иностранным влиянием или социально подозрительную организацию. Такое восприятие имеет ощутимые последствия для известности адвентистов, участия в публичном религиозном дискурсе и межконфессиональной интеграции. Адвентистов в Казахстане часто относят к широкой категории «нетрадиционных» протестантских конфессий. Эта классификация, основанная на постсоветской религиозной политике и конструктах национальной идентичности, часто подразумевает иностранное происхождение, культурную несовместимость или скрытую угрозу. Категоризация поддерживается официальной риторикой и общественным невежеством в отношении протестантского многообразия. В результате вклад адвентистов в общественную жизнь, особенно в таких областях, как здравоохранение, образование и социальное обеспечение, часто игнорируется или неверно истолковывается. Осторожное отношение государства к евангелизации еще больше усиливает маргинализацию адвентистов. Однако она распространена в различных постсоветских и центральноазиатских государствах, где религиозное многообразие допускается, но не нормализуется. Несмотря на эти проблемы, наблюдаются признаки постепенной трансформации общественного восприятия, особенно в регионах, где местные общины адвентистов участвуют в видимой общественной или гуманитарной деятельности. Ларкин (2001) отмечает, что религиозные меньшинства, которые вносят постоянный вклад в общественную жизнь и избегают политических споров, иногда могут изменить отношение местного населения, даже если сохраняются стереотипы на национальном уровне. Это было особенно заметно в Казахстане в сельских или пригородных районах, где адвентисты проводят программы здравоохранения или образовательные семинары. Эти местные усилия предоставляют возможности для переосмысления адвентистской идентичности не как разрушительной или чуждой, а как социально конструктивной и этически обоснованной.

Выводы. Данное исследование демонстрирует, что академическое изучение адвентистских общин, особенно в Центральной Азии и постсоветском пространстве, представляет собой развивающуюся, но фрагментированную область, характеризующуюся тематическим богатством, дисциплинарным разнообразием и постоянным методологическим развитием. Благодаря систематическому библиографическому обзору и визуальному анализу ключевых слов, исследование выявило четкие кластеры научного интереса, охватывающие теологическую идентичность и доктринальную целостность, гражданскую активность, государственное регулирование и проблемы общественного восприятия в многоконфессиональных обществах. В результате этого синтеза возникает более четкое понимание того, как функционируют и адаптируются адвентистские общины, а также более широкое осмысление эпистемических предубеждений в религиоведческой науке. Несмотря на глобальное присутствие адвентистов и их активный вклад в гражданское общество, здравоохранение и образование, они остаются маргинализированными в национальных исследовательских программах. Это упущение говорит о сохраняющемся влиянии институционального контроля, идеологического наследия и избирательной видимости, предоставляемой религиозным деятелям в рамках государственного плюрализма.

Результаты также подчеркивают, как адвентистские общины преодолевают структурные ограничения посредством двойной стратегии транснациональной взаимосвязанности и локальной адаптивности. Их теологическая стабильность и ориентированный на здоровье этос служат внутренними ресурсами и инструментами для внешних переговоров. В условиях, где открытая евангелизация или публичная религиозность могут быть ограничены, такие характеристики обеспечивают устойчивое, осмысленное и этическое присутствие. Наконец, данное исследование вносит вклад в продолжающиеся усилия по плюрализации и деколонизации изучения религии, выдвигая на первый план сообщество, которое действует на стыке глобального протестантизма и региональной постсоветской сложности. Оно призывает будущие исследования к использованию более тонких, основанных на полевых исследованиях и интерактивных методологий, выходящих за рамки статичных категорий «традиционной» и «нетрадиционной» религии. Адвентистские общины, отнюдь не являясь периферийными, предлагают стратегическую точку зрения для понимания того, как вера, управление, общественная жизнь и культурная идентичность согласуются в современных обществах.

Список литературы:

1. Anderson, J. Social, political, and institutional constraints on religious pluralism in Central Asia / J. Anderson // *Journal of Contemporary Religion*. – 2002. – Vol. 17, № 2. – P. 181-196
2. Badagulova, Z. Religious institutions and religious education in Kazakhstan / Z. Badagulova. – Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2017.
3. Badorrek, C. Missional Leaders' Multiplication Through Holistic Discipleship: The Fishermen Project as a Model for German Millennials in the Central Rhenish Conference / C. Badorrek. – 2022.
4. Baitenova, N. Trends in the development of the religious situation in post-secular society in Kazakhstan over the years of independence / N. Baitenova, V. Meirbayev, S. Baizhuma // *Вестник КазНУ. Серия Религиоведение*. – 2021. – Т. 26, № 2. – P. 4-9
5. Bizhanov, A. The politics of secularity/religiosity in Kazakhstan / A. Bizhanov, A. Amrebaev, E. Burova, N. Seitakhmetova // *Central Asia & the Caucasus*. – 2019. – Vol. 20, № 4.
6. Campbell, M.W. The Development of Seventh-day Adventist Theology within an Asian Context / M.W. Campbell // *Journal of Adventist Mission Studies*. – 2015. – Vol. 11, № 2. – P. 195-204
7. Cipriani, R. Introduction for Special Issue “The Role of Religions in a Pluralistic Society” / R. Cipriani, R. Ricucci // *Religions*. – 2023. – Vol. 14, № 11. – P. 1414.
8. Collins, K. Faith and Reason: Christian Strategies Under Post-Soviet Repression in Central Asia / K. Collins // *The Review of Faith & International Affairs*. – 2017. – Vol. 15, № 1. – P. 43-55
9. Cornell, S.E. Religion and the secular state in Kazakhstan / S.E. Cornell, S.F. Starr, J. Tucker. – Central Asia-Caucasus Institute, Paul H. Nitze School of Advanced International Studies, 2017.
10. Hilgers, I. Why do Uzbeks have to be Muslims?: Exploring religiosity in the Ferghana Valley / I. Hilgers. – Münster: LIT Verlag, 2009. – Vol. 22.
11. Karstina, S.G. Analysis of the Model of Interconfessional Relations in Modern Kazakhstan / S.G. Karstina, V. Slovakova. – 2023.
12. Kiviorg, M. Religious Freedom and Security in Eastern Europe and Central Asia / M. Kiviorg // *Staat-Religion-Recht*. – 2020. – P. 393-410. – Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG.
13. Krause, G. Adventism among the world religions / G. Krause // *Journal of Adventist Mission Studies*. – 2010. – Vol. 6, № 2. – P. 93-109
14. Kuhn, W. Adventist theological-missiology: Contextualization in mission and ministry / W. Kuhn // *Journal of the Adventist Theological Society*. – 2016. – Vol. 27, № 1. – P. 10.
15. Kurmanalieva, A.D. Phenomena of Religious Intolerance and ‘Pseudo-Islamic’ Extremism in the Republic of Kazakhstan / A.D. Kurmanalieva // *ҚазҰУ ХАБАРШЫСЫ*. – 2013. – № 2. – P. 9.
16. Larkin, B. International Religious Freedom (2000): Report to Congress by the Department of State / B. Larkin. – Diane Publishing, 2001.
17. Linzey, A. The Routledge Handbook of Religion and Animal Ethics / A. Linzey, C. Linzey. – London: Routledge, 2019.
18. Marshall, P.A. Religious Freedom in the World / P.A. Marshall. – Rowman & Littlefield, 2008.

**РАБОТА НАД ПОНИМАНИЕМ ИНОСТРАНЦАМИ АУТЕНТИЧНОГО ТЕКСТА:
ИРОНИЯ В РАССКАЗАХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ****Петрова Лиллия Геннадиевна,**кандидат педагогических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет «НИУ БелГУ» (г. Белгород);**Котяш Ирина Анатольевна,**магистр филологии
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет «НИУ БелГУ» (г. Белгород)

Аннотация. В статье говорится о необходимости обучения студентов умению распознавать иронию и юмор в художественных произведениях. В ходе обучения РКИ преподаватель может выбрать для чтения то или иное литературное произведение. Иногда иностранным студентам приходится читать рассказы, в которых встречаются юмористические или иронические моменты. Авторы подчеркивают, что распознавать смешное, тем более, иронию на иностранном языке, непросто. Это связано с тем, что то, что в одной культуре может восприниматься как безобидная шутка или остроумная ирония, в другой может быть расценено как оскорбление или проявление неуважения, поэтому преподавателям приходится объяснять студентам определенные моменты текста и пояснять, какую идею автор хотел донести до читателя. Приводятся примеры работы преподавателя со студентами над каждым предложением, в котором содержится то или иное ироничное содержание, а также анализ средств, позволяющих достичь юмористического эффекта или добиться иронии.

Ключевые слова: обучение РКИ, чтение, понимание, анализ, ирония, смешное.

Annotation. The article discusses the need to teach students the ability to recognize irony and humor in works of fiction. During the course of teaching RFL, a teacher can choose to read a particular literary work. Sometimes foreign students have to read stories that contain humorous or ironic moments. The authors emphasize that recognizing something funny, especially irony, in a foreign language is not easy. This is due to the fact that what may be perceived as a harmless joke or witty irony in one culture may be regarded as an insult or a sign of disrespect in another, so teachers have to explain to students certain moments of the text and clarify what idea the author wanted to convey to the reader. Examples of the teacher's work with students on each sentence containing one or another ironic content are given, as well as an analysis of the means that allow achieving a humorous effect or achieving irony.

Key words: teaching Russian as a foreign language, reading, understanding, analysis, irony, funny.

Постановка проблемы. Изучение русского языка представляет собой сложную задачу для иностранных учащихся, требующую значительных временных и интеллектуальных затрат. На начальном этапе знакомство с целевым языком происходит при использовании привычных средств обучения: учебников и учебных пособий. В это время у иностранных обучающихся формируются произносительные навыки, закладываются основы грамматических и лексических знаний, первичные коммуникативные умения. Однако, чтобы овладеть русским языком на достаточном для обучения на нем в вузах России уровне, а затем и освоить профессию преподавателя русского языка, необходимо не только знать основы грамматики и необходимый минимум лексики, научиться читать и писать, но и уметь извлекать смысл из всего читаемого как на уроке под руководством преподавателя, так и при самостоятельном чтении. В ходе обучения РКИ преподаватель может выбрать для чтения то или иное литературное произведение. Иногда иностранным студентам приходится читать рассказы, в которых встречаются юмористические или иронические моменты. Русский язык располагает богатым арсеналом языковых средств для создания комического эффекта, включая шутки, анекдоты и каламбуры, которые оказывают значительное

влияние на восприятие смеха в данной культуре. Русский юмор часто характеризуется сарказмом, иронией и самоиронией. Как отмечал Федор Достоевский: «Не понимает человек шутки – пиши пропало! И знаете: это уж ненастоящий ум, будь человек хоть семи пядей во лбу» [2]

Изложение основного материала. Рассуждая на эту тему, филолог Н.Д. Арутинова считает, что распознавать смешное, тем более, иронию на иностранном языке, – непросто. Важно помнить о том, что то, что в одной культуре может восприниматься как безобидная шутка или остроумная ирония, в другой – может быть расценено как оскорбление или проявление неуважения [1, С. 65]. Мы разделяем точку зрения Ю.А. Кирюхина, который считает, что «...ирония, представляя собой одну из распространенных форм комического, характеризуется тем, что классификация ее видов основывается на ценностном отношении субъекта к объекту осмеяния» [4, С. 15], поэтому преподавателям приходится объяснять студентам определенные моменты текста и пояснять, какую идею автор хотел донести до читателя.

Феномен смеха является уникальным и многогранным явлением, отражающим культурные особенности каждого общества. В русской лингвокультуре смех обладает особым значением, отражающим национальный менталитет и традиции. Он воспринимается не только как выражение радости и юмора, но и как средство преодоления жизненных трудностей. Известная русская пословица: «Смех без причины – признак дурачины» подчеркивает, что смех в России часто сопряжен с более глубокими смыслами и целями.

Как отмечает исследователь Е.А. Евстигнеева, «потенциал юмора как в дидактическом, так и в воспитательном аспектах преподавания русского языка как иностранного еще недостаточно исследован, и методы его применения в педагогическом процессе требуют дальнейшей разработки. Основная проблема в обучении распознаванию юмора и иронии заключается в отсутствии единой теории комического, которая могла бы систематизировать все виды и формы комизма. Смех – это эмоциональная эстетическая форма критики» [3, С. 3].

Таким образом, для того чтобы постепенно обучить студентов умению распознавать иронию и юмор в художественных произведениях, нужна кропотливая работа преподавателя со студентами над каждым предложением, в котором содержится то или иное ироничное или юмористическое содержание, а также востребован анализ средств, позволяющих достичь юмористического эффекта или добиться иронии.

В качестве примера художественного текста, «пропитанного», на наш взгляд, иронией, рассмотрим несколько отрывков из рассказа Антона Павловича Чехова «Светлая личность».

Светлая личность – это произведение, в котором автор затрагивает темы человеческой природы, социальных отношений и внутреннего конфликта. В этом рассказе Чехов мастерски передает характеры персонажей и их взаимодействие, создавая атмосферу, полную насмешки и глубокой наблюдательности. Произведение наполнено тонким юмором и иронией, что делает его актуальным и по сей день. Чехов умело использует диалоги и описание, чтобы создать живые образы и передать сложные эмоции.

Суть рассказа в том, что повествователь, наблюдая за соседкой, живущей в квартире, расположенной напротив его окна, сначала влюбляется в нее, так как она кажется ему умной и одухотворенной личностью. Однако, познакомившись с ней, он понимает, что многое ему всего лишь показалось.

Читая с иностранными студентами – будущими филологами этот рассказ, мы обращаем внимание не только на его сюжетную линию, но и комментируем каждое предложение, в котором содержится интересующий нас языковой материал.

Итак, начнем с самого начала: «Против моих окон, заслоня для меня солнце, высится громадный рыжий домище с грязными карнизами и поржавленной крышей. Эта мрачная, безобразная скорлупа содержит в себе, однако чудный, драгоценный орешек!» [5].

В приведенном отрывке присутствует ирония. Описание «громадного рыжего домища с грязными карнизами и поржавленной крышей» создает негативный образ, который контрастирует с последующей фразой о «чудном, драгоценном орешке».

Противопоставление показывает, что, несмотря на некрасивый внешний вид и общее впечатление от здания, внутри него может находиться что-то прекрасное и очень ценное. Такой контраст создает эффект иронии: ожидания не совпадают с реальностью. Для создания этого эффекта используются следующие знаки препинания: запятая разделяет части сложносочинённого предложения, помогая подчеркнуть контраст между мрачным описанием дома и положительной характеристикой, «чудного, драгоценного орешка». Восклицательный знак, который использован в конце предложения, усиливает эмоциональную окраску, подчеркивая удивление пополам с иронией.

Таким образом, основное средство достижения иронии в данном эпизоде – это контраст между негативным и позитивным описанием, а также точное использование запятых для создания пауз и акцентов.

«Каждое утро в одном из крайних окон я вижу женскую головку, и эта головка, я должен сознаться, заменяет для меня солнце! Я люблю ее не за красоту...» [5]. В приведенных фразах используются запятые для выделения вводных слов и пояснительных конструкций, что подчеркивает ироничный контраст между мрачным описанием дома и красотой женской головки. Например, запятая перед фразой: «я должен сознаться» создает паузу, усиливающую эффект признания. Восклицательный знак подчеркивает эмоциональную окраску признания автора: «заменяет для меня солнце», что придает тексту выразительность и подчеркивает важность этого образа для говорящего. Многоточие в конце фразы: «Я люблю ее не за красоту...» создает эффект незавершенности мысли и вызывает у читателя дополнительный интерес, добавляет глубины иронии, а также намекает на то, что существует нечто большее, чем просто внешность, что подтверждается в следующих строках:

«В узеньких серых глазках, в крупных веснушках и в вечных папилютках из газетной бумаги нет ничего красивого. Люблю я ее за некоторые индивидуальные особенности ее возвышенного интеллекта» [5].

Первая часть фразы: «в узеньких серых глазках, в крупных веснушках и в вечных папилютках из газетной бумаги нет ничего красивого» описывает персонажа с явно негативной коннотацией. Однако далее следует утверждение: «Люблю я ее за некоторые индивидуальные особенности ее возвышенного интеллекта», что создает контраст между внешним описанием и внутренними качествами, которые, по мнению автора, делают её достойной любви.

Этот контраст и использование таких словосочетаний, как «возвышенный интеллект», в сочетании с описанием внешности, делают высказывание ироничным. Мы думаем, что автор, скорее всего, намекает на то, что, несмотря на непривлекательную внешность, есть что-то ценное в её внутреннем мире. Выражению оттенка иронии способствуют запятые. Они используются для выделения уточняющих или пояснительных фраз. Например, в предложении: «в крупных веснушках и в вечных папилютках из газетной бумаги нет ничего красивого» запятые помогают отделить его части, что способствует созданию контраста между внешностью и внутренними качествами персонажа.

Остановимся на знаках препинания, которые помогают выразить иронию в этом отрывке:

1. Точка отделяет две части предложения, создавая паузу, что усиливает контраст между негативным описанием внешности и положительным утверждением о некоем внутреннем качестве.
2. Запятая используется для разделения частей сложносочинённого предложения, подчеркивая структуру и контраст.

Таким образом, сочетание упомянутых знаков препинания помогает задать тексту ироничный и эмоциональный тон.

Рассматривая следующие строки: «Я отчасти психолог и знаток человеческого сердца. Психические явления, наблюдаемые мною в окне, доступны моему пониманию, как таблица умножения» [5], отметим, что ирония здесь выражается через обозначение собственной значимости во фразе: «Я отчасти психолог и знаток человеческого сердца», особенно учитывая последующее заявление о том, что психические явления понимаются им так же легко, как таблица умножения. Это создает комический эффект, так как очевидно, что понимание человеческой психики – гораздо более сложная задача.

Несоответствие между сложностью объекта и легкостью его понимания мы видим в сопоставлении «психических явлений» (сложный и многогранный объект изучения) с «таблицей умножения» (простой и однозначный набор знаний), что подчеркивает абсурдность ситуации.

Контекст (неизвестен, но подразумевается): если предположить, что говорящий находится в ситуации, где его компетенция ставится под сомнение, или где он сталкивается с трудностями в понимании происходящего, ирония звучит еще более явно.

В приведенных выше строках используются запятые для разделения частей предложения, что помогает выделить ключевые моменты и создает паузы, усиливающие эффект иронии. Запятая после «отчасти» несколько смягчает заявление, как бы говоря: «Я, конечно, не профессиональный психолог, но...».

Таким образом, сочетание описанных элементов помогает передать иронию автора.

«Гм... Очевидно, известия, сообщаемые сегодняшними газетами, благоприятны... Очень рад... Вероятно, мою незнакомку радует поведение Цанкова и последняя речь Гладстона. Быть может, ее приятно волнует и многообещающее свидание Бисмарка с Кальноки... Очень может также стать, что в сегодняшних номерах она узрела рождение нового русского таланта... Во всяком случае, я очень рад... Редким женщинам доступны радости такого высшего качества!» [5].

В этой части налицо явное несоответствие между «блаженной улыбкой» молодой женщины и теми причинами, которые ей приписываются: «поведение Цанкова», «речь Гладстона», «свидание Бисмарка с Кальноки». Названные события, очевидно, не являются теми, что обычно вызывают такую улыбку у молодых женщин.

Фраза «Очень рад...» повторяется несколько раз, но эта радость кажется натянутой и неуместной, учитывая указанные причины. Предполагается, что слушатель (или читатель) знает, что истинные причины «блаженной улыбки», скорее всего, далеки от политики и международных отношений. Говорящий как бы возвышается над «незнакомкой», иронично подчеркивая «высокий» уровень ее интересов и то, что ее радости – это «рады такого высшего качества», недоступные обычным женщинам. Эта фраза более чем иронична, в ней сквозит сарказм.

Ирония здесь используется для выражения определенного отношения к женщине и к обществу в целом. Говорящий, вероятно, считает, что женщины интересуются только поверхностными вещами, а приписывание ей интереса к политике – это лишь ироничный прием, позволяющий высмеять как ее, так и общепринятые представления о женских пристрастиях.

Ирония выражается многоточием в начале («Гм...») и в конце некоторых предложений («Очень рад...»).

Восклицательный знак после слов: «Очень рад...» передает чрезмерную, неестественную радость, которая не соответствует предполагаемым причинам.

Длинные, сложные предложения с обилием вводных слов («Вероятно», «Быть может», «Очень может также стать») создают ощущение надуманности и нарочитой интеллектуальности.

Использование возвышенных, устаревших слов «узрела» и формальных выражений усиливает эффект отстраненности и иронии.

Отрывок содержит ярко выраженную иронию, направленную на высмеивание как самой женщины, так и поверхностных представлений об интересах женщин в обществе. Это ирония, усиленная сарказмом и интеллектуальной насмешкой.

«И я в восторге начинаю шагать из угла в угол и восклицать:

– Чудное, редкое создание! Последнее слово женской эмансипации! О, побольше бы таких женщин! Такие именно женщины и нужны нам!» [5].

Ирония достигается здесь с помощью контраста между восхвалением и возможной критикой. Вот несколько элементов, которые помогают создать этот эффект:

Использование восклицательных знаков подчеркивает эмоциональность высказывания, что может вызывать у читателя сомнения в искренности.

Фраза: «Последнее слово женской эмансипации!» может восприниматься как чрезмерное преувеличение, что также указывает на иронический подтекст.

В зависимости от контекста, в котором это высказывание сделано, оно может быть воспринято как насмешка над идеализацией женщин или как искреннее восхищение, что создает многозначность.

Использование риторических оборотов и восклицаний также создает эффект иронии, так как они подчеркивают эмоциональный контраст.

Восклицательный знак подчеркивает эмоциональность и восторг говорящего, создавая комический эффект.

Запятые используются для разделения предложений и фраз, что помогает создать ритм и подчеркивает паузы в речи, усиливая выразительность.

Двоеточие в данном случае используется для введения прямой речи, что делает речь более яркой и выразительной.

Таким образом, сочетание этих элементов создает атмосферу иронии, заставляя читателя задуматься о настоящем смысле сказанного.

«Я чувствую, что благоговение мое мало-помалу обращается в страстную любовь. Да, я люблю ее! Боже, какая пропасть разделяет меня от нее! Душа ее полна гражданской скорби, я же давно уже потерял свои идеалы и, затертый средою, живу пошлыми интересами толпы...» [5].

В приведенном выше отрывке ирония ощущается в контрасте между глубокими чувствами, идеалами героя и его реальным положением. Герой осознает, что его чувства к женщине (благоговение, любовь) не соответствуют его текущему состоянию (пошлые интересы толпы). Это создает эффект ироничного разрыва между мечтами и реальностью и отражает внутренний конфликт персонажа.

В данном контексте используются запятые, многоточия и восклицательные знаки, которые помогают передать эмоциональное состояние героя и подчеркивают его внутренние противоречия. Например, многоточие в конце предложения создает паузу, позволяя читателю ощутить глубину переживаний героя.

Выводы. Таким образом, для того чтобы постепенно обучить студентов умению распознавать иронию и юмор в художественных произведениях, нужна кропотливая работа преподавателя со студентами над каждым предложением, в котором содержится то или иное ироничное или юмористическое содержание. Подробный анализ текста на предмет выявления в нем фраз с ироничным содержанием помогает, на наш взгляд, облегчить иностранным студентам понимание этого рассказа, в котором на паре страниц повествования Чехов сумел проследить путь от возвышенного преклонения перед женщиной до ошеломления от осмысления своего заблуждения. Подробное же комментирование преподавателем роли знаков препинания способствует усвоению обучающимися их стилистических функций на конкретных примерах.

Список литературы:

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1988. – 342 с.
2. Достоевский, Ф.М. Идиот / Ф.М. Достоевский. – URL: <https://ilibrary.ru/text/94/p.1/index.html> (дата обращения: 26.05.2025)
3. Евстигнеева, Т.А. Учет национальной специфики русского юмора в процессе обучения РКИ: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Т.А. Евстигнеева. – Санкт-Петербург, 2003. – 19 с.
4. Кирюхин, Ю.А. Ирония как актуальная форма комического: эстетика: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.04 / Ю.А. Кирюхин. – Москва, 2011. – 138 с.
5. Чехов, А.П. Светлая личность / А.П. Чехов. – URL: https://royallib.com/read/chehov_anton/svetlaya_lichnost.html (дата обращения: 26.05.2025)

СОДЕРЖАНИЕ

Айвезова Эльвина Арсеновна Асанова Алие Зиноровна Сидорова Виктория Витальевна	ДИЗАЙН-КОД ПОСЕЛКА ЗУЯ. СТАНДАРТ ОФОРМЛЕНИЯ И РАЗМЕЩЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОНСТРУКЦИЙ	4
Алимханова Асель Азаматовна Байтенова Нагима Жаулыбаевна	ГИБРИДНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ: СОЧЕТАНИЕ ОНЛАЙН И ОФЛАЙН В ПОВСЕДНЕВНОСТИ	10
Андрюшенко Ирина Александровна Кравченко Иван Васильевич	ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ИНТЕРАКТИВНЫЕ СЛОИ: ОПЫТ «СБОРКИ» МНОГОСЛОЙНОЙ КАРТЫ	15
Багаев Багдат Джомартбекович Балтымова Мира Рашидовна	ИСЛАМСКИЙ ФИКХ: ПОНЯТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ КАК НАУКИ	20
Байтенова Нагима Жаулыбаевна Абдуллин Алимжан Байгараев Жасулан Абдимуталипович	СВЕТСКОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ: БАЛАНС МЕЖДУ НЕЙТРАЛЬНОСТЬЮ И ПРАВАМИ УЧАЩИХСЯ	28
Борбасова Карлыгаш Молдагалиевна Алішер Алуа Бахытжанқызы	РОЛЬ СВЯЩЕННЫХ ТЕКСТОВ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ	33
Борбасова Карлыгаш Молдагалиевна Султанбаева Эльмира Серикбайкызы	ИДЕИ НАЦИОНАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УЧЕНИИ ПРЕСВИТЕРИАН	38
Вовк Екатерина Владимировна Дружинина Дарья Андреевна	МОНИТОРИНГ РЫНКА МАРКЕТПЛЕЙСОВ В РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЛАТФОРМ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ МАЛОГО БИЗНЕСА	43
Зайыркулова Рима Женишовна	КУЛЬТУРНО-СОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ЭПОСАХ «МАНАС» И «МАХАБХАРАТА»	49
Нурзат Мукан Джуматаева Айгуль Нурлановна	ПОНЯТИЕ ПОЗИТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ В КОРАНЕ И ЕГО СОЗВУЧИЕ С ПСИХОЛОГИЕЙ	55
Жамал Рамазан Алаудинович Бегалинова Калимаш Капсамаровна	РОЛЬ ЗНАНИЯ В КОРАНЕ И ХАДИСАХ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	59

Жаркимбаева Дана Бактубаевна Смагул Хамза Жумабекулы	КУЛЬТУРА ДОСУГА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН XVIII-XX ВВ. И СОВРЕМЕННОЕ КАЗАХСКОЕ ОБЩЕСТВО: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	63
Сидорова Виктория Вадимовна Золотухин Юрий Витальевич	РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОДЫ	74
Кокорина Екатерина Георгиевна	ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА В РОССИЙСКОМ КИНО	79
Кокорина Екатерина Георгиевна Челенгерова Эвелина Ибрайимовна Летунова Анна Юрьевна	ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕТИПА ГЕРОИНИ В ТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ	83
Костьянов Александр Викторович Горбунова Галина Александровна	СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ХУДОЖНИКОВ	88
Мейирбаев Бекжан Берикбаевич Акмадияр Забира	МУСУЛЬМАНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ	94
Назбекова Салтанат Турганбековна Борбасова Карлыгаш Молдагалиевна	ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ АДВЕНТИСТСКИХ ОБЩИН	100
Петрова Лиллия Геннадиевна Котяш Ирина Анатольевна	РАБОТА НАД ПОНИМАНИЕМ ИНОСТРАНЦАМИ АУТЕНТИЧНОГО ТЕКСТА: ИРОНИЯ В РАССКАЗАХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ	108

МедиаВектор

Выпуск 18

Ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, дат, наименований, фамилий, имен, цифровых данных несут авторы статей.

Научные статьи печатаются в соответствии с авторскими вариантами.

Адрес учредителя:

295007, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4
(3652) 54-50-36

Адрес редакции и издателя:

630049, Новосибирская область, г. Новосибирск, проспект Красный, дом 165, офис 4
295007, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4
(3652) 54-50-36

Отпечатано в типографии:

630049, Новосибирская область, г. Новосибирск, проспект Красный, дом 165, офис 4
+79852011282

Подписано к печати 27.11.2025. Дата выхода 12.12.2025.
Формат 210x297. Бумага: офсетная. Печать: офсетная.
Условн. печатн. листов 13,28. Тираж 500 экз. Свободная цена.